

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

48 2019
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 48 (286) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Қайнар Қалдыбайұлы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаета Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Лайнус Полинг* (1901–1994), американский химик, кристаллограф.

Лайнус Полинг родился в Портленде (штат Орегон). Он был первым ребенком в семье немецких иммигрантов. Его отец был в то время коммивояжером для медицинской компании-поставщика, а со временем открыл свою собственную аптеку. Лайнус хорошо учился в школе, однако, твердо решив стать химиком, не стал доучиваться, чтобы получить сертификат об окончании образования, а поступил в Орегонский сельскохозяйственный колледж в Корваллисе учиться на химического инженера. Правда, мать в итоге заставила его оттуда уйти зарабатывать деньги. Но уже в 18 лет не по годам талантливого юношу пригласили преподавать аналитическую химию в колледже. После, уже в Калифорнийском технологическом институте в Пасадене, где он учился в аспирантуре, Полинг защитил докторскую диссертацию по результатам исследований в области рентгеноструктурного анализа неорганических соединений. Затем, получив государственную стипендию, он отправился в Европу совершенствовать свою научную подготовку. В Мюнхене, Цюрихе, а затем Копенгагене его учителями стали известные физики и химики Арнольд Зоммерфельд, Эрвин Шредингер и Нильс Бор.

Лайнус Полинг посвятил себя изучению атомной физики и квантовой теории. Вскоре он смог вплотную заняться квантовомеханической разработкой проблемы химической связи. В 1939 году была опубликована его книга «Природа химической связи», посвященная современной структурной химии. Эта монография до сих пор является настольной книгой химиков-теоретиков.

Полинг объяснил молекулярное строение вещества с применением вновь разработанных представлений о гибридизации атомных орбиталей и теории резонанса и мезомерии.

Теория резонанса помогла Полингу в исследовании строения молекул белков. Много времени он посвятил также изу-

чению способности антител обеспечивать иммунитет. За проведение этих исследований, которые наметили основные пути применения новейших достижений физики и химии в биологии и медицине, Полинг был удостоен звания лауреата Нобелевской премии по химии в 1954 году.

Круг интересов выдающегося американского ученого был чрезвычайно широк. Он много занимался проблемами питания и выработки иммунитета. Полинг полагал, что прием витамина С и других антиоксидантов в больших дозах может способствовать излечению от множества различных болезней, включая рак. Ученый ставил опыты на себе и своей семье. Хотя испытания на клеточных культурах животных показали, что при некоторых формах рака витамин С может уничтожать опухолевые клетки, но анализ проведенных двойным слепым методом медицинских исследований с участием сотен тысяч людей показывает, что влияние приема витамина С и других добавок-антиоксидантов на смертность от рака, сердечно-сосудистых и других заболеваний нейтрально или негативно, вопреки воззрениям Полинга. В целом вопрос полезности витамина С при лечении тяжелых заболеваний по-прежнему исследуется.

В признание научных заслуг Полинг был избран почетным членом пятнадцати академий наук. Результаты его исследований необычайно обширны; он автор более 250 выдающихся научных публикаций. Он также приобрел широкую известность как выдающийся педагог и популяризатор науки. Его «Общая химия» стала одним из лучших учебников для высшей школы.

Большое признание получила общественная деятельность Лайнуса Полинга как борца за мир: он был лауреатом Нобелевской премии мира, а также Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Мазитов Ф. И., Мазитов Р. И., Абитов Т. З.

Органы, осуществляющие государственной надзор за рациональным использованием и охраной недр 251

Мазитов Ф. И., Мазитов Р. И., Абитов Т. З.

Лицензирование деятельности для пользования участком недр 253

Марковцова К. А.

Возведение или создание объекта самовольного строительства 254

Маслов И. И.

Роль координационной деятельности прокуратуры в борьбе с корыстной преступностью 256

Мосова М. А.

Кодификация как решение проблемы систематизации миграционного законодательства 258

Мочиев Х. И.

Некоторые особенности доказывания по делам о защите прав потребителей 260

Мурадян О. Л.

Виды судебных экспертиз, назначаемых по уголовным делам об убийствах 262

Мурадян О. Л.

Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования убийств 264

Назарова Т. В.

Сущность договора поставки товаров для государственных нужд 266

Назарова Т. В.

Порядок заключения договора поставки товаров для государственных и муниципальных нужд 269

Панькина И. Ю., Захарова Н. Ю.

Основы кооперации органов внутренних дел с различными органами государственной власти в сфере обеспечения общественной безопасности 272

Перфилова А. А.

Особенности нормотворчества исполнительных органов государственной власти 275

Погуляева М. В.

Административные наказания за нарушения антимонопольного законодательства 277

Попов А. С.

Государственная и муниципальная гарантия как непоименованный способ обеспечения исполнения обязательств 279

Прасолова М. Ю.

Объективная сторона дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества 281

Прокопьева И. О.

Проблемы реализации наследниками права на обязательную долю 284

Прокопьева И. О.

Основные проблемы наследственного договора 286

Пряникова К. К.

Характеристика вины при совершении преступления, связанного с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена 288

Романенкова Е. А.

Проблемы осуществления прав несовершеннолетних 290

Рудченко Е. И.

Пути модернизации прокурорского надзора за предварительным следствием 294

Рузметов С. А., Солодовникова А. Ю.

Оценка стоимости недвижимого имущества 295

Сенькина А. И., Петровская Е. А.

Деятельность микрофинансовых организаций: особенности правового регулирования через призму законодательных нововведений и дальнейшие перспективы 298

Страшкова Н. В.

Право несовершеннолетних на распоряжение своим имуществом путем составления завещания 299

Сулейманова К. Р.

Рыночная оценка земельных участков: понятие, методы, этапы 301

Тараканова Е. Ю.

Побои в административном законодательстве. Актуальные проблемы 303

Тимакова В. В.

Особенности развития рекламной деятельности в России 308

Францифоров Ю. В., Майков А. Н.

Оценка достоверности заключения и показаний эксперта 311

Хохлов М. А.

Признаки корпорации по современному российскому законодательству 314

Цеона А. С.

Субъект преступления: пути решения спорных вопросов 316

Шарина А. А.

Современное состояние правового регулирования компенсации стоимости проезда к месту отдыха и обратно лицам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностях 319

Шкробка П. И., Миллер В. И.

Исследование доказательств в арбитражном процессе 322

Яценко А. О., Салюкова Е. В.

Конфликты в трудовом законодательстве. Проблема переработки и ненормированного рабочего дня 323

ИСТОРИЯ

Ряков Е. Е.

Взаимодействие королевской власти и парламента во времена правления Эдуарда I 326

ПОЛИТОЛОГИЯ

Рахманов Д. К., Кабилова М.

Тенденции передового мирового опыта в развитии коммуникаций парламента с обществом 329

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Органы, осуществляющие государственной надзор за рациональным использованием и охраной недр

Мазитов Фарид Ильдарович, студент магистратуры;
Мазитов Ринат Ильдарович, студент магистратуры;
Абитов Тимур Зеферович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань)

В целях обеспечения законности сферы недропользования существенным является определение круга органов, уполномоченных законом осуществлять надзор за рациональным использованием и охраной недр.

Государственный надзор за рациональным использованием и охраной недр представляет собой деятельность уполномоченных государственных органов, задачей которых является проверка законодательных требований, определенного порядка осуществления деятельности в сфере недропользования, а также выполнение комплекса мероприятий по геологическому изучению недр, охране и восстановлению окружающей среды.

В ст. 37 Закона РФ «О недрах» законодатель устанавливает понятие геологического контроля (надзора), заключающегося в деятельности государственных органов по профилактике, выявлению и пресечению нарушений субъектами недропользования обязательных требований российского законодательства и международного права в указанной сфере [1].

Недропользование — это предмет совместного ведения Российской Федерации и её субъектов, поэтому реализация данной формы надзора является функцией государства, сформированная в систему мер государственного управления.

Также ст. 37 Закона «О недрах» устанавливается направление надзора в данной сфере, такие как деятельность в области геологического изучения недр, в сфере рационального использования недр, а также в области охраны недр.

В развитие указанной нормы закона принято Постановление Правительства РФ от 12 мая 2005 года № 293 «Об утверждении Положения о государственном надзоре за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр» [2]. Данным положением пред-

усматривается осуществление геологического надзора в формах геологического контроля (надзора) и горного надзора.

Поскольку геологический надзор представляет собой часть системы государственных функций, правом осуществлять его обладают лишь уполномоченные органы государства, главные задачи которых заключаются в обеспечении соблюдения порядка пользования участками недр, а также утвержденных правил государственного учета и отчетности. К органам, полномочные выполнять меры геологического надзора, относятся: Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор, орган геологического надзора); Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор, орган горного надзора); органы власти субъектов РФ.

Свои полномочия данные органы реализуют путем проведения проверок в рамках профильного законодательства с соблюдением требований Федерального закона от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [3].

Государственный геологический надзор осуществляется в формах геологического контроля за геологическим изучением, использованием и охраной недр, а также горного надзора за безопасным ведением работ в сфере недропользования.

Способом проведения геологического контроля являются периодические проверки на основании приказа компетентного государственного органа. Государственный контроль за использованием и охраной недр осуществляется в ходе плановых и оперативных проверок объектов недропользования, при согласовании планов развития

горных работ, технических проектов и осуществлении иной разрешительной деятельности. Основные требования при его проведении, а также полномочия должностных лиц, осуществляющих проверку, закреплены Постановлением Правительства РФ от 12 мая 2005 г. № 293 «Об утверждении Положения о государственном контроле за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр».

Систему геологического надзора составляют геологический контроль и горный надзор, которые имеют различия в объектах регулирования, однако имеют схожий предмет регулирования, а государственные органы имеют схожий круг полномочий.

К сфере регулирования геологического контроля входят соблюдение норм, стандартов и правил в области изучения, использования и охраны недр, а к сфере горного надзора — обеспечение соблюдения норм и требований по безопасному ведению работ в сфере недропользования, по охране недр, предупреждению и устранению вредного влияния на природный мир, население, объекты недвижимости.

Государственные инспекторы являются должностными лицами геологического контроля и горного надзора. К их полномочиям относятся проведение проверок субъектов недропользования, а также привлечение их к ответственности за нарушение установленных норм, правил и требований. Выявленные в ходе проверок нарушения влекут привлечением виновных лиц к административной ответственности.

Так, в соответствии со ст. 23.22 КоАП РФ Росприроднадзор уполномочен рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 7.2, ст. 7.3, ст. 7.4, ст. 7.10, ст. 8.5, ст. 8.9, ч. 1 ст. 8.10, ст. 8.11,

ч. 1 ст. 8.17, ст. 8.18, ст. 8.19, ст. 8.20 КоАП РФ. В свою очередь Ростехнадзор в соответствии со ст. 23.31 КоАП РФ осуществляет полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 7.2, ч. 2 ст. 7.3, ст. 7.4, ч. 2 ст. 8.10, ч. 1 ст. 8.17, ст. 8.19, ст. 8.39, ст. 9.1 и ч. 11 ст. 19.5 КоАП РФ [4].

Например, постановление Управления Росприроднадзора по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре о привлечении открытое акционерное общество «С» к административной ответственности по части 2 статьи 7.3 КоАП РФ за нарушение требований лицензии и проектного документа на разработку месторождения в результате ненадлежащей утилизации попутного нефтяного газа было оспорено. Суд первой инстанции счел, что в действиях истца не усматривается вина, так как истцом было доказано, что он не мог знать, какой объем попутного нефтяного газа надо утилизировать, и освободил открытое акционерное общество «С» от ответственности. Росприроднадзор подал иск в апелляционное производство [5].

Анализ судебной практики указывает на то, что наиболее распространенными составами административных правонарушений в области недропользования являются нарушения требований по охране недр и ресурсов, правил проведения работ по геологическому изучению недр, а также пользование недрами без разрешения (лицензии) либо с нарушением его условий.

На основе вышесказанного можно отметить, что в данный момент функционирует целостная и эффективная система органов, которые осуществляют функции государства по надзору за рациональным использованием и охраной недр, а также способных оперативно привлечь правонарушителя к ответственности.

Литература:

1. Закон РФ от 21 февраля 1992 № 2395—1 (ред. от 03.08.2018) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 10. — Ст. 823.
2. Постановление Правительства РФ от 12 мая 2005 № 293 (ред. от 27.07.2017) «Об утверждении Положения о государственном надзоре за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 20. — Ст. 1885.
3. Федеральный закон от 26 декабря 2008 № 294-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6249.
4. Шлютер М. С. Административная ответственность за правонарушения в области охраны недр и недропользования: монография / Шлютер М. С. — М.: Проспект, 2016. — 131 с.
5. Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 15 августа 2012 г. по делу № А752942/2012 // СПС «Консультант Плюс».

Лицензирование деятельности для пользования участком недр

Мазитов Фарид Ильдарович, студент магистратуры;
Мазитов Ринат Ильдарович, студент магистратуры;
Абитов Тимур Зеферович, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань)

Согласно законодательству Российской Федерации, недра являются собственностью государства. Недра невозможно приобрести, получить в наследство, принять в дар либо использовать в качестве недвижимого заложенного имущества. В то же время существует возможность получить у государства право на осуществление деятельности недропользования. Для этого следует оформить необходимые документы. Основанием для деятельности недропользования является государственная лицензия на пользование участком недр.

Лицензия на недропользование, в соответствии со статьей 11 Закона РФ «О недрах» [1] — это документ, удостоверяющий право ее владельца на пользование участком недр в определенных границах в соответствии с указанной в ней целью в течение установленного срока при соблюдении владельцем заранее оговоренных условий.

Также, в соответствии с данной статье лицензия удостоверяет право проведения работ по геологическому изучению недр, разработке месторождений полезных ископаемых, использованию отходов горнодобывающего и связанных с ним перерабатывающих производств, использованию недр в целях, не связанных с добычей полезных ископаемых, образованию особо охраняемых геологических объектов, сбору минералогических, палеонтологических и других геологических коллекционных материалов, тем самым косвенным образом подтверждая, что перечисленные виды недропользования подлежат лицензированию.

Согласно Закону РФ «О недрах» статус недропользователя может быть получен следующими категориями граждан:

- 1) граждане, являющиеся индивидуальными предпринимателями;
- 2) участники простых товариществ без образования юридического лица;
- 3) юридические лица, которые были созданы гражданами Российской Федерации с привлечением иностранных вложений или самостоятельно.

В случаях, когда полезные ископаемые, расположенные на территории земельного участка, используются в хозяйственной деятельности, которая не является коммерческой, тогда владелец либо арендаторы имеют право осуществлять данную деятельность без оформления лицензии.

Лицензия на недропользование выдается в конкурсном или аукционном режиме. Лицензию на пользование участком недр без участия в конкурсе могут выдать в особых случаях в соответствии с решением специальной

комиссии, созданной федеральным органом по управлению природными недрами. Также в состав этой комиссии должны присутствовать представители от исполнительной власти региона страны.

Для принятия участия в конкурсе или аукционе на получение лицензии соискателю следует вовремя подать заявку и представить в конкурсную комиссию все необходимые документы.

На основании конкурса лицензия на пользование участком недр предоставляется участнику, чье предложение являлось экономически наиболее выгодным по сравнению с другими. Также, предложение обязано соответствовать всем технологическим и экологическим требованиям.

Лицензия на пользование участком недр выдается Министерством экологии и природных ресурсов. Кроме того, за данный вопрос отвечает Департамент недропользования. Обычно, в рамках организации конкурса по выдаче лицензий на пользование участком недр принимают участие представители со стороны исполнительной власти областей и регионов.

В случаях выдачи лицензии на разработку месторождения федерального значения заявка оценивается также и Правительством России. Существует реестр лицензий на недропользование. Разрешение на эксплуатацию территории вместе со строительством подземных сооружений для осуществления деятельности, не связанной с добычей ресурсов, принимается после процедуры согласования с Госгортехнадзором [2].

За нарушение условий лицензионного соглашения законодательство предусматривает административную ответственность. Государство является главным участником административно-правовых отношений в области недропользования. Это обусловлено, во-первых, спецификой недр, во-вторых, тем, что государство является собственником недр. В соответствии с лицензией недропользователю предоставляется определенный участок недр для геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых. Другими словами, пользование недрами без лицензии представляет собой самовольное деяние. Данный состав сформулирован в статье 7.3 КоАП РФ «Пользование недрами без лицензии на пользование недрами либо с нарушением условий, предусмотренных лицензией на пользование недрами, и (или) требований утвержденных в установленном порядке технических проектов» [2].

На наш взгляд, данный состав имеет ряд недостатков. В частности, не в полной мере учтена специфика не-

дропользования. Частью 2 статьи 7.3. КоАП РФ предусмотрено противоправное деяние в виде «пользования недрами с нарушением условий, предусмотренных лицензией на пользование недрами, и (или) требований утвержденного в установленном порядке технического проекта». Следовательно, особенность данной правовой нормы состоит в том, что административная ответственность устанавливается не за нарушение положений закона или подзаконного акта, а за нарушение индивидуального административного акта — лицензии на пользование недрами, — при этом многие условия будут специфическими применительно к каждому конкретному участку недр. Также лицензия на пользование недрами зачастую содержит дополнительные условия для пользования данным участком недр.

В целях уточнения используемой в законодательстве терминологии необходимо в соответствии со статьей 12 Закона РФ «О недрах» определить основные условия пользования недрами применительно к различным видам недропользования, предусмотренным статьей 6 этого закона. Кроме того, в Законе РФ «О недрах» и подзаконных нормативных правовых актах, относящихся к подготовке проектной документации, следует дать определение понятия «требования технических проектов», выделив при этом основные требования технических проектов.

Литература:

1. Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395—1 (ред. от 03.08.2018) «О недрах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 10. — Ст. 823.
2. Лицензия на недропользование: порядок получения и продления. Закон Российской Федерации «О недрах» // Электронный ресурс. — <https://businessman.ru/litsenziya-na-nedropolzovanie-poryadok-polucheniya-i-prodleniya-zakon-ri-o-nedrah.html>
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях / Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195—ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

Возведение или создание объекта самовольного строительства

Марковцова Каролина Анатольевна, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Одним из элементов в гражданском правоотношении является объект. Поэтому при изучении института самовольной постройки и возникающих при этом отношений, особое внимание необходимо уделить объекту данных правоотношений. То есть, важным является вопрос, что следует понимать под самовольной постройкой и какие объекты могут выступать в качестве таковой.

Отношения по возведению, созданию зданий, сооружений или других строений регулируются нормами Градостроительного кодекса РФ с учетом требований гражданского, земельного, лесного, водного и иного зако-

Определенные проблемы возникают и при квалификации административных проступков по части 2 статьи 7.3. КоАП РФ в случае невыполнения недропользователем условий лицензии на пользование недрами, в том числе дополнительных. Например, нарушение недропользователем условия об обязательном оформлении прав на земельные участки до начала пользования недрами вызывает необходимость разграничения административного проступка по части 2 статьи 7.3. КоАП РФ, предусматривающей пользование недрами с нарушением условий, предусмотренных лицензией на пользование недрами, и административного проступка, предусмотренного статьей 7.1 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за самовольное занятие земельного участка.

Кроме того, вызывает проблемы квалификация административного правонарушения по части 2 статьи 7.3 КоАП РФ в части пользования недрами с нарушением требований утвержденного в установленном порядке технического проекта.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лицензирование недропользования является важным механизмом обеспечения рационального использования недр и охраны окружающей среды которое защищается государством. Однако существуют определенные проблемы квалификации административных проступков и правонарушения.

нодательства, если данные отношения не урегулированы законоположениями о градостроительной деятельности.

В соответствии со ст. 222 ГК РФ самовольной постройкой признается здание, строение, сооружение или другое строение, возведенное или созданное без получения законодательно установленных согласований, разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил либо возведенное или созданное на земельном участке, не предоставленном в установленном порядке или на земельном участке, разрешенное использование которого не допускает строительство таких объ-

ектов. При этом правовые нормы, регулирующие порядок выдачи разрешений и согласований на строительство, разрешенное использование земельного участка, а также градостроительные нормы и правила должны действовать на дату возведения или строительства либо на дату выявления самовольной постройки.

Однако законоположения статьи 222 ГК РФ не распространяются на объекты, не относящиеся к недвижимому имуществу, в том числе на перепланировку, переустройство переоборудование недвижимого имущества, в результате которых новый объект недвижимости не создан (указанная позиция отражена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ N10, Пленума ВАС РФ N22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»).

Иная правовая позиция отражена в п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N10, Пленума ВАС РФ N22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», согласно которой недвижимой вещью является правомерно возведенное (строящееся) здание или сооружение (объект незавершенного строительства). Данная позиция поддержана обширной судебной практикой Верховного суда. Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.01.2016 N18-КГ15–222 указано, что имущество признается недвижимым, если оно возведено в установленном законом иными нормативными актами порядке с соблюдением градостроительных и строительных норм и правил на земельном участке, предоставленном для целей строительства и реконструкции, в соответствии с разрешительной документацией.

На основании изложенного, объект самовольного строительства изъят из гражданского оборота, на него не может быть субъективных гражданских прав.

Абз. 2 пункта 1 статьи 222 ГК РФ определено, что в случае если собственник объекта самовольного строительства не знал и не мог знать о запрете его возведения или создание на принадлежащем ему на праве собственности земельном участке, то такой объект не является самовольной постройкой. Настоящее положение призвано защитить права и интересы лиц, действующих добросовестно на основании и в соответствии с полученными согласованиями и (или) разрешениями с соблюдением градостроительных и строительных норм и правил.

Отсутствие у застройщика необходимой информации о видах разрешенного использования земельных участков было вызвано ограничением публичного доступа к сведениям о таких земельных участках (в том числе в отношении зон с особыми условиями использования территорий), их границах, ограничениях использования.

Легализовать объект самовольного строительства можно, путем приведения самовольной постройки в соответствие

с установленными требованиями и на основании решения суда о признании права на такой объект недвижимости.

При этом признание права собственности на самовольную постройку возможно при условии соблюдения следующих требований:

- на день обращения с заявлением о признании права собственности объект самовольного строительства должен соответствовать градостроительным и строительным нормам и правилам;
- лицо, осуществившее возведение или создание объекта, должно обладать правом на земельный участок, на котором осуществлено строительство;
- разрешенное использование земельного участка должно допускать строительство на нем;
- сохранение постройки не нарушает права третьих лиц, а также не угрожает жизни и здоровью граждан.

При этом органы местного самоуправления не вправе принимать решение о сносе объекта самовольного строительства, права на который зарегистрированы в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество либо если в отношении указанного объекта есть вступившее в законную силу решение суда об отказе в удовлетворении требования о сносе, а также в случае, если самовольная постройка возведена или создана на земельном участке, не находящемся в государственной или муниципальной собственности и не создающая угрозу жизни и здоровью граждан.

Большое количество споров возникает в случае строительной аренды, когда возведенное или создание арендатором здания, сооружения, иное строение не соответствует градостроительным и строительным нормам и правилам. Судебная практика исходит из того, что в этом случае право собственности на указанный объект за арендатором признать возможно, однако в пункте 3 статьи 222 ГК РФ, посвященном судебной легализации самовольной постройки, арендатор не поименован. Тем не менее, в практике Верховного Суда отражена позиция, в соответствии с которой признать право собственности за арендатором на такой объект можно, если земельный участок был предоставлен под строительство. Кроме того, должно быть не просто вещное право на земельный участок, а возможность создавать такой объект на этом земельном участке.

Институт самовольной постройки в том виде, в котором он в настоящее время существует в Российской Федерации, в основном касается нарушений публичного порядка, связанных со строительством: нарушений формальных, когда отсутствует соответствующее разрешение или согласование или когда разрешенное использование земельного участка не допускает строительство на нем, а также нарушения содержательные, выраженные в нарушении градостроительных и строительных норм и правил.

Поскольку большая часть объектов, обладает признаками самовольного строительства, в 2018 году на законодательном уровне санкция за создание самовольной постройки была смягчена и в качестве альтернативы сносу, лицу, претендующему на такую постройку, было предло-

жено привести ее в соответствии с установленными требованиями, предъявляемыми к объекту строительства, а также с установленными правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории или обязательным требованиям к параметрам постройки.

Институт самовольной постройки имеет свою историю и занимает важное место в гражданском праве, регулируя при этом правоотношения в земельном и градостроительном праве.

По смыслу гражданского законодательства признание права на самовольную постройку является одним из способов приобретения права собственности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации;
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N10, Пленума ВАС РФ N22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»;
3. Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.01.2016 N18-КГ15–222.

Роль координационной деятельности прокуратуры в борьбе с корыстной преступностью

Маслов Илья Игоревич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Актуальность темы статьи обусловлена рядом факторов. Во-первых, это масштабы корыстной преступности. Во-вторых, немаловажное значение координационной деятельности в деле борьбы с корыстной преступностью; в-третьих, в сфере правового регулирования координационной деятельности прокуратуры существует немало вопросов и пробелов, требующих решения и восполнения.

В настоящее время более половины всех зарегистрированных преступлений (52,1) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем кражи, мошенничества, грабежа и разбоя. Каждое сорок третье зарегистрированное преступление — квартирная кража. В январе — августе 2019 года их число сократилось на 10,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [7].

Приоритетное положение преступлений корыстной направленности предопределяется сложившимися социально-экономическими и политико-правовыми реалиями и доминированием корыстной цели в общем перечне зарегистрированных преступлений против собственности.

Следует признать, что общеуголовная корыстная преступность, несмотря на государственно-правовые меры противодействия, сохраняет достаточно высокие относительные показатели как в России, так и в иностранных государствах. В этой связи интерес представляет мнение зарубежных криминологов по поводу тенденций развития

При этом в юридической науке ряд ученых рассматривают создание объекта самовольного строительства лишь в административно-правовом аспекте как правонарушение. При указанном подходе самовольная постройка не может стать объектом гражданских прав и подлежит сносу.

Самовольное строительство как распространенное и неоднозначное явление вызывает много вопросов, которые до настоящего времени не решены в полной мере. В том числе в полной мере не решен вопрос судьбы самовольной постройки и ответственность застройщика за ее возведение или создание.

общеуголовной корыстной преступности. В частности, отмечается, что доля общеуголовных корыстных преступлений от общего объема зарегистрированной преступности в странах с развитой экономикой превышает 90%, а в развивающихся — более 60%.

Стабильно высокий удельный вес общеуголовной корыстной преступности обуславливает необходимость совершенствования государственно-правовых мер противодействия данному социально-правовому явлению.

Повышение эффективности мер противодействия корыстной преступности актуализирует создание научно-обоснованной программы, которая должна аккумулировать комплекс взаимообусловленных мер законодательного, правоприменительного и практико-ориентированного характера.

Корыстная преступность, как особый вид преступности, представляет собой сложное системное образование и как было отмечено на круглом столе, проведенном Академией Генеральной прокуратуры Российской Федерации, посвященный проблемам предупреждения преступности на современном этапе развития нашего общества, соединено между собой сложными взаимообусловленными связями.

Например, мошенничество является апогеем корыстной преступности порождающее коррупцию. Процент квартирных краж с годами увеличивается из — за социального неравенства населения. И именно поэтому

для каждого вида корыстного преступления необходимо вычлениить и сформулировать проблему, которая наиболее остра и значима для стабилизации его проявления, тем самым определив цели координации [8].

Действия прокуратуры по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с корыстной преступностью представляют собой работу по содержанию аналитическую, научная [5]; это постоянное изучение динамики и тенденций корыстной преступности; это накопление информации о преступлениях, о лицах, совершивших преступления, о преступности и всех связанных с ней явлениях; это огромная работа как по ее объему, так и по серьезности задач и сложности методов их решения [4].

Вопросы, касающиеся координационной деятельности прокуратуры, на данном направлении борьбы с преступностью, отражены в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 16 января 2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» [1].

В приказе содержатся положения, обязывающие прокуроров обращать особое внимание на исполнение законов, направленных на борьбу с различными видами преступности, в том числе, и на борьбу с преступлениями в сфере экономики. За прокурорами закрепляется обязанность по проведению анализа состояния преступности среди несовершеннолетних, а также ее причин и условий — не реже одного раза в полугодие.

По результатам такого анализа прокурорам надлежит принимать определенные меры для повышения эффективности борьбы с корыстными преступлениями.

Приказом установлена обязанность прокуратуры особое внимание уделять установлению фактов хищения

государственного и муниципального имущества, нецелевого использования бюджетных средств, коррупции, рейдерства, легализации преступных доходов; борьбе со злоупотреблениями и хищениями в сферах образования, здравоохранения, жилищного и дорожного строительства, агропромышленного и градостроительного комплексов; обнаружению случаев незаконного оборота спиртосодержащей продукции.

Особое внимание указано уделять привлечению органов федерального государственного надзора (контроля) и муниципального контроля к выработке мер по противодействию экономическим, в том числе таможенным, правонарушениям.

Таким образом, основная роль прокуратуры — это координация деятельности по борьбе с корыстными преступлениями против государственного имущества, их выявлению, возмещения ущерба.

Основная форма координационной деятельности прокуратуры в борьбе с корыстной преступностью — это проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов в указанной сфере.

Для решения проблемы методического и организационного обеспечения координирующей роли прокуратуры необходимо создавать на уровне районных прокуратур отделы, занимающиеся изучением преступности, ее причин, условий и динамики и разработкой мер по ее предупреждению, организующие совместные с другими правоохранительными органами совещания.

Лишь совместные действия, направленные на борьбу с корыстной преступностью, позволят снизить ее масштабы и как следствие обеспечить права, свободы и законные интересы человека и гражданина.

Литература:

1. Приказ Генпрокуратуры России от 16.01.2012 N7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» // «Законность». N3. 2012.
2. Указ Президента РФ от 18.04.1996 N567 (ред. от 07.12.2016) «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью») // СЗ РФ. 1996. N17. Ст. 1958.
3. Демченко Н. А. Оценка эффективности координационной деятельности прокуратуры по борьбе с преступностью // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 3 (19). С. 487–493.
4. Кожевников О. А. О направлениях деятельности прокуратуры // Российский юридический журнал. 2016. № 1. С. 109–114.
5. Князева Е. Г. Понятие и задачи координации прокуратурой правоохранительной деятельности // Рос. следователь. 2013. № 12. С. 45–48.
6. Семенов А. с. О теоретических аспектах координации прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в исследованиях ученых научно-исследовательского института Университета прокуратуры РФ // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 2 (64). С. 121–126.
7. <https://мвд.рф/reports/item/18401476/> (дата обращения: 27.09.2019).
8. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации — URL: <http://genproc.gov.ru/news/news—76439.html>

Кодификация как решение проблемы систематизации миграционного законодательства

Мосова Мария Александровна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассматриваются вопросы систематизации миграционного законодательства путем его кодификации. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что принятие миграционного кодекса Российской Федерации позволит расширить сферу государственного регулирования миграционных потоков. Кодифицированный акт в сфере миграционного законодательства позволил бы обеспечить целостность всего массива законодательного регулирования в рамках единого документа, а также решить проблемы систематизации миграционного законодательства, способствуя не только упорядочению всей нормативной правовой основы, но и коренной переработке его отдельных элементов, обеспечению их согласованности, компактности, в том числе путем расчистки нормативного материала от излишних, устаревших и дублирующих друг друга норм. В то же время одной из причин, сдерживающих процессы кодификации, а также систематизации и правоприменения в целом, является непроработанный категориально-понятийный блок миграционного законодательства.

Ключевые слова: миграция, миграционные отношения, миграционное законодательство, кодификация законодательства, миграционный кодекс.

Современное миграционное законодательство Российской Федерации представляет собой высокоструктурированный комплекс правовых норм, имеющий отдельные признаки отраслевой обособленности в общем направлении развития системы российского законодательства. В то же время миграционное законодательство сохраняет межотраслевой характер — правовое регулирование осуществляется на стыке конституционного, административного, трудового, финансового, гражданского, уголовного, социального и некоторых других отраслей законодательства [1].

Как известно, общей характерной чертой российского законодательства в последние два десятилетия являются высокие темпы его развития. Однако даже на общем фоне быстрой динамики развития российского законодательства совершенствование миграционного законодательства происходит еще более быстрыми темпами. Причины такой интенсивной динамичности носят многофакторный характер, они обусловлены как целями государственной внешней политики, так и интересами развития внутренней социально-экономической политики.

Эти и другие изменения в миграционном законодательстве свидетельствуют о том, что на сегодняшний день сформирован уже достаточно обширный массив правовых актов, задействованных в регламентации миграционных отношений.

Сегодня мы имеем достаточно мощную современную мобильную правовую базу, созданную для регламентации миграционных отношений. Все это дает основание для признания миграционного законодательства в качестве самостоятельной отрасли российского законодательства.

Вместе с тем, существующие проблемы, обусловленные дублированием правового регулирования миграционных отношений со стороны различных нормативных правовых актов, недостаточной сбалансированностью

в обеспечении законодательного регулирования отдельных сфер миграционных отношений, а также наличием пробелов и коллизий в их правовом регулировании, приводят к нарушениям в системном подходе к развитию миграционного законодательства. Это требует качественно новых подходов к развитию миграционного законодательства, основанных на использовании кодификационных способов его построения.

Законодательное регулирование миграционных отношений является фундаментом для работы органов государственной власти Российской Федерации, а также для других субъектов этой деятельности. В то же время, правовое регулирование миграционных отношений должно выстраиваться не хаотично, а в соответствии с государственной политикой, вырабатываемой на основе стратегических приоритетов и объективных тенденций развития государства с учетом прогнозирования изменений внешних факторов политического, экономического, социального, природного и международного характера.

Вместе с тем, следует отметить ряд существенных проблем, которые в большинстве случаев препятствуют обеспечению системного подхода в этом развитии миграционного законодательства.

Во-первых, элементы системы миграционного законодательства слабо сопряжены между собой, что приводит к нарушению системных подходов. Отдельные элементы данной системы развиваются самостоятельно, отдельно друг от друга, и не представляют собой единую систему. В связи с чем, различные правовые акты, относящиеся к миграционной сфере, не только взаимодополняют, но и дублируют друг друга.

Например, это можно заметить при сравнении Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федерального закона от 15 августа 1996 г.

№ 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Во-вторых, одной из проблем отсутствия системного подхода является недостаточно сбалансированное развитие отдельных элементов системы миграционного законодательства.

Это касается явных пробелов, которые охватывают целые блоки таких отношений в сфере миграции, а не один вид отношений. Например, регламентация отношений в сфере адаптации и интеграции мигрантов.

В-третьих, следует отметить, неоправданное вторжение подзаконного нормотворчества в сферу законодательного регулирования [2]. Вместе с тем, основным регулятором миграционных отношений, как и всех правовых отношений в целом, является закон.

На примере Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 22.06.2006 № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», можно увидеть, что в ней устанавливаются многие элементы правового статуса добровольного переселенца из числа иностранных граждан.

Данные вопросы касаются непосредственно регулирования прав и свобод человека и гражданина и согласно п. «в» ст. 71 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) относятся к ведению Российской Федерации. В соответствии со ст.ст. 62 и 76 Конституции РФ особенности правового статуса иностранных граждан должны регулироваться федеральными законами или международным договором, а не подзаконным актом.

Много пробелов остается на законодательном уровне и в определении понятийного аппарата. Так, некоторые весьма значимые понятия на сегодняшний день регламентируются только в Концепции государственной миграционной политики. Этот документ «мягкого» права, а также установленные в нем понятия, не могут использоваться для целей законодательного регулирования миграционных отношений. Множество проблем и пробелов остается и в определении других основополагающих понятий данной сферы законодательного регулирования.

Кодификация миграционного законодательства — это один из вариантов решения проблемы ее надлежащей систематизации. Идея принятия миграционного кодекса Российской Федерации неоднократно являлась дискуссией в различных научных изданиях. Несмотря на то, что изначально создание такого кодекса в большинстве случаев отвергалась, в настоящий момент она начинает приобретать все больше своих сторонников.

Благодаря кодификации миграционного законодательства Российской Федерации появится возможность объединить большой массив правовых актов, регулирующих отношения в рассматриваемой сфере, в единый нормативно-правовой акт.

Анализ существующего миграционного законодательства свидетельствует о его многоплановости и достаточной разрозненности, а порой и противоречивости. На базе имеющегося нормативно-правового материала можно создать единый правовой акт, учитывающий все особенности различных миграционных потоков. Принятие миграционного кодекса Российской Федерации позволит расширить сферу государственного регулирования миграционных потоков [4].

Кодификация могла бы решить и проблемы внутренней миграции, которая является одним из самых многочисленных и весьма значимых для социально-экономического развития страны. Кроме того, в настоящее время недостаточно внимания уделяется незаконной (скрытой) миграции населения, где в основном делается упор на незаконную внешнюю миграцию населения.

Одной из важных задач, которую необходимо решить кодификации, является создание единого нормативно-правового акта высшей юридической силы. Такой акт устранил бы пробелы и противоречия правового регулирования миграционных отношений, стал бы нормативной базой для миграционной политики Российского государства, а также сформулировал основы правовой миграционной политики страны.

Создание миграционного кодекса Российской Федерации могло бы стать реальным процессом позитивного правотворчества и одновременно необходимым и эффективным средством систематизации миграционного законодательства Российской Федерации [4].

Вместе с тем, следует отметить, что для принятия миграционного кодекса имеются и достаточно серьезные препятствия.

Предмет регулирования миграционного кодекса четко не определен, поскольку неизвестно будут ли в нем решаться вопросы внутренней и внешней миграции или в нем найдут регламентацию только отношения, связанные с внешней миграцией (иммиграцией).

Одной из причин, сдерживающих процессы кодификации, а также систематизации и правоприменения в целом, является непроработанный категориально-понятийный блок миграционного законодательства.

Кроме того, миграционное законодательство — одна из наиболее динамично развивающихся отраслей российского законодательства. Это также является серьезным сдерживающим фактором его кодификации, поскольку приведет к нестабильности достаточно большого по объему документа — кодекса. Конечно, в существующие кодексы нередко вносятся изменения, что не исключает их существование. Однако в данном случае речь идет об изменениях концептуальных подходов, а не отдельных частных положений.

Безусловно, кодекс не единственное решение для всех имеющихся проблем в развитии миграционного законодательства. Нахождение конкретных механизмов регулирования миграционных отношений в большинстве случаев не зависит от принятия или непринятия кодекса. Сле-

дует также отметить, что кодификация — это длительный процесс, во многом это вопрос будущего, а не современного этапа. Но именно кодекс позволил бы обеспечить целостность всего массива законодательного регулирования в рамках единого документа, а также решить многие другие проблемы систематизации миграционного законодательства, способствуя не только упорядочению всей нормативной правовой основы, но и коренной переработке его отдельных элементов, обеспечению их согласо-

ванности, компактности, в том числе путем расчистки нормативного материала от излишних, устаревших и дублирующих друг друга норм.

Таким образом, отсутствие в Российской Федерации систематизированного и комплексного миграционного законодательства является негативным условием развития законодательства на современном этапе, поскольку многие вопросы правового регулирования остаются не урегулированными на уровне закона.

Литература:

1. Андриченко Л. В., Плюгина И. В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография. М., 2019.
2. Андриченко Л. В. Проблемы систематизации миграционного законодательства // Журнал российского права. 2014. № 12.
3. Будалин Е. П. Миграция: проблемы правового регулирования // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2010. Вып. 1.
4. Жеребцов А. Н. Кодификация миграционного законодательства как правовая основа формирования миграционной политики Российской Федерации // Российская юстиция. 2008. № 2.
5. Хабриева Т. Я. Миграционное право России. Теория и практика. М., 2008.

Некоторые особенности доказывания по делам о защите прав потребителей

Мочиев Хамзат Исламович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Одной из основных особенностей дел о защите прав потребителей являются особенности доказывания, которые предопределяются самой спецификой спора, в котором потребитель является слабой стороной. Именно это обуславливает существование специальных норм, устанавливающих изъятие из общего правила распределения обязанности по доказыванию, и перекладывающих обязанность доказывания многих фактов, с покупателя на продавца. При этом сложность вопроса состоит в том, что далеко не все доказательственные презумпции прямо закреплены в нормах права. Многие из них выводятся путем толкования и являются так называемыми косвенными. В этой связи видится возможным рассмотреть указанные особенности применительно к спорам относительно продажи товаров.

В соответствии с ч. 2 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 декабря 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 17 октября 2019 г.) (далее — ГПК РФ) суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались. Это направление деятельности суда М. К. Треушников называет восполнительной функцией, обеспечивающей баланс между законностью и состязательностью [1, с. 39]. На практике суд уже в определении о подготовке дела к судебному разбирательству

решает этот вопрос. За правильность распределения обязанности по доказыванию отвечает суд, а допущенные при этом ошибки могут влечь отмену решения суда.

Следует отметить, что в Законе РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300—1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 18 июля 2019 г.) (далее — Закон РФ «О защите прав потребителей») закреплены специальные нормы, устанавливающие изъятия из общего правила в соответствии с которым каждая сторона обязана доказать те обстоятельства, на которые она ссылается в качестве основания своих требований или возражений. Так в соответствии с п. 5 ст. 18 Закона продавец обязан провести проверку качества товара, а в случае возникновения спора о причинах появления недостатков обязан провести экспертизу за свой счет. Из этого можно сделать вывод, что даже если истец заблуждается относительно качества товара и не представляет убедительных доказательств, подтверждающих наличие недостатков, факт отсутствия недостатков доказывается продавцом. Это же касается и доказывания факта существенности недостатка (признаков). Существенный недостаток, согласно законодательству о защите прав потребителей — это неустранимый недостаток или недостаток, который не может быть устранен без несоразмерных расходов или затрат времени, или выявляется неоднократно, или проявляется вновь после его устранения, или другие подобные недостатки.

При разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере) (пункт 4 статьи 13, пункт 5 статьи 14, пункт 5 статьи 23.1, пункт 6 статьи 28 Закона РФ «О защите прав потребителей», статья 1098 ГК РФ).

В случае продажи товара ненадлежащего качества распределение бремени доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности (отсутствие вины) зависит от того, установлен ли на товар гарантийный срок и от времени их возникновения.

Так при отсутствии гарантийного срока потребитель обязан доказать факт того, что недостатки товара возникли до момента его передачи, или по причинам, возникшим до этого для того, чтобы у продавца наступила ответственность.

При наличии гарантийного срока обязанность доказывания того, что недостатки возникли после передачи товара потребителю вследствие нарушения им правил использования и т.д. возложена на продавца, ее выполнение освобождает его от ответственности.

Кроме того, бремя доказывания невозможности замены товара вследствие обстоятельств, за которые не может отвечать продавец, а также бремя принятия последним всех необходимых мер для выполнения требований потребителя в указанных случаях лежит на продавце.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» также указывается, что при рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных ему недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре (работе, услуге), суду следует исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о его свойствах и характеристиках, имея в виду, что в силу Закона о защите прав потребителей продавец обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность компетентного выбора. При этом необходимо учитывать, что по отдельным видам товаров перечень и способы доведения информации до потребителя устанавливаются Правительством Российской Федерации. Из этого вытекает, что бремя доказывания факта предоставления потребителю необходимой и достоверной информации в случае неправильного использования товара, приведшая к недостаткам товара возложена на продавца.

В отношении доказывания остальных фактов действует общее правило распределения обязанности по доказыванию.

Так же установлены и фикции, так при решении судом вопроса о компенсации потребителю морального вреда

достаточным условием для удовлетворения иска является установленный факт нарушения прав потребителя, тогда как сам размер компенсации может доказываться потребителем исходя из характера причиненных ему нравственных и физических страданий, принципа разумности и справедливости.

Что касается доказательств, которые могут использоваться в доказывании по этим категориям дел, то необходимо учитывать, что исходя из п. 5 ст. 18 Закона «О защите прав потребителей», ст. 493 ГК РФ отсутствие у потребителя кассового или товарного чека, чека безналичной оплаты услуг либо иного документа, удостоверяющего факт и условия покупки товара, не является основанием для отказа в удовлетворении его требований продавцом (изготовителем, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером).

В подтверждение факта заключения договора и его условий потребитель вправе ссылаться на свидетельские показания.

При дистанционных способах продажи товаров (заказа работ, услуг), когда используются средства удаленной связи (в частности, такие, как почта, Интернет, телефон), а оплата товара (работ, услуг) осуществляется потребителем посредством электронных или безналичных расчетов, в том числе с использованием банковских карт и (или) иных установленных законом средств платежа, включая электронные средства платежа, факт покупки может быть подтвержден выпиской с банковского счета об авторизации и о совершении транзакции с указанием получателя платежа, итогов дебетовых и кредитовых операций и т.п., а также иными документами, подтверждающими перевод денежных средств (например, подтверждением об исполнении распоряжения клиента об осуществлении перевода электронных денежных средств, выдаваемым клиенту оператором электронных денежных средств).

Кроме того, обратим внимание и на то, что по делам о защите прав потребителей одним из часто используемых доказательств является заключение эксперта [2, с. 43]. Особенность, как представляется, состоит в том, что по делам о защите прав потребителей исходя из того же п. 5 ст. 18 Закона «О защите прав потребителей» причины возникновения недостатков товара продавец обязан подтверждать экспертизой. Но здесь важно отличать досудебную экспертизу товара по делам о защите прав потребителей и судебную экспертизу, которая назначается судом в установленной законом гражданско-процессуальной форме и относится к средствам доказывания. В последнем случае законодатель говорит о досудебной экспертизе, заключение которой в процессе используется лишь как письменное доказательство. Но исходя из вышеизложенного, такое письменное доказательство является обязательным за исключением случаев, «когда ее результаты будут оспорены в суде», путем проведения судебной экспертизы.

Таким образом, в подтверждение причин возникновения недостатков в материалах дела обязательно должно быть либо заключение досудебной экспертизы (обязательное письменное доказательство), или судебной экспертизы (несмотря на то, что в п. 7 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 19 декабря

2003 № 23 «О судебном решении», указано, что заключение эксперта, равно как и другие доказательства по делу, не являются исключительными средствами доказывания и должны оцениваться в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами (ст. 67, ч. 3 ст. 86 ГПК РФ).

Литература:

1. Треушников М. К. Судебные доказательства. М. ОАО «Издательский дом Городец», 2004. С. 39–40.
2. Толстиков К. С., Иванова Ж. Б. Законодательная регламентация проведения экспертизы товаров по спорам о защите прав потребителей // Конкурентное право. 2014. № 4. С. 42–46.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 декабря 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2019. № 42 (Часть II). Ст. 5808.
4. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. «О защите прав потребителей» (в ред. от 18 июля 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140; 2019. № 29 (часть I). Ст. 3858.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

Виды судебных экспертиз, назначаемых по уголовным делам об убийствах

Мурадян Оля Леоновна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В данной статье проведен анализ судебных экспертиз, наиболее часто назначаемых по уголовным делам об убийствах, определено их доказательственное значение для расследования преступлений данного вида.

Ключевые слова: убийство, судебная экспертиза, медицинская судебная экспертиза, судебно-психиатрическая экспертиза, комплексная судебная экспертиза.

Types of judicial expertise appointed in criminal cases of killing

This article analyzes the forensic examinations most often assigned in criminal cases of murders, their evidentiary value for the investigation of crimes of this type is determined.

Keywords: murder, forensic examination, medical forensic examination, forensic psychiatric examination, comprehensive forensic examination.

Экспертизы по уголовным делам об убийствах имеют огромное доказательственное значение. Определить четкий перечень экспертиз, которые могут проводиться по данной категории преступлений, невозможно, поскольку они могут быть абсолютно разнообразны, в зависимости от того, какие следы удалось обнаружить на месте происшествия, какие вопросы необходимо выяснить по каждому конкретному уголовному делу.

Заключения экспертов несут важнейшее доказательственное значение, поскольку в них содержатся ответы на вопросы, волнующие следствие. Именно на основе выводов эксперта могут быть выдвинуты различные версии, подлежащие проверке, намечены пути поиска способов проверки данных версий. Наиболее распространено назначение таких судебных экспертиз по делам об убий-

ствах, как судебно-медицинская, судебно-психиатрическая, баллистическая; криминалистическая экспертиза холодного оружия; трасологическая, дактилоскопическая; биологическая, физико-химическая экспертизы.

Так, производство судебно-медицинской экспертизы по уголовным делам об убийствах является обязательным, поскольку, только путем производства данной экспертизы может быть определена причина смерти потерпевшего, наличие у него телесных повреждений, механизм и давность их причинения, причинная связь между действиями преступника и наступившими последствиями, то есть, решение вопроса о том, наступила ли смерть в результате действий виновного лица. Данная экспертиза может проводиться в отношении живых лиц (если потерпевший при покушении на убийство остался

жив), трупов, вещественных доказательств, материалов уголовного дела.

Судебно-психиатрическая экспертиза по делам об убийствах, особенно совершаемых с особой жестокостью, для определения психического состояния подозреваемого, поскольку таковые преступления нередко совершаются лицами с психическими аномалиями.

Биологическая судебная экспертиза проводится по следам крови, которые могут иметь место на различных объектах и предметах: на одежде подозреваемого, на орудии преступления. Также в качестве объектов биологической судебной экспертизы может выступать слюна подозреваемого, необходимость в производстве такой экспертизы возникает, например, когда на месте происшествия обнаруживаются окурки со следами слюны.

Важный и нужный вид экспертизы — молекулярно-генетическая судебная экспертиза. Она исследует волосы, ткани, выделения, слюну, органы человека. Данный вид экспертизы наиболее точен, поскольку позволяет определить принадлежность следов не только лицу с определенной группой крови, но конкретному лицу.

Криминалистическая экспертиза холодного оружия проводится для решения вопроса о том, является ли предмет, представленный эксперту холодным оружием. Также в ходе данной экспертизы устанавливается изготовитель данного ножа, маркировочные обозначения на нем, что также позволяет получить определенную информацию, способствующую розыску преступника.

Трасологическая судебная экспертиза проводится при наличии следов, которые могут быть исследованы с помощью трасологии, таковыми являются следы обуви, ткани, протектора. Количество оставленных разных следов обуви позволяет установить, какое количество лиц участвовало в совершении преступления, в случае положительного ответа трасологической судебной экспертизы может быть доказано, что данные следы оставлены конкретно обувью подозреваемого. Также с помощью данной экспертизы исследуются следы протектора транспортного средства, что в ряде случаев позволяет доказать тот факт, что именно данный автомобиль находился в месте совершения убийства. Дактилоскопическая судебная экспертиза проводится практически по каждому уголовному делу, в том числе и по убийствам. Целью данной экспертизы является решение вопроса о том, имеются ли на определенном предмете (чаще всего, на оружии) следы пальцев рук, если имеются, то пригодны ли они для идентификации и, если пригодны, оставлены ли они конкретным лицом.

Физико-химическая экспертиза может проводиться как самостоятельное исследование веществ и материалов, так и входить в комплекс различных исследований. Данная экспертиза производится в целях установления состава изделий, определение причин и условий видоизменения тех или иных качеств изделия в зависимости от внешних воздействий (термических, механических, химических). В рамках этого вида экспертиз производятся

такие экспертизы, как: экспертиза лакокрасочных покрытий и материалов; экспертиза горюче-смазочных материалов. Данная экспертиза по уголовным делам об убийствах, проводится, например, в случае совершения данного убийства путем поджога [3].

Нередко при расследовании этой категории дел возникает необходимость в проведении комплексной экспертизы с участием специалистов в различных областях. Перед комплексной экспертизой ставятся вопросы о положении пострадавшего и орудия причинения смерти в момент нанесения повреждений, о силе и направлении удара, о направлении и расстоянии выстрела, об идентификации орудия смерти и другие вопросы, требующие применения знаний из различных отраслей науки. Так, например, если имеется подозрение об инсценировке самоубийства, целесообразно произвести медико-криминалистическую судебную экспертизу для разрешения вопроса о том, возможно ли нанесение обнаруженных телесных повреждений у потерпевшего собственной рукой.

Если убийство совершено несовершеннолетним лицом, то здесь наибольшим значением обладает производство комплексных психолого-психиатрических экспертиз [2]. Они, как правило, назначаются тогда, когда в медицинских документах либо в протоколах допроса свидетелей имеются какие — либо сведения о наличии у него любых соматических заболеваний или органических нарушений нервной системы, которые могут оказать влияние на его психическое состояние. К примеру, наличие у несовершеннолетнего соматического заболевания способно привести к общей либо частичной задержке психического развития несовершеннолетнего.

В качестве еще одного повода к назначению КППЭ могут выступать также сведения, содержащиеся в рапортах — характеристиках сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, о совершении данными лицами определенных антиобщественных проступков, административных правонарушений, обстоятельства которых могут свидетельствовать о наличии у несовершеннолетнего психических расстройств.

Кроме того, в качестве повода к назначению КППЭ могут выступать характеристики по месту обучения несовершеннолетнего, в протоколах допроса свидетелей, педагогов, родителей о том, что подросток отстает от школьной программы, бросил школу, неоднократно оставался на второй год, отстает в умственном развитии и, соответственно, может отставать и в психическом развитии.

Кроме того, КППЭ может быть назначена и на основании личных наблюдений следователя, который обнаруживает, что подросток ведет себя неадекватно, в силу чего, имеются сомнения в его психической полноценности. Аналогичные сомнения могут возникнуть у следователя и при анализе мотивов, целей, обстоятельств совершения преступления, его постпреступного поведения [1].

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что при производстве психолого-психиатрической экспертизы возник-

кает достаточно много трудностей, приведем основные из них: некоторые методы исследования и теоретические основы существующих научных школ и подходов являются несовершенными и устаревшими; недостаток профессиональных кадров и их неудовлетворительная подготовка; большие очереди на производство данного вида экспертиз, обусловленные недостатком кадров.

Таким образом, представляется, что именно назначение и производство комплексных психолого-психиатрических судебных экспертиз является более целесообразным, чем производство отдельно судебно-психиатрической или судебно-психологической судебной экспертизы, поскольку, во-первых, однократное проведение судебной экспертизы значительно повышает рентабельность производства экспертизы и сокращает сроки расследования, в то время как производство однородной судебной экспертизы зачастую не дает ответа на ряд вопросов, интересующих следствие, в связи с чем, возникает необходимость в производстве дополнительных судебных экспертиз; во-вторых, комплексная психолого-психиатрическая экспертиза позволяет ответить на гораздо большее количество вопросов,

чем однородная; в-третьих, данный вид экспертиз позволяет проводить экспертное исследование в условиях стационара, что обладает явным преимуществом для экспертов, обладающих способностью длительно наблюдать испытуемого.

При этом, с нашей точки зрения, регулирование вопросов необходимости производства комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы должно найти свое отражение в рамках уголовно-процессуального законодательства, в связи с чем, мы предлагаем дополнить главу 50 УПК РФ ст. 423.1 «Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза», которую изложить в следующей редакции «По уголовным делам в отношении несовершеннолетних для разрешения вопроса о наличии у них хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния и его способности полностью или частично отдавать отчет в своих действиях (бездействии) либо руководить ими в обязательном порядке назначается комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза».

Литература:

1. Гвоздева И. С. Поводы назначения комплексной судебной психолого — психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых // Грамота. 2007. № 5 (5). С. 54—55.
2. Марковичева Е. В. Проблемы оценки заключения эксперта по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Научные публикации. Красноярск. 2008. С. 1—3.
3. Руководство для следователей / Под ред. Н. А. Селиванова, В. А. Снеткова. М., 2014. 751 с.

Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования убийств

Мурадян Оля Левоновна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В данной статье рассматриваются наиболее типичные следственные ситуации, складывающиеся при расследовании убийств, а также версии, выдвигаемые в данных ситуациях и способы их проверки.

Ключевые слова: убийство, следственная ситуация, следственная версия, труп.

Typical investigative situations of the initial killing investigation stage

This article discusses the most typical investigative situations that arise in the investigation of murders, as well as the versions put forward in these situations and how to verify them.

Key words: murder, investigative situation, investigative version, corpse.

В методике расследования в обязательном порядке должны учитываться: характер следственной ситуации начального этапа расследования; следственные ситуации, складывающиеся в ходе его дальнейшего производства расследования на последующих этапах.

Выбор следственных и иных действий, последовательность их производства (сочетание) происходит на основе содержания следственной ситуации. Именно в этом и заключается роль следственной ситуации в методике расследования.

С практической точки зрения роль следственной ситуации в следственной практике можно обозначить следующим образом. По каждому уголовному делу следователь определяет, какие доказательства необходимо получить и какие следственные действия для этого должны быть произведены. Методическая разработка типичных следственных ситуаций и алгоритма производства следственных действий позволяет следователю с самого начала производства предварительного расследования понимать, какие именно следственные и процессуальные действия необходимо произвести и какие доказательства он данным путем может получить.

Особенности первоначального этапа расследования убийств характеризуются необходимостью и целесообразностью установления обстоятельств, которые в будущем предположительно могут составить основу системы доказательств по уголовному делу.

Ситуаций, возникающих на первоначальном этапе расследования убийств довольно много, но все они могут быть сведены к следующим типичным ситуациям:

1) убийство очевидное (открытое), преступник задержан на месте совершения преступления либо непосредственно после него, его личность известна, имеются очевидцы совершенного преступления.

Данная следственная ситуация наиболее благоприятна для расследования, здесь необходимо предпринять меры к обнаружению орудия убийства, незамедлительному опросу очевидцев, осмотру места происшествия, задержанию подозреваемого и его последующему допросу.

2) убийство тайное, меры по сокрытию трупа либо инсценировке произошедшего не предпринимались, труп обнаружен вскоре после совершения преступления.

Данная следственная ситуация также достаточно благоприятна для расследования, поскольку имеется возможность обнаружения, фиксации и изъятия следов преступника, установления очевидцев совершенного преступления в силу незначительного количества времени, прошедшего после убийства. Отработке в первую очередь подлежит круг общения потерпевшего — его родственники, друзья, знакомые, с целью выяснения вопроса о том, с кем у потерпевшего имелись конфликты, мог ли кто-либо отомстить ему за какие-то действия (бездействия). Помимо этого, отрабатывается версия серийности такого преступления, выясняется, не совершались ли в недавний период времени аналогичные преступления [1].

3) убийство тайное, недавнее, однако механизм его совершения неясен. Имеется предположение о том, что произошел несчастный случай либо убийство инсценировано под несчастный случай.

Примером такой ситуации может являться обнаружение трупа с множественными переломами в выгребной яме. Здесь одинаково возможно, что потерпевший сам при падении получил переломы, впоследствии захлебнувшись, но также и возможно, что потерпевший сначала был жестоко избит, но затем утоплен в выгребной яме.

В данном случае, помимо стандартного набора следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий важное значение приобретает также и производство медицинской судебной экспертизы, так как, в первую очередь, в сложившейся следственной ситуации необходимо установить механизм преступления [3].

4) тайное убийство, по которому уголовное дело возбуждается по факту обнаружения неопознанного трупа. Труп невозможно опознать в силу обезображивания лица, давности совершенного преступления.

Таковая следственная ситуация является затруднительной для расследования по той причине, что в первую очередь необходимо установить личность потерпевшего, поскольку иначе определить, кем совершено преступление, практически невозможно, ведь, как правило, именно связи жертвы позволяют установить, кто же является убийцей [2].

5) убийство тайное и давнее, предположительное. На месте обнаружены останки — череп, кости, остатки одежды. Причина смерти не установлена. Личность потерпевшего, также, как и в предыдущей ситуации, неизвестна.

6) тайное убийство, сопровождающееся расчленением трупа на части и сокрытием частей. В данном случае необходимо также установить личность потерпевшего, механизм совершения преступления (не было ли расчленение произведено прижизненно). В данном случае необходимо проводить комплекс мероприятий и следственных действий, направленных на установление лица, которому было необходимо скрыть факт убийства (например, виновный знает, что жертву видели последний раз с ним и при выявлении факта убийства подозрение сразу же упадет на него). Отрабатывается также версия о серийности совершенного убийства, особенно, в случае установления прижизненного расчленения, поскольку таковые действия характерны для лиц с психическими аномалиями, не останавливающихся на совершении одного преступления [4].

7) исчезновение человека. Убийство тайное, давнее, предполагаемое, труп не обнаружен. Примеры таковых убийств нами были приведены выше. В данном случае в первую очередь необходимо установить факт убийства, параллельно отрабатывается круг общения потерпевшего.

Таким образом, с нашей точки зрения, типичные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования уголовных дел об убийствах, могут быть сведены к семи типичным ситуациям.

Следственные версии, выдвигаемые по уголовным делам об убийствах, зависят от того, какая типичная следственная ситуация сложилась на данный момент. Целесообразным является составление в каждой ситуации плана расследования с отражением всех возможных версий. При этом, необходимо намечать, какие версии должны быть отработаны в первую очередь, а какие могут быть отработаны позднее. Наиболее эффективным в то же время нам видится одновременная отработка нескольких следственных версий, которые являются наиболее реа-

листичными. В то же время, могут быть выделены и типичные версии, которые должны быть проверены при любой следственной ситуации.

При выдвижении той или иной версии лицо, производящее расследование, должно сразу же планировать следственные действия и оперативно-розыскные меро-

приятия, которые необходимо произвести в данной следственной ситуации. Эффективным является отработка сразу нескольких следственных версий, последующее исключение тех версий, которые не нашли своего подтверждения и выдвижение новых, необходимость в которых возникает в ходе расследования.

Литература:

1. Абраменкова В. С. Выдвижение следственных версий при расследовании убийств, связанных с последующим расчленением трупа // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1. С. 65–67.
2. Горбулинская И. Н. Особенности выдвижения версий в ходе расследования серийных убийств // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаульский юридический институт МВД России. 2014. № 10. С. 34–35.
3. Патраш И. Ф. Типичные следственные ситуации при расследовании убийств, совершенных в условиях неочевидности // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Сборник материалов международной научно-практической конференции. 2018. С. 309–311.
4. Реброва А. В. Выдвижение следственных версий при расследовании убийств, связанных с расчленением трупа // Вестник студенческого научного сообщества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2019. Т. 4. № 11–3. С. 74–77.

Сущность договора поставки товаров для государственных нужд

Назарова Татьяна Викторовна, студент;

Научный руководитель: Турчина Оксана Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент

Хабаровский государственный университет экономики и права

В рамках данной статьи проводится анализ понятия договора поставки товаров для государственных нужд в российской правовой доктрине, проводится характеристика правовой природы договора на поставку товаров для государственных нужд, дается авторское понятие договора поставки товаров для государственных нужд.

Ключевые слова: государственные нужды, договор поставки, государственный контракт, государственный заказчик, договор поставки товаров для государственных нужд.

The essence of the contract for the supply of goods for state needs

Nazarova Tatyana Viktorovna

Scientific supervisor: O. V. Turchina, associate Professor.

Khabarovsk state University of Economics and law

This article analyzes the concept of the contract for the supply of goods for state needs in the Russian legal doctrine, characterizes the legal nature of the contract for the supply of goods for state needs, gives the author's concept of the contract for the supply of goods for state needs.

Keywords: state needs, supply contract, state contract, state customer, contract of supply of goods for state needs.

Государство является крупнейшим субъектом гражданских правоотношений. Посредством государственных органов и организаций оно вступает в разнообразные правоотношения, цель которых — обеспечение выполнения ими своих функций, полномочий и обязательств, а также поддержание непосредственно жизнедеятельности этих органов и организаций.

Принято использовать выражение «государственные и муниципальные нужды».

В широком смысле под ними понимают потребности государственных и муниципальных заказчиков в определенных услугах, товарах, работах, которые необходимы им, чтобы исполнять конкретные функции, обязательства и полномочия.

Действующее законодательство не содержит определения понятия «государственные нужды». Из содержания ранее действовавших, а ныне утративших силу норм, можно сделать вывод, что государственные нужды — это

обеспечиваемые за счет средств бюджета и внебюджетных источников финансирования потребности в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления функций и полномочий, для исполнения международных обязательств, в том числе реализации межгосударственных и региональных целевых программ Российской Федерации, государственных заказчиков, субъектов Российской Федерации, государственных заказчиков субъектов [1].

Обеспечение заказчиков товарами, работами и услугами осуществляется путем заключения соответствующих договоров на поставку товаров, выполнение работ или оказание услуг.

«Договор поставки товара» — это термин, используемый Гражданским кодексом Российской Федерации.

В статье 525 ГК РФ изложено определение договора поставки для государственных и муниципальных нужд [2].

Договор поставки для обеспечения нужд государства — это соглашение, по которому поставщик обязуется передать товары заказчику либо по его указанию иному лицу, а заказчик обязуется обеспечить оплату поставки товара.

В соответствии со статьей 506 ГК РФ, договором поставки признается такой договор купли-продажи, по которому продавец (поставщик), осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием.

Из данного определения следует, что договор поставки:

- консенсуальный, т.е. считается заключенным, когда между его сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям;
- возмездный, т.е. содержит обязательство оплаты поставленных товаров;
- двусторонне обязывающий, т.е. предполагает взаимные обязательства поставщика (передача товара) и заказчика (оплата товара).

Специальное законодательство использует термин «государственный (муниципальный) контракт».

Государственный контракт — договор, который заключается от имени Российской Федерации либо субъекта Российской Федерации для обеспечения госнужд.

Муниципальный контракт — договор, который заключается от имени муниципального образования для обеспечения муниципальных нужд.

Такие определения закреплены в п. 8 ст. 344-ФЗ [3].

Государственный или муниципальный контракт, договор поставки товаров для государственных или муниципальных нужд отличается от иных договоров поставки целью продажи и приобретения товаров, участием в поставках государственных или муниципальных заказчиков или уполномоченных ими лиц, а также обеспечением оплаты товаров за счет средств бюджета и внебюджетных источников финансирования.

Существенные отличия государственного или муниципального контракта от иных видов договора купли-продажи:

- покупателем является государственный или муниципальный заказчик или уполномоченные им юридические лица;
- наименование договора — государственный или муниципальный контракт, заключающийся на основе государственного заказа, формируемого в установленном законом порядке;
- основной способ размещения заказов на закупки товаров для государственных или муниципальных нужд — проведение открытых торгов (конкурсов, аукционов, запросов котировок, запросов предложений);
- общий порядок и сроки заключения государственного или муниципального контракта (договора поставки) на основе заказов определены Гражданским кодексом Российской Федерации;
- государственный или муниципальный Заказчик обеспечивает оплату товаров за счет средств бюджета, в том числе возмещение убытков, которые могут быть причинены поставщику (исполнителю) в связи с выполнением государственного или муниципального контракта;
- законодательством о поставках для государственных или муниципальных нужд предусмотрена неустойка за отдельные нарушения договоров;
- споры, возникающие при заключении государственного или муниципального контракта (договора поставки), рассматриваются Арбитражным Судом независимо от того, имеется ли обязанность одной из сторон заключить договор [9].

Большинство дискуссий в вопросе определения сущности государственного контракта связаны со спецификой субъектного состава (государство-заказчик), с целевым содержанием государственного контракта (удовлетворение государственных нужд), с особенностями финансирования (выделение бюджетных ассигнований). Вместе с тем понимание правовой сущности государственного контракта является ключевым моментом в характеристике его режима (гражданско-правового либо административно-правового).

Исследования правовой сущности государственного контракта проводятся разными авторами по нескольким направлениям. Первая точка зрения, сформулирована представителями науки административного права и базирующаяся на разработках школы «хозяйственного права» [10]. По мнению исследователей, поддерживающих эту теорию, гражданское законодательство не в полной мере справляется со своими задачами, так как, кроме предпринимательских отношений на условиях равенства, отношений «по горизонтали», регулируемых гражданским законодательством, существуют предпринимательские отношения «по вертикали», где активное участие принимает государство, приобретая продукцию для удовлетворения собственных нужд.

В советский период, рассматривая понятие административного договора, авторы отмечали такие его осо-

бенности, как отсутствие подлинной юридической равноценности воли участников отношений, наступление за неисполнение договорных условий административной, а не гражданско-правовой ответственности, применение ответственности органом, который является стороной по договору или вышестоящим органом; отсутствие, как правило, ответственности стороны, обладающей властными полномочиями.

Рассматривая понятие государственных контрактов, А. В. Демин [11] обращает внимание на их наименование, которое подчеркивает, по его мнению, наличие в их правовом режиме публично-правовых элементов. Обосновывая наличие в государственных контрактах административно-правовых признаков, автор отмечает, что законодательные акты, регулирующие государственные контракты, по своему содержанию, структуре, предмету и методам регулирования являются комплексными и включают нормы гражданского и административного права. Причем административные нормы носят специальный характер, устанавливая изъятия и отраслевые особенности для данной категории договоров по отношению к общим положениям и принципам обязательственного (гражданского) права.

Этим и аргументируется вторая позиция относительно правовой сущности государственного контракта: его предлагается рассматривать, как указывает В. И. Новоселов [7], как гражданско-правовой договор, включающий в себя отдельные административно-правовые (публичные) элементы.

Аналогичной точки зрения придерживается и Ю. М. Козлов [13], отмечая такую особенность государственных контрактов, как сочетание в себе элементов административно-правовых и гражданско-правовых договоров.

Таким образом, несмотря на различные точки зрения на правовую сущность государственного контракта, почти всеми исследователями отмечается наличие в них публично-правовых и частноправовых элементов. При этом некоторыми авторами делается вывод о том, что государственные контракты относятся к комплексной сфере правового регулирования, в которой государственное вмешательство носит разноотраслевой характер.

Однако, позволим себе не согласиться с позицией А. В. Демина и солидарных с ним исследователей, поскольку, по нашему мнению, более правильной является точка зрения П. С. Тарабаева [14], который указывает, что цель государственного контракта, обеспечение государственных нужд, не может служить основанием для

признания наличия публичных элементов в данном договоре.

То есть, несмотря на публично-правовой характер целей государственного контракта, само их наличие или характер не может влиять на правовую сущность заключаемого государственного контракта. Цель, ради которой заключается государственный контракт, необходима для правильной юридической квалификации договора в рамках гражданско-правовой материи, которая, в свою очередь, определяет особенности его заключения и исполнения, а также особенности гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение сторонами своих обязательств.

ГК РФ регулирует, и то весьма неполно, заключительную стадию процесса размещения государственных заказов — заключение государственного контракта и отчасти его содержание. Вместе с тем государственные закупки представляют собой систему, все элементы которой взаимосвязаны и правовое регулирование которых должно быть взаимосогласованным.

На наш взгляд, для правильного определения правовой сущности государственного контракта необходимо провести различие между такими правовыми понятиями, как государственный контракт, государственный заказ и государственные закупки.

Как отмечалось ранее, нормативное определение государственного контракта содержится в Законе о контрактной системе, в котором под государственным или муниципальным контрактом понимается договор, заключенный заказчиком от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования в целях обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Под государственным заказом же, в условиях рынка, следует понимать обеспечиваемые за счет бюджетных и внебюджетных средств государственные потребности в товарах (работах, услугах) в период времени, на который утвержден соответствующий бюджет. То есть, государственный заказ можно рассматривать, как перечень товаров (работ, услуг), поставляемых (выполняемых, оказываемых) для федеральных государственных нужд либо нужд субъекта РФ.

По нашему мнению, основной ошибкой исследователей в области государственных закупок является смешивание этих понятий в одну правовую категорию, в то время как они, являясь тесно взаимосвязанными, все же различны. В данном случае, связь понятия государственного заказа и государственного контракта представляет собой схему «предпосылка — следствие».

Литература:

1. Утратившие силу статья 3 Федерального закона от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»; статья 1313 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.10.2019) // СЗ РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 27.06.2019) // СЗ РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
4. Бабунова С. А. Понятие и юридическая природа государственного (муниципального) контракта на поставку товаров для государственных (муниципальных) нужд // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: Материалы Всероссийской студенческой науч. — практ. конференции. Иркутск, 2016. — С. 96–99.
5. Гражданское право: учебник: в 3 томах / И. А. Андреев, И. З. Аюшеева, А. С. Васильев и др.; под ред. С. А. Степанова. — М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2011. — Т. 2. — 712 с.
6. Морозов А. А. Эволюция развития механизма правового регулирования договора поставки для государственных нужд в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. — 2016. — № 3 (45). — С. 99–107.
7. Новоселов В. И. О государственных закупках // Вестник гражданского права. — 2014. — № 2. — С. 31
8. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / Н. А. Баринов, К. П. Беляев, Е. В. Вавилин и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. — М.: Статут, 2011. — Т. 1. — 533 с.
9. Гражданское право. Часть 2. Обязательственное право: учебник/Ю. М. Алпатов, В. Е. Белов, Н. И. Беседкина и др.; под ред. д-ра юрид. наук, проф. С. А. Ивановой. — 2-е изд., перераб. И доп. — Москва: ИНФРА-М, 2019. — 626 с.
10. Акулич Е. И. Экономические предпосылки финансового обеспечения государственных нужд // Вестник финансового университета, 2014, № 6.
11. Демин А. В. Публично-правовой аспект государственного контракта // Право, 2013, № 3.
12. Козлов Ю. М. Административное право. — М., 2013.
13. Тарабаев П. С. Гражданско-правовое регулирование поставки товаров для федеральных государственных нужд // Госзакупки, 2013, № 1, с. 16.
14. <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-pravovoy-prirody-gosudarstvennogo-kontrakta>

Порядок заключения договора поставки товаров для государственных и муниципальных нужд

Назарова Татьяна Викторовна, студент;

Научный руководитель: Турчина Оксана Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Хабаровский государственный университет экономики и права

В рамках данной статьи проводится обзор этапов и отдельных особенностей заключения договора поставки товаров для государственных и муниципальных нужд путем проведения конкурентных процедур, а также у единственного поставщика.

Ключевые слова: государственные нужды, договор поставки, государственный контракт, государственный заказчик, договор поставки товаров для государственных нужд.

Procedure for concluding a contract for the supply of goods for state and municipal needs

Nazarova Tatyana Viktorovna

Scientific supervisor: O. V. Turchina, associate Professor.
Khabarovsk state University of Economics and law

In this article is an overview of the phases and specifics of the agreement for the supply of goods for state and municipal needs through competitive procedures, as well as from a single supplier.

Keywords: state needs, supply contract, state contract, state customer, contract of supply of goods for state needs.

Заказ считается размещенным с момента заключения муниципального или государственного контракта.

Процедура заключения договоров на поставку для указанной категории нашла отражение в ст. 528 Граждан-

ского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). Проект договора, согласно данному документу, разрабатывает заказчик, после чего направляет его исполнителю (когда иное не было прописано в соглашении).

Заключение договора проводится в соответствии с существующими правилами. Общий порядок заключения государственного или муниципального контракта описан в ст. 528 ГК РФ [1]. Сторона, получившая проект контракта, должна подписать его и вернуть направившей стороне, а при наличии разногласий — составить протокол разногласий и направить его вместе с контрактом. Делается это не позднее 30 дней с момента получения. При отклонении протокола разногласий или истечении установленного срока, неурегулированные разногласия по государственному контракту, заключение которого является обязательным для одной из сторон могут быть переданы другой стороной в срок не позднее 30 дней на рассмотрение суда.

В случае, когда государственный или муниципальный контракт заключается по результатам торгов на размещение заказа на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд, государственный или муниципальный контракт должен быть заключен не позднее 20 дней со дня проведения торгов.

Детально процедура заключения государственного или муниципального контракта описана в Федеральном законе от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе) [2], который является актом специального регулирования по отношению к ГК РФ. Данный закон еще называют «процедурным», т.к. в нем очень подробно прописан порядок действий заказчика, связанных с заключением контракта, а также сроки, отводимые на выполнение этих действий, особенности проведения различных видов конкурентных процедур, порядок описания объекта закупки, порядок действий комиссии.

В общем виде можно выделить несколько этапов, предшествующих заключению государственного или муниципального контракта:

1) Обоснование закупок. В редакции Закона о контрактной системе, действовавшей до 01 октября 2019 года, под обоснованием закупки понималось установление ответственности каждой конкретной закупки целям осуществления закупки.

С 01 октября 2019 года обоснованной считается закупка, соответствующая требованиям по нормированию и требованиям по обоснованности начальной максимальной цены контракта.

Следует отметить, что нормирование, а также обоснование начальной максимальной цены контракта являются тесно связанными понятиями и, как явствует из практики, поднимают немало вопросов, достойных отдельного рассмотрения.

2) Планирование закупок. Планирование осуществляется путем формирования, утверждения и ведения

планов-графиков. Закупки, которые не предусмотрены планами-графиками, не могут быть проведены.

Составление плана-графика закупок производится на основании утвержденного плана финансово-хозяйственной деятельности (для бюджетных учреждений) либо на основании доведенного объема бюджетных обязательств (для казенных учреждений и органов власти).

На этапе планирования заказчик определяет и обосновывает и способ размещения заказа: конкурентный (путем проведения конкурса, аукциона, запроса котировок, запроса предложений) или неконкурентный (закупка у единственного поставщика).

3) Разработка документации о закупке.

Требования к составу и содержанию документации о закупке прописаны в Законе о контрактной системе.

На данном этапе разрабатывается и утверждается описание объекта закупки (техническое задание), требования к потенциальным поставщикам, требования к составу заявки на участие в закупочной процедуре, а также проект государственного (муниципального) контракта.

4) Публикация извещения о закупке, прием заявок.

В целях реализации принципа прозрачности и открытости, установленного Законом о контрактной системе, извещения о проводимых закупках — за некоторыми исключениями — публикуются в сети Интернет на специально созданном официальном сайте.

Этот сайт именуется Единой информационной системой (далее — ЕИС) и находится по адресу www.zakupki.gov.ru

В ЕИС публикуется большой объем информации, касающейся проводимых закупок: планы-графики, извещения о проведении закупочных процедур, результаты проведенных закупок, заключенные контракты, информация об исполнении контрактов, а также иная информация.

Вся информация, размещаемая в ЕИС, заверяется усиленной квалифицированной электронной подписью, что исключает возможность произвольного и неконтролируемого изменения такой информации.

Таким образом, ЕИС выступает также и инструментом контроля за действиями заказчика.

5) Рассмотрение заявок, проведение торга, подведение итогов.

Как явствует из практики, наибольший пласт правоприменительной, в том числе судебной, практики формируется именно на этих двух этапах. Это связано с тем, что участники закупок имеют возможность подавать жалобы как на содержание закупочной документации, так и на действия закупочных комиссий. На этом этапе наиболее ярко проявляется и роль контрольного органа в сфере закупок — Федеральной антимонопольной службы.

Хотелось бы отметить, что несоблюдение процедуры заключения контракта влечет за собой признание его недействительным (ст. 47 Закона о контрактной системе). В этом смысле показательным является решение Арбитражного суда Челябинской области по делу № А76—30210/2016.

В этом деле был заключен контракт между подрядчиком и Администрацией поселения (первый ответчик) на выполнение ремонтных работ фасада и кровли фильтровальной станции. Работы подрядчиком были выполнены в срок и приняты заказчиком без нареканий. Не получив оплату за выполненные работы, подрядчик обратился в арбитражный суд. Администрация района, которой на основании соглашения были переданы полномочия по обеспечению питьевой водой жителей поселения, и которая была привлечена в дело в качестве второго ответчика, обратилась со встречным иском о признании контракта недействительным.

При исследовании материалов дела судом установлено, что спорный контракт заключен главой поселения «волевым решением», минуя все установленные Законом о контрактной системе процедуры. Привлеченные в процесс третьи лица в своих отзывах предлагали признать контракт заключенным в чрезвычайных обстоятельствах, т.к. насосная станция находилась в аварийном состоянии, что могло повлечь угрозу жизни и здоровью жителей. В материалы дела был представлен протокол заседания комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в границах Каслинского городского поселения, а также постановление Администрации поселения, согласно которым в связи с неудовлетворительным состоянием здания насосно-фильтровальной станции г. Касли ул. Ленина, 1А и возникшей угрозой остановки оборудования на неопределенный срок, задействованного в технологическом процессе подачи воды в городскую, центральную, разводящую сеть введен режим «Чрезвычайная ситуация» в границах Каслинского городского поселения с 08.06.2016 до особого распоряжения.

Однако, сопоставив причины введения чрезвычайной ситуации и объем работ, порученных первым ответчиком истцу по спорному муниципальному контракту, суд не нашел оснований для применения п. 9 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе к спорным правоотношениям. Суд указал, что чрезвычайная ситуация должна обладать признаками внезапности и непреодолимости последствий, т.е. заказчик не мог заранее ее предвидеть и подготовиться к ней. В данном же случае ситуация не обладала признаками внезапности и непреодолимости последствий.

Признаки чрезвычайности и непреодолимости наступления последствий должны присутствовать в совокупности. К таким обстоятельствам не относится неудовлетворительное состояние здания насосно-фильтровальной станции. Наличие возможности у заказчика прогнозировать и контролировать сложившуюся ситуацию в течение определенного периода времени свидетельствует о неправомерности заключения контракта избранным способом, то есть без проведения торгов.

В удовлетворении первоначального иска судом было отказано, встречный иск о признании контракта недействительным был удовлетворен в полном объеме [3].

Вышестоящие судебные инстанции оставили решение без изменений.

Процедура заключения контракта с единственным поставщиком также имеет ряд особенностей. Случаи, когда заказчик имеет право заключить контракт без проведения торгов, установлены в ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе.

Кроме того, закупка у единственного поставщика требует зачастую обоснования цены заключаемого контракта, а также обоснования невозможности или нецелесообразности заключения контракта иным способом. Например, при заключении контракта на аренду нежилого помещения с единственным поставщиком заказчик обосновывает нецелесообразность применения иного способа тем, что переезд в другое помещение потребует дополнительных затрат, а также обосновывает цену аренды путем предоставления сведений об арендной плате у других арендодателей за аналогичное помещение.

Еще хотелось бы обратить внимание на норму, содержащуюся в ч. 5 ст. 529 ГК РФ.

Когда исполнитель уклоняется от заключения договора, заказчик имеет право обратиться в судебный орган с требованием по понуждению исполнителя к заключению контракта на условиях разработанного им проекта.

Для конкурентных процедур в Законе о контрактной системе прописаны случаи, считающиеся уклонением победителя процедуры от заключения контракта. Таких случаев всего два: ненаправление в установленный срок подписанного проекта контракта заказчику и непредставление надлежащего обеспечения исполнения контракта. В этих случаях заказчик отказывается от подписания контракта с победителем процедуры и предлагает заключить его участнику, занявшему второе место. Если второй участник отказался либо участников больше нет, заказчик проводит процедуру заново.

Для случаев заключения контракта с единственным поставщиком возможно и обращение в суд с целью понуждения поставщика заключить контракт. Вместе с тем, судом такие дела разрешаются исходя из общих принципов и положений гражданского законодательства, не ставя в приоритет статус государственного заказчика.

Этому имеется подтверждение и в судебной практике.

Например, по делу № А16–1012/2015, рассмотренного Арбитражным судом Еврейской автономной области.

Прокурор Еврейской автономной области обратился в суд с иском к ФГКУ «Отдел вневедомственной охраны управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Еврейской автономной области» о понуждении заключить государственный контракт об оказании услуг физической охраны административного здания.

Истец, полагая, что ответчик обязан подписать государственный контракт об оказании услуг физической охраны административного здания, и обратился в суд с настоящим иском.

В решении суд указал, что по общему правилу, изложенному законодателем в ст. 421 ГК РФ, граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена настоящим Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством.

Обязанность ответчика заключить государственный контракт на охрану административного здания истца предусмотрена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.11.2009 № 1629-р.

Ответчиком представлен в суд действующий, подписанный сторонами, государственный контракт от 01.07.2015 № 59 об оказании услуг по централизованной (технической) охране, со сроком действия по 31.12.2015 года.

Истец, настаивая на физической охране административного здания, не указывает каким нормативным актом и в каких, конкретных случаях предусмотрена обязательная для ответчика физическая охрана административного здания истца.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.10.2019) // СЗ РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 27.06.2019) // СЗ РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
3. Решение арбитражного суда Челябинской области от 13.06.2018 по делу № А76–30210/2016 // <http://kad.arbitr.ru>
4. Решение Арбитражного суда Еврейской автономной области от 24.08.2015 по делу № А16–1012/2015 // <http://kad.arbitr.ru>

Основы кооперации органов внутренних дел с различными органами государственной власти в сфере обеспечения общественной безопасности

Панькина Инга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;
Захарова Ника Юрьевна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Обеспечение общественной безопасности является трудоемкой и комплексной задачей, эффективное выполнение которой органами внутренних дел в одиночку невозможно. Без эффективного взаимодействия полиции с государственными органами исполнительной власти невозможно полное, объективное разрешение поставленных перед ней задач по охране общественного порядка и осуществления общественной безопасности. Таким образом, цель настоящей статьи — это всестороннее исследование способов и направлений взаимодействия органов отраслевого управления, представленных в лице полиции, с иными органами государственной и муниципальной власти общей компетенции для охраны общественного порядка.

Ключевые слова: общественная безопасность, органы внутренних дел, правоотношения, взаимодействие.

В правоотношениях, связанных с обеспечением общественной безопасности, затрагиваются интересы различных властных субъектов, начиная от высших органов государственной власти и высших должностных лиц государства, заканчивая органами государственной власти

В письме Главного управления вневедомственной охраны от 21.08.2015 № 36/2612, которое представлено в суд ответчиком, сообщается, что «В соответствии с решением Президента Российской Федерации В. В. Путина № Пр-1646 от 12.08.2015 охрана зданий органов прокуратуры постами полиции будет осуществляться только на территории Северо-Кавказского федерального округа, Республики Крым и г. Севастополя. Охрана остальных объектов указанной категории в иных субъектах Российской Федерации должна осуществляться с помощью технических средств охраны и реагированием нарядами полиции на поступающие с них тревожные сообщения».

При установленных в судебном заседании обстоятельствах суд не нашел оснований для удовлетворения предъявленного иска [4].

Шестой Арбитражный апелляционный суд оставил данное решение без изменений.

в субъектах Российской Федерации, органами местного самоуправления и их представителями.

Как справедливо отмечает В. В. Тарышкин: «Вопрос взаимодействия органов внутренних дел и региональных органов государственной власти относится к числу системо-

образующих, т.к. в конечном счете является предпосылкой успешного выполнения стоящих перед ними правоохранительных задач, поскольку согласно ст. 10 Федерального закона «О полиции» взаимодействие с другими правоохранительными органами, государственными и муниципальными органами, общественными объединениями, организациями и гражданами — один из основополагающих принципов полицейской деятельности. Его реализация способствует совершенствованию законодательства, укреплению правопорядка и общественной безопасности, соблюдению законности в деятельности органов внутренних дел, делает его публичным, доступным для государственного, общественного и гражданского контроля [1].

Правовая регламентация взаимодействия полиции и органов государственной власти урегулированы подзаконными и ведомственными нормативными актами. Такими как Приказ Министерства юстиции РФ № 362, МВД РФ № 810, ФСБ РФ № 584 от 25 ноября 2010 г. «О взаимодействии Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации в целях повышения эффективности деятельности учреждений (подразделений), осуществляющих проведение исследований и экспертиз по делам, связанным с проявлением экстремизма», Приказ МВД РФ № 737, Министерства здравоохранения и социального развития РФ № 900 от 18 октября 2010 г. «О внесении изменений в Регламент взаимодействия органов внутренних дел и территориальных органов Роспотребнадзора при выявлении и пресечении административных правонарушений на потребительском рынке Российской Федерации», Соглашение о взаимодействии между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Федеральной налоговой службой, утвержденное МВД РФ № 1/8656, ФНС РФ № ММВ-27—4/11 13 ноября 2010 г., Регламент взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти, утвержденный Приказом МВД РФ от 2 сентября 2009 г. № 684 «Об утверждении Регламента взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации с федеральными органами исполнительной власти».

Наиболее ярко взаимодействие органов внутренних дел с органами государственной власти проявляется на региональном уровне, где от имени последних выступают отраслевые министерства или специализированные органы исполнительной власти [2].

В вопросах, связанных с обеспечением общественной безопасности, полиция чаще всего взаимодействует с ФСБ РФ, с Министерством здравоохранения и социального развития РФ, МЧС России, ФМС России, ФНС России и т.д.

Взаимодействие полиции с федеральными органами исполнительной власти по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности обеспечивается:

— единым пониманием поставленных перед ними задач, твердым знанием общих и особых обязанностей и способов их выполнения всеми взаимодействующими органами;

— знанием оперативной обстановки;

— наличием устойчивой и бесперебойной связи, постоянной взаимной информации о полученных новых данных в оперативной обстановке и действиях по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [3].

Для координации действий служб и подразделений МВД России с другими ведомствами и правоохранительными службами осуществляется организационно-методическая и практическая помощь при подготовке и проведении охранных мероприятий, а также осуществляется контроль за принимаемыми мерами.

Ярким примером успешной кооперации различных служб и органов исполнительной власти в области обеспечения общественной безопасности является система обеспечения вызова экстренных оперативных служб по единому номеру «112» («Система 112»), концепция которой утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации № 716-р от 04.05.2012 г.

Составители данной программы отмечают, что в условиях современного технологического развития одним из важных элементов обеспечения национальной безопасности России является повышение защиты населения, территорий и потенциально опасных объектов. Однако за последнее время социально-экономические условия жизнедеятельности населения кардинально изменились. Расширение грузопотоков и пассажиропотоков, рост плотности населения в городах, увеличение количества мест массового пребывания людей и усиление террористической угрозы поставили перед государством и его экстренными оперативными службами новые требования к оперативности и эффективности реагирования на поступающие от населения вызовы. В этой связи проблема оперативного и эффективного реагирования на поступающие от населения вызовы приобрела особую остроту в последнее время в связи с несоответствием существующей системы реагирования потребностям общества и государства, недостаточными эффективностью ее функционирования и уровнем готовности персонала к работе при взаимодействии нескольких экстренных оперативных служб.

Основными субъектами взаимодействия в рамках «Системы 112» являются службы экстренного реагирования, а именно служба пожарной охраны, служба полиции, служба скорой медицинской помощи, аварийная служба газовой сети, служба реагирования в чрезвычайных ситуациях и служба «Антитеррор», которые осуществляют прием от населения вызовов и сообщений. Ведомственная принадлежность данных служб соответствует государственным заказчикам программы, которыми являются МЧС России, Минкомсвязь России, МВД России, Минздравсоцразвития России и ФСБ России. Ко-

ординирующим органом данной федеральной программы является МВД России.

Цели «Системы 112» определены следующим образом:

- ускорение реагирования и улучшения взаимодействия экстренных оперативных служб при вызовах населения;
- организация удобного вызова экстренных оперативных служб по принципу «одного окна»;
- уменьшение социально-экономического ущерба вследствие происшествий и чрезвычайных ситуаций;
- гармонизация способа вызова экстренных оперативных служб с законодательством Европейского союза.

При этом сами авторы концепции «система 112» отмечают, что практическая реализация сопряжена с рядом проблем:

- нечеткое разделение полномочий между ведомствами, отвечающими за построение системы;
- недостаточность финансирования проекта в различных регионах;
- отсутствия типовых проектов на создание системы-112 в России (в силу значительной разнородности экономических и географических особенностей регионов, проект для Санкт-Петербурга не подходит, например, для республики Коми).

Тем не менее, наличие такой формы взаимодействия между различными правоохранительными службами позволяет ежегодно спасать жизни 10 000 тысяч человек [4].

Немаловажной проблемой в контексте обеспечения общественной безопасности является порядок взаимодействия органов внутренних дел с войсками национальной гвардии. Как уже отмечалось ранее, охрана общественного порядка является прямой обязанностью национальной гвардии. При этом данный орган исполнительной власти по своему правовому статусу является самостоятельным и в орбиту системы МВД России не входит. Тем не менее, фундаментом для построения войск национальной гвардии послужили внутренние войска МВД России, которые являлись значимым элементом в системе МВД России. Кроме того, в состав Росгвардии вошли ОМОН, СОБР, вневедомственная охрана, авиационные подразделения, лицензионно-разрешительная служба и др.

В соответствии с действующим законодательством МВД России и Росгвардия целый ряд одинаковых задач:

- осуществлять охрану общественного порядка и обеспечивать общественную безопасность;
- участвовать в борьбе с терроризмом и экстремизмом;
- участвовать в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции;
- участвовать в территориальной обороне Российской Федерации;
- оказывать содействие пограничным органам Федеральной службы безопасности в охране государственной границы Российской Федерации и др.

А. А. Калинин отмечает, что взаимодействие между органами внутренних дел и войсками национальной гвардии обеспечивается и выражается через:

- а) систему официальных отношений между органами внутренних дел и войсками национальной гвардии, регламентируемых юридическими предписаниями;
- б) функциональное распределение, что подразумевает под собой «горизонтальный уровень»;
- в) субординацию должностей, (вертикальный уровень), с четким объемом и мерой ответственности при принятии решений на разных уровнях;
- г) систему коммуникаций, когда передача информации происходит сверху вниз, в виде отдачи распоряжений, указаний, заданий, и снизу вверх, в виде отчетов, а на горизонтальном уровне в виде консультаций, обмен мнениями равных субъектов взаимодействия.

Тем не менее, в настоящее время отсутствуют нормативно-правовые акты, которые бы четко регламентировали порядок, технологию и формы взаимодействия органов внутренних дел и войск национальной гвардии.

Как верно отмечает А. Ф. Майдыков, такое положение дел существенно затрудняет совместную деятельность, снижает эффективность и результативность работы, приводит к параллелизму и дублированию функций.

О необходимости правового разъяснения в части порядка взаимодействия МВД России и ФСВНГ РФ в своих работах упоминают и другие исследователи.

В этой связи на текущем этапе остается только рассуждать о том, на каких принципах и в каких формах должно осуществляться взаимодействие между Росгвардией и полицией в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

По мнению А. Ф. Майдыкова, совершенствование правового регулирования совместной деятельности органов внутренних дел и Росгвардии по решению общих для них задач должно идти по двум основным направлениям: 1) законотворчество; 2) межведомственное и ведомственное правовое регулирование. В рамках законотворческого направления ученый видит решение проблем в части дублирования полномочий двух правоохранительных структур посредством внесения изменений в соответствующие нормативно-правовые акты (например, в Федеральный закон «О полиции»). В то время как межведомственное правовое регулирование, по мнению ученого, должно быть направлено на определение тактической стороны деятельности территориальных органов МВД России и подразделений (органов) Росгвардии, технологий и механизмов их совместной работы.

В свою очередь, А. В. Бецков и Р. Н. Слепцов выделяют целый ряд проблем в области взаимодействия Росгвардии и органов внутренних дел, в который включают: отсутствие правовой регламентации форм и порядка совместного применения личного состава; системное запаздывание с оценкой обстановки и принятием решения на применение силовых подразделений; низкокачественное и несогласованное планирование совместных специальных меропр-

ятий; отсутствие единообразных административно-правовых подходов в организации объединенной системы управления, форм и способ совместных действий для выполнения поставленных задач. При этом исследователи отмечают, что решить данные проблемы можно «с учетом прошлого накопленного опыта взаимодействия органов внутренних дел и внутренних войск МВД России» [6].

На мой взгляд, такое предложение крайне бесперспективно и на практике реализовано быть не может. Это обуславливается в первую очередь тем, что внутренние войска находились внутри системы МВД России, и административно-управленческие отношения между внутренними войсками и органами внутренних дел имели «вертикальный» характер. В то же время Росгвардия является самостоятельным федеральным органом исполнительной власти и административные отношения с полицией при таких обстоятельствах будут носить «горизонтальный» характер. Поэтому экстраполирование ранее накопленного опыта взаимодействия на другой тип административных правоотношений не будет иметь никакой практической пользы.

С учетом изложенного, я считаю, что взаимодействие между полицией и Росгвардией необходимо строить ис-

ходя из соблюдения требований законности, оно должно проходить на основании межведомственного (двойного) нормотворчества, регулирующего совместную деятельность органов внутренних дел и войск национальной гвардии. Порядок же функционирования каждого органа в отдельности должен по-прежнему регулироваться соответствующими федеральными законами. Осуществление взаимодействия должно происходить в условиях четкого разграничения компетенции и не приводить к слиянию деятельности указанных органов.

Одним из первых примеров установления взаимодействия между полицией и Росгвардией является двойной Приказ Росгвардии и МВД России № 54/90 от 22.02.2019 г., которым был утвержден Порядок взаимодействия Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, ее территориальных органов и органов внутренних дел Российской Федерации по вопросам, отнесенным к их компетенции в сфере оборота оружия. Я полагаю, что данный приказ является лишь первым шагом в установлении устойчивого и эффективного взаимодействия полиции и Росгвардии по различным вопросам, одним из которых станет обеспечение общественной безопасности.

Литература:

1. Тырышкин В. В. Некоторые вопросы взаимодействия органов внутренних дел и региональных органов государственной власти в сфере обеспечения общественной безопасности. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2018. — № 16–1. — С. 191–193.
2. Захватов И. Ю., Петрова О. В. Проблемы взаимодействия МВД, ГУВД, УВД по субъекту Российской Федерации и региональных органов государственной власти // Труды Академии управления МВД России. — 2009. — № 2 (10). — С. 70–73.
3. Маркина Э. В. Взаимодействие органов внутренних дел с федеральными органами исполнительной власти в сфере охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности. // Вестник Московского университета МВД России. — № 4. — С. 86–89.
4. Официальный портал «Система 112» // <http://112info.ru/sistema-112/> (дата обращения: 22.07.2019 г.)
5. Еферин В. П. Организация взаимодействия МВД России и Федеральной службы войск национальной гвардии (ФСВНГ) России // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. — 2017. — 2(42)
6. Бецков А. В., Слепцов Р. Н. Организация взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации при участии в проведении контртеррористических операций. // Труды Академии управления МВД России. — № 3 (47), 2018 — С. 80–85.

Особенности нормотворчества исполнительных органов государственной власти

Перфилова Анна Андреевна, студент магистратуры

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В данной статье исследуются особенности нормотворчества исполнительных органов государственной власти, рассматриваются виды актов федеральных органов исполнительной власти.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, нормотворчество, нормативно-правовые акты.

В системе правового регулирования современной России большую роль играют правовые акты федеральных органов исполнительной власти, в первую оче-

редь, выносимые на министерском уровне. Указанные акты представляют собой основную форму регулирования общественных отношений, принимаемые в целях разре-

шения насущных государственных управленческих задач. Поэтому издание правового акта должно соответствовать задачам и функциям органов исполнительной власти на современном этапе политических и социально-экономических преобразований.

Нормативные акты федеральных министерств непосредственно не устанавливают, не изменяют и не прекращают какие-либо конкретные правоотношения. Они устанавливают определенный правовой порядок поведения органов исполнительной власти, их должностных лиц, граждан и организаций и т.п. в сфере государственного управления. Вместе с тем в них могут содержаться и нормы, которые определяют задачи, формы и методы деятельности соответствующих должностных лиц, служащих и работников государственного аппарата.

Типичным нормативным актом федерального органа исполнительной власти является акт, который содержит норму права. Однако в практике органов исполнительной власти, равно как и других государственных органов, издается немало актов, которые правовые нормы не содержат, но имеют существенное значение для их установления, изменения их содержания или области действия, а также для отмены действия правовых норм, содержащихся в иных нормативных актах.

Характеристика нормативных актов, издаваемых органами исполнительной власти, не иначе как актов, которые содержат нормы права, не позволяет дать необходимую всестороннюю характеристику нормативных актов и раскрыть все стороны их правотворческого значения. Таким образом, наиболее целесообразной является характеристика нормативных актов, которые издаются органами исполнительной власти, как актов, которые оформляют решения соответствующих органов, направленных на установление, изменение или отмену правовых норм. В процессе своей многогранной деятельности федеральные министерства принимают разнообразные решения и издают акты различных видов. Вместе с тем, ни в Конституции Российской Федерации [1], ни в ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [2] нет положений, регламентирующих виды актов федеральных министерств. Виды актов, издаваемых конкретными министерствами, определяются положениями о них.

Кроме того, в Правилах подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 10093 [3], указывается, что федеральные министерства издают нормативные правовые акты в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений. Кроме того, в самих федеральных министерствах утверждаются правила подготовки нормативных правовых актов, в которых указывается, какие виды нормативных актов издаются в данном федеральном органе. Например, в Правилах в МЧС России указывается, что в Министерстве издаются приказы, правила, инструкции, положения.

Вместе с тем, и в правилах, и в индивидуальных положениях об органах исполнительной власти отсутствуют обозначение целей установления разнообразных форм актов, а также признаков отличия от друг от друга.

Неурегулированность этих вопросов в нормативном порядке повлекла за собой различное их решение и в научной литературе. Единообразия в критериях разграничения юридических актов федеральных министерств нет и в практической деятельности.

Стоит уточнить, что множественные акты органов исполнительной власти других наименований, чем это установлено законодательством, по сути регулируемых вопросов, характеру регулирования выступают только как разновидности актов, издание которых предусмотрено индивидуальными положениями и упомянутыми Правилами. На основании изложенного все виды актов федеральных министерств можно разделить на следующие группы:

- 1) приказы;
- 2) распоряжения;
- 3) инструкции.

Акты под названием «приказ», определяют базовую группу юридических актов, которые издаются органами исполнительной власти, под которыми в современном мире понимается распорядительный документ федерального органа исполнительной власти.

В свое время в юридической литературе было бытует мнение, что приказ в отличие от других актов органов исполнительной власти имеет либо исполнительный, либо распорядительный характер. Данные признаки не являются характерными лишь для приказа. Они в равной мере относятся ко всем актам министерств как правовому средству осуществления ими исполнительной власти. Кроме того, практически нельзя установить, что данный приказ является только исполнительным или только распорядительным актом. Если приказ и содержит распоряжение о проведении соответствующих мероприятий, то он издается во исполнение, прежде всего, полномочий органа, предписания Правительства Российской Федерации и т.д. На практике фактически невозможно встретить приказы исполнительного характера без указания на осуществление определенных мер.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что в содержании многочисленных актов федеральных органов исполнительной власти, имеющих различное наименование, но входящих в одну группу, нет существенных различий. Огромное количество видов юридических актов приводит к тому, что федеральные органы исполнительной власти буквально затопляют государственные учреждения, организации своими актами, которые нередко входят в противоречие с актами иных ведомств, а иногда и расходятся с законодательством.

Форма акта призвана служить организации и быть упорядочивающим элементом правотворческой деятельности федерального органа исполнительной власти. Различия видов актов органов не закреплены в нормативном порядке. Выработанные практикой, во-первых, не бази-

руются на принципиальных основаниях а, во-вторых, по большому счету не соблюдаются практикой. На данный момент имеются все основания для выводов о том, что наименования актов органов исполнительной власти избираются произвольно.

Столь существенное количество разного рода юридических актов создает серьезные проблемы в работе федеральных министерств, зачастую становясь причиной нарушения законности. Выходом из сложившегося положения может быть: сведение числа видов актов к четкому единообразию, закрепление их на законодательном уровне и повышение их стабильности. Добиться этого возможно путем разработки и принятия Административного кодекса Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ». — 2014. — № 31. — 8 апреля.
2. Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 N2-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Правительстве Российской Федерации» // Российская газета. — 1997. — 23 декабря.
3. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 N1009 (ред. от 12.10.2019) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»

В Кодексе следует законодательным путем оформить перечень нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, при этом предусмотреть все их виды (указ, постановление, приказ, инструкция, положение, правило, распоряжение, устав, регламент, порядок, наставление, директива, норматив и другие), указать признаки для каждого вида актов, закрепить их четкую иерархию, регламентировать процедурные моменты их издания (принятия). Как представляется, необходимо отойти от практики двойной формы акта. С целью взаимного соответствия содержания и наименования актов в данном Кодексе должна найти свое отражение единая модель системы правовых актов федеральных органов исполнительной власти.

Административные наказания за нарушения антимонопольного законодательства

Погуляева Мария Владимировна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Ключевые слова: административная ответственность, антимонопольное законодательство, экономическая деятельность, санкция.

В научной литературе отмечается высокая роль и необходимость исследования административных наказаний, ввиду существенной значимости применения санкций в целях обеспечения правопорядка и законности.

Буквально каждый год Правительство РФ вносит те или иные изменения, дополнения в Федеральный закон (далее — ФЗ) от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», Кодекс об административных правонарушениях РФ и Уголовный кодекс РФ, так называемый «второй антимонопольный пакет».

Под административным наказанием понимается мера государственного принуждения, осуществляемого помимо воли лица, в отношении которого оно применяется. Применение наказания определяется негативной реакцией государства на нарушение охраняемых административным правом отношений (норм). Административные санкции применяются к нарушителям в целях защиты правопорядка, оказания воспитательного воздействия,

предупреждения новых прецедентов как лицом, его совершившим (частная превенция), так и иными лицами (общая превенция).

Нельзя не разделить позицию Конституционного Суда РФ о цели применения мер административной ответственности в области антимонопольного законодательства: «предупреждение совершения новых правонарушений как самими правонарушителями, так и другими лицами, стимулирование правомерного поведения хозяйствующих субъектов, иных лиц, а также необходимость защиты российского рынка, развития национальной экономики, обеспечения наиболее эффективного использования инструментов антимонопольного контроля и регулирования, т.е. реализация значимых задач экономической политики Российской Федерации» [1].

Административно-правовая ответственность за совершение нарушений в сфере антимонопольного регулирования предполагает под собой применение санкции в виде

штрафа и дисквалификации. Оба наказания являются основными.

Штраф — это материальная санкция, которая выражается в принудительном наложении взыскания денежных средств в доход государства.

Как утверждает И.В. Максимов: «штраф является первым из ныне известных административных наказаний» [3]. Именно штрафная санкция предусмотрена почти всеми статьями КоАП РФ.

По официальным данным доклада ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации всего в 2018 году было возбуждено 30377 дел об административных правонарушениях за нарушение законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок. Общая сумма взысканных штрафов только за первое полугодие 2018 года составила 51 млн рублей, что в полтора раза больше, чем за аналогичный период 2017 года [4].

Административное наказание в виде штрафа применимо как к физическим (гражданам или должностным лицам), так и к юридическим лицам.

К примеру, фиксированный штраф предусмотрен в ч. 1 ст. 14.9, ч. 1 ст. 14.31 КоАП РФ и в других статьях. Он применим как для физических (должностных), так и для юридических лиц в определенных законом случаях. Предусмотренное ч. 2 ст. 14.31 КоАП РФ злоупотребление доминирующим положением, заключение антиконкурентного соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий (ч. 1 ст. 14.32), координация экономической деятельности, квалифицированный состав недобросовестной конкуренции (ч. 2 ст. 14.33) влечет для юридических лиц как и для хозяйствующих субъектов наложение оборотного штрафа.

Понятие оборотного штрафа определено тем, что он исчисляется в процентном отношении от оборота, т.е. от конкретной суммы выручки правонарушителя в результате реализации соответствующего товара, на рынке которого совершено административное правонарушение, либо суммы расходов правонарушителя на приобретение товара, на рынке которого совершено правонарушение, за календарный год, предшествующий году, в котором оно было выявлено, либо за предшествующую дату выявления часть календарного года, в котором было выявлено административное правонарушение, если правонарушитель не осуществлял деятельность по реализации товара (работы, услуги) в предшествующем календарном году (п. 3 ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ).

И.В. Максимов отмечает: «размер оборотного штрафа устанавливается в зависимости от содержания объективной стороны правонарушения», то есть назначенное наказание соразмерно тяжести совершенного правонарушения [3].

Вместе с тем, в качестве недостатка указанного штрафа можно выделить возможное ограничение права собственности и свободы экономической деятельности, ввиду существенных сумм налагаемых взысканий. Санкция в виде оборотного штрафа в соответствии с действующим КоАП

РФ применяется исключительно к хозяйствующим субъектам — юридическим лицам как судами, так и антимонопольными органами. Величина оборотного штрафа, которая рассчитывается на основании формулы, закрепленной в нормах Кодекса может образовывать денежную сумму, многократно превышающую предельную верхнюю границу штрафа для юридических лиц, в соответствии со ст. 3.5. КоАП РФ (по общему правилу правоприменительной практики 1 млн рублей).

Так, в августе 2016 года Управление ФАС в Санкт-Петербурге оштрафовало компанию «Данон Россия» (в группу входят 20 заводов, на которых выпускается продукция под брендами Danone, «Активиа», Actimel, «Растишка», «Даниссимо», «Простоквашино» и другие) на общую сумму в размере 162,4 миллиона рублей за дискриминацию поставщиков сырого молока. Антимонопольное ведомство выяснило, что компания рассчитывала базовые закупочные цены на сырое молоко для разных поставщиков «по непрозрачным методикам», что, как посчитали в ведомстве, противоречит статье 10 закона «О защите конкуренции» [5].

Что же касается дисквалификации, следует отметить, что в качестве меры наказания данная санкция стала применяться относительно недавно — одновременно с появлением антиконкурентных составов административных правонарушений (ст. 14.1 — 14.33 КоАП РФ).

Под дисквалификацией следует определять меру ограничения конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ).

Дисквалификация проявляется в ограничении определенных прав и состоит из двух карательных элементов: лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью. Согласно ст. 3.11 КоАП РФ дисквалификация заключается в лишении права замещения руководящих должностей на срок от 6 месяцев до 3 лет в службе на государство и в бизнесе. То есть дисквалификации может подлежать только специальный субъект, входящий в перечень соответствующей статьи КоАП РФ. Важно подчеркнуть, что данная мера административной ответственности применима только к физическим лицам, и исключительно по решению суда.

Резюмируя, нельзя не разделить позицию А.К. Костылева: «Процесс преодоления правонарушений связан с комплексным решением ряда экономических, политических, социальных проблем и задач, стоящих перед обществом по улучшению материального благосостояния народа, устранению социального неравенства, правовому воспитанию, обеспечению законности и правопорядка» [2, с. 69]. Действительно, такой подход будет способствовать преодолению тенденции роста числа правонарушений в сфере антимонопольного законодательства.

Проанализировав административные наказания за нарушение антимонопольного законодательства можно сделать ряд следующих выводов.

Субъект административной ответственности, в отношении которого вынесено предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного от монополистической деятельности или недобросовестной конкуренции, не может быть привлечено к административной ответственности в соответствии со ст. ст. 14.31, 14.32 и 14.33 КоАП РФ, если такое предписание исполнено в полном объеме.

При применении санкции статьи КоАП за совершение административного правонарушения учитываются обстоятельства, смягчающие, или же отягчающие ответственность нарушителя.

Необходимо обратить внимание на примечание к ст. 14.40 КоАП РФ, где административная ответственность, предусмотренная ч. 5 настоящей статьи, устанавливается «в зависимости от степени вины хозяйствующего субъекта, который осуществляет торговую деятельность по продаже продовольственных товаров посредством организации торговой сети, и хозяйствующего субъекта, осуществляющего поставки продовольственных товаров в торговые сети». Однако, само определение «степень вины» Кодексом не регламентировано, что, является на-

рушением юридической техники, что диктует необходимость и целесообразность его исключения из Кодекса.

Обоснованным также представляется ограничение круга субъектов правонарушений по ч. 5 ст. 14.32 КоАП РФ (недопустимая координация экономической деятельности) путем исключения граждан, ввиду того, что по данной норме отсутствует какая-либо правоприменительная практика с момента ее появления в КоАП РФ.

Вместе с тем, в целях совершенствования антимонопольными органами правоприменительной практики мер пресечения приведенных в санкциях соответствующих статей КоАП, эффективным следует определить необходимость принятия актуального, всестороннего и объективного разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам, возникающим в связи с применением судами антимонопольного законодательства, включив в него разъяснения по всем составам «антимонопольных» статей КоАП РФ, которое придет на замену морально устаревшего Постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства».

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.01.2013 N1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт» // «Собрание законодательства РФ», 28.01.2013, № 4, ст. 304.
2. Костылев А. К. Процессуальное обеспечение административной ответственности: монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. — С. 272.
3. Максимов И. В. Административные наказания. — М.: Норма, 2009. — 464 с.
4. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2018 год (версия 27.09.2019) // fas.gov.ru. URL: <https://fas.gov.ru/documents/685806> (дата обращения: 13.11.2019).
5. Петербургское УФАС оштрафовало Danon на 162 млн руб. // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/55d1bcc89a79476aed119ae8> (дата обращения: 10.11.2019).

Государственная и муниципальная гарантия как непоименованный способ обеспечения исполнения обязательств

Попов Александр Сергеевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Данный способ обеспечения обязательств предусмотрен в ст. ст. 115—117 БК РФ. Безусловно, он не входит в систему гражданского законодательства и, на первый взгляд, не должен содержать нормы гражданского права, что следует из предмета регулирования бюджетного (ст. 1 БК РФ) и гражданского (ст. 2 ГК РФ) законодательства. Тем не менее, необходимо констатировать, что не в Гражданском, а в Бюджетном кодексе содержится норма (ст. 115), которая указывает, что государственной или муниципальной гарантией признается способ обеспе-

чения гражданско-правовых обязательств, в силу которого соответственно РФ, субъект РФ или муниципальное образование — гарант дает письменное обязательство отвечать за исполнение лицом, которому дается государственная или муниципальная гарантия, основного обязательства перед третьими лицами.

Государственная и муниципальная гарантия — это гражданско-правовой инструмент, который лишь приспособлен для использования в бюджетном процессе. Раскрытие его гражданско-правовой сущности в рамках

норм публичного права, как отмечает Р. Пашков, обоснованно не более чем внесением в бюджетное законодательство положений, объясняющих природу договора займа или ценных бумаг, хотя последние играют для бюджетных правоотношений не менее важную роль [1].

Такое положение является причиной того, что в юридической литературе нет единства мнений и о правовой природе государственной и муниципальной гарантии как способа обеспечения исполнения обязательства. Высказывается три точки зрения.

Первая — государственная и муниципальная гарантия имеет публично-правовую природу [2, 3].

Вторая — государственная и муниципальная гарантия имеет частноправовую природу [4, 5].

Третья — государственная и муниципальная гарантия имеет сложную правовую природу, включающую как частноправовые элементы, так и публично-правовые [6].

В этой связи, на первый взгляд, следует согласиться с мнением тех ученых, которые предписывают государственной и муниципальной гарантии гражданско-правовую природу и относят ее к непоименованным в ГК РФ способам обеспечения исполнения обязательства [7]. Это обусловлено тем, что существование упомянутых нормативных положений исключительно в рамках финансово-правовой системы не в полной мере учитывает их назначение, а также юридический смысл.

Однако, на наш взгляд, в государственных и муниципальных гарантиях находит свое отражение одновременно и частное и публичное начало. Подобное сочетание придает обозначенному правовому явлению статус комплексного с особым набором составляющих, что позволяет рассматривать его в качестве самостоятельного средства обеспечения исполнения обязательств.

Таким образом, предлагаем рассматривать государственную и муниципальную гарантию в качестве комплексной нормативной конструкции, включающей одновременно гражданско-правовой и финансово-правовой компоненты. В то же время стоит отметить, что приоритетность гражданско-правового компонента не вызывает сомнений — это следует из п. 1 ст. 115 БК РФ, в котором указано предназначение государственной (муниципальной) гарантии — обеспечивать как уже возникшие обязательства, так и обязательства, которые возникнут в будущем. В свою очередь, финансово-правовой аспект имеет второстепенное значение и выражается в особой форме учета денежных средств, предоставляемых на обеспечительные цели.

При этом, приоритетность гражданско-правовой направленности содержащихся положений в ст.ст. 115—117 БК РФ, а также их широкое распространение в деловом обороте и самостоятельность, свидетельствует о наличии достаточных оснований для включения данного способа в гл. 23 ГК РФ.

О масштабном применении модели названных гарантий свидетельствует многочисленная судебная практика [8, 9, 10].

О самостоятельности государственной и муниципальной гарантии приходится говорить ввиду ее нормативного закрепления в ряде правовых актов наряду со способами обеспечения обязательств, упомянутыми в гл. 23

ГК РФ (например: п. 1 ст. 27.2 ФЗ «О рынке ценных бумаг» [11], п. 1 ст. 79 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [12], и др.).

Кроме того, это обусловлено тем, что особенности исследуемого нами способа обеспечения обязательств не позволяют рассматривать его как разновидность иных способов, например, как поручительства или независимой гарантии.

Хотя, некоторыми исследователями в юридической литературе государственная и муниципальная гарантия рассматривается как разновидность независимой (банковской) гарантии и поручительства. Так, В.В. Паплинский определяет государственную и муниципальную гарантию как способ обеспечения предпринимательско-правовых обязательств, объединяющий в себе черты поручительства и банковской гарантии, относя при этом ее к разновидности поручительств. Автор утверждает, что по своему содержанию государственная и муниципальная гарантия представляет собой разновидность поручительства с признанием того, что юридический состав возникновения гарантийного обязательства по государственной и муниципальной гарантии подобен банковской гарантии [13].

Н.Ю. Рассказова считает, что легальный анализ положений Бюджетного кодекса Российской Федерации свидетельствует о том, что государственная (муниципальная) гарантия представляет собой типичное поручительство, выдаваемое государственным или муниципальным образованием как участником гражданских правоотношений [4, с. 24].

Аналогичную позицию занимал в свое время и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, который рассматривает государственную и муниципальную гарантию как разновидность договора поручительства [14]. Впоследствии в п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 26 февраля 2009 г. № 17 этот вывод был уточнен: нормы БК РФ, вступившие в силу с 1 января 2008 г., более полно по сравнению с ранее действующей редакцией БК РФ регулируют соответствующие отношения, в связи, с чем существенно сужена сфера применения норм параграфа 5 главы 23 ГК РФ о договоре поручительства в порядке аналогии закона к правоотношениям, возникающим в связи с государственными (муниципальными) гарантиями, введенными после 31 декабря 2007 г.» [15].

Однако, сравнительный анализ правового регулирования государственной и муниципальной гарантии и правового регулирования независимой гарантии и поручительства, позволяет выделить нам следующие отличия. Первое отличие государственной и муниципальной гарантии от независимой гарантии и поручительства заключается в субъектном составе. Второе отличие заключается в акцессорности характера обязательства. Третье отличие заключается в круге обеспечиваемых обязательств. Чет-

вертое отличие заключается в отзыве и изменении гарантии, а также в передаче прав по гарантии. Пятое отличие заключается в возможности перевода долга.

Выделенные особенности не позволяют рассматривать государственную и муниципальную гарантию как разно-

видность поручительства или независимой гарантии. Представляется возможным еще раз констатировать то, что государственная и муниципальная гарантия является самостоятельным в настоящее время непоименованным в ГК РФ способом обеспечения исполнения обязательства.

Литература:

1. Пашков Р. Редкие и не указанные в ГК РФ способы обеспечения обязательств / Р. Пашков // Бухгалтерия и банки. — 2014. — № 8. — С. 25. — С. 24–31.
2. Шохин С. О. Правовое регулирование государственного и муниципального кредита / С. О. Шохин // Финансовое право: Учебник / Отв. ред. М. В. Карасева. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2009. — С. 487. — 609 с.;
3. Максимович Н. А. Поручительство как способ обеспечения исполнения обязательства: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Максимович Н. А. — СПб., 2003. — С. 21. — 167 с.
4. Рассказова Н. Ю. Банковская гарантия по российскому законодательству / Н. Ю. Рассказова. — М.: Статут, 2005. — С. 23. — 171 с.;
5. Андреева Е. Анализ норм бюджетного и гражданского законодательства о государственной гарантии как способе обеспечения обязательств / Е. Андреева // Хозяйство и право. — 2004. — № 6. — С. 26–33.
6. Грачева И. В., Самсонова А. Е. Государственная гарантия: соотношение частноправовых и публично-правовых начал / И. В. Грачева, А. Е. Самсонова // Финансовое право. — М.: Юрист, 2006. — № 9. — С. 6–10.
7. Бакшеева Ю. Н. Государственные гарантии как способ обеспечения исполнения обязательств / Ю. Н. Бакшеева // Государственная власть и местное самоуправление. — 2016. — № 12. — С. 9–13.
8. Постановление ФАС Центрального округа от 28.01.2013 по делу № А14–9663/2012 // [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 28.10.2018);
9. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 18.06.2013 № Ф03–2276/2013 по делу № А59–3945/2012 // [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 28.10.2018).;
10. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 16.08.2016 по делу № А02–2310/15 // [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 28.10.2018); и др.
11. О рынке ценных бумаг: федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ: по сост. на 16 октября 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 17.
12. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ: по сост. на 01 июля 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
13. Паплинский В. В. Гарантии и поручительства как правовые способы активизации инвестиционной деятельности / В. В. Паплинский. — М., 2005. — С. 12. — 199 с.
14. О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума ВАС РФ от 22 июля 2006 г. № 23: по сост. на 26 февраля 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2006. — № 8.
15. О внесении дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июля 2006 г. № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации»: постановление Пленума ВАС РФ от 26 февраля 2009 г. № 17 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2009. — № 5.

Объективная сторона дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества

Прасолова Мирослава Юрьевна, студент магистратуры
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

В статье рассматриваются проблемные вопросы объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 321 Уголовного кодекса Российской Федерации «Дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества», определяются направления совершенствования данной статьи.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, объективная сторона, уголовная ответственность, место лишения свободы, место содержания под стражей, осужденный.

Человечество в процессе своего исторического развития использовало два главных способа противодействия преступным посягательствам на права и законные интересы личности, общества и государства — предупреждение преступлений и наказание за совершение преступления [3, с. 103].

Вид наказания как лишение свободы на определенный срок занимает основополагающее место среди часто применяемых отечественным правосудием. Эффективность его применения обуславливается в первую очередь уровнем организации исправительного процесса в пенитенциарных учреждениях. Существенной проблемой для реализации назначенного судом наказания служит возможность со стороны осужденных противоправных проявлений. К сожалению, преступность в местах лишения свободы — не редкое явление. С точки зрения И. И. Карпеца: «Преступность в местах лишения свободы не только велика по масштабам (относительно, конечно, с учетом того, что, вроде бы, в этих местах не должно быть преступлений, ибо именно за совершение таковых туда направляются люди), но и опасна по характеру и жестокости» [4, с. 139]. И как отмечает А. В. Щербаков, особое место в структуре пенитенциарной преступности занимает дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (статья 321 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — ст. 321 УК РФ)), так как данное преступление напрямую посягает на нормальную деятельность исправительных учреждений (соответствующую целям и задачам), на личные блага и интересы личности их сотрудников и осужденных [9, с. 35].

В теории уголовного права преступление от иных правонарушений ограничивается уровнем общественной опасности, и для квалификации преступления необходимо определить его состав, в том числе важную предпосылку уголовной ответственности, ее своеобразный фундамент, без которого уголовной ответственности вообще не существует, — объективную сторону [8, с. 88]. Ст. 321 УК РФ включает в себе три самостоятельных состава преступления, которые реализуются путем осознанно-волевого действия [6, с. 27]. Так в ч. 1 ст. 321 УК РФ говорится об угрозе применения либо о применении насилия неопасного для жизни и здоровья осужденного из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы или с целью воспрепятствовать исправлению осужденного. Ч. 2 ст. 321 УК РФ, предусматривает деяния, установленные частью первой, в отношении сотрудника места содержания под стражей или места лишения свободы в связи с осуществлением им служебной деятельности. На основании вышеизложенного необходимо отметить два важных момента.

Во-первых, законодатель в ныне действующей редакции удачно объединил в одной части угрозу применения насилия и применение насилия неопасного для жизни и здоровья, нежели в предыдущей, где угроза была в первой части, а фактическое применение насилия — во второй. Но при этом просматривается пробел, а именно неустановление уголовной ответственности за угрозу убийством осужденного или сотрудника.

Во-вторых, неясно, почему действия по отношению к осужденным и действия по отношению к сотрудникам мест лишения свободы и мест содержания под стражей описаны в разных частях первой статьи.

Так, некоторые авторы считают, что в одной статье объединены качественно разные общественно опасные посягательства, уравниены по степени уголовно-правовой охраны и выполняющие свой непростой служебный долг государственные служащие, и отбывающие наказание преступники. По мнению Ю. Власова, «осужденный не может выступать в качестве носителя отношений порядка управления или интересов правосудия» [1, с. 16]. В связи с этим, сохранение ответственности за применение насилия в отношении осужденных и сотрудников учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, в одной норме действующего УК РФ противоречит правилам юридической техники, так как деяниями, указанными в диспозиции, происходит посягательство на разные объекты. Вследствие этого А. А. Примака предложил разделить предусмотренные ст. 321 УК РФ преступные действия на две самостоятельные нормы, содержащиеся в разных статьях УК РФ. С. А. Яковлева же, указывая на несовершенство ст. 321 УК РФ, считает целесообразным, чтобы структура данной статьи предусматривала ответственность лишь за посягательства в отношении сотрудников мест лишения свободы или места содержания под стражей или его близких, «более последовательно и логично дифференцировать уголовную ответственность за данное преступление в зависимости от характера и степени опасности угроз или насилия в отношении потерпевшего» [5, с. 88].

По справедливому, на мой взгляд, мнению других же ученых наоборот необходимо объединить данные две части в одну, так как в прошлой редакции 1999 года все вышеназванные категории потерпевших были логично объединены в рамках части первой статьи. Как отмечает С. Ф. Милюков, состав рассматриваемого преступления «подвергся той же операции, что и состав бандитизма, то есть выхолощен, оскоплен. Из него искусственно изъята самая сердцевина — посягательство на жизнь сотрудников мест лишения свободы и осужденных». Возникает парадоксальная ситуация: из-за несоразмерной защиты (разницы в объемах санкций) формируются условия, при которых непосредственный объект преступного посягательства выпадает [4, с. 140].

В ч. 3 ст. 321 УК РФ закреплён квалифицирующий признак, которым являются совершение деяния с применением насилия, опасного для жизни и здоровья либо организованной группой. По этому поводу А. В. Бриллиантов утверждает, что «не секрет, что в местах лишения свободы преступные группировки играют весьма значительную роль. Их лидеры не только устанавливают и обеспечивают соблюдение осужденными неформальных правил поведения, но и пытаются воздействовать на поведение администрации исправительных учреждений, в том числе иногда и путем организации посягательств на жизнь и здоровье сотрудников администрации. Лидеры и подчиненные им преступные группировки в местах лишения свободы организуют связь с членами преступных организаций, находящимися на свободе, поступление в места лишения свободы денег, алкоголя, наркотиков, участвуют в организации совершения преступлений за пределами исправительных учреждений. Нередко они вершат суд и расправу над осужденными, не подчиняющимися их правилам поведения. Все перечисленные и иные действия преступных группировок в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, крайне отрицательно воздействуют на нормальную работу этих учреждений» [3, с. 104].

Исследование ст. 321 УК РФ позволяет отметить некоторую абсурдность самой формулировки диспозиции части третьей. Так, если убрать слова «организованной группой», то получается «применение насилия не опасного для жизни и здоровья в отношении осужденного, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья». Следственно, необходимо изменить формулировку ч. 3 ст. 321 УК РФ, которая должна преобразоваться в часть вторую в измененной редакции. Поэтому после словосочетания «организованной группой» считаю нужным продолжить словами «либо применение насилия, опасного для жизни и здоровья в отношении лиц и по тем же основаниям, указанных в части первой настоящей статьи».

Также, хотелось бы отметить, что, как известно, на характеристику объективной стороны накладывают существенный отпечаток правовой статус, возраст, психическое, физическое состояние потерпевшего и многие другие его свойства. В ст. 321 УК РФ при формулировании составов преступлений законодатель учел три категории потенциальных потерпевших: 1) осужденный; 2) сотрудник места лишения свободы или места содержания под стражей; 3) близкие сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей. Причем сотрудниками пенитенциарных учреждений, являются граждане Российской Федерации, которым присвоены в установленном законом порядке специальные звания рядового или начальствующего состава уголовно-исполнительной системы, проходящие службу в уголовно-исполнительной системе [2, с. 13]. Таким образом, круг потерпевших ограничен за счет представителей персонала исправительных учреждений из числа вольнонаемного

состава. Из этого следует, что при недостатке хотя бы одного признака, по которому проводится соотношение в рамках конкуренции уголовно-правовых норм, требуется квалификация как посягательство на личность [7, с. 293]. Но с таким категоричным ограничением вряд ли можно согласиться, поскольку и вольнонаемный состав, осуществляющий в местах лишения свободы медицинское обслуживание и политико-воспитательную работу, инженерно-технический и административный персонал, руководящий производственной деятельностью заключенных, следует относить к числу потерпевших. Ученые подчеркивают, что эти лица не меньше способствуют достижению целей уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и имеют единую виктимологическую предрасположенность к совершению насилия в отношении их, так как их деятельность связана с реализацией средств исправления, обеспечением режима содержания осужденных.

Также хотелось бы добавить, что в юридической литературе высказаны различные точки зрения по поводу нормативного описания в статье применения насилия в отношении осужденных и сотрудников исправительных учреждений. На практике возникают затруднения при применении данных норм из-за неоднозначного подхода законодателя к формулированию понятий опасных насильственных преступлений и разграничению уголовной ответственности за их совершение, что создает сложности при индивидуализации уголовного наказания и квалификации совершенных насильственных действий.

Многие авторы отмечают, что законодательная характеристика насилия в статьях УК РФ (насилие, не опасное для жизни и здоровья, и насилие, опасное для жизни и здоровья), выделяется неконкретностью, и это особенно свойственно для ч. 3 ст. 321 УК РФ, где диапазон возможного вреда установлен от легкого (ст. 115 УК РФ) до тяжкого (ст. 111 УК РФ), что по мнению И. Б. Ускачевой и А. В. Щербакова ставит угрозу, применение опасного и неопасного насилия в отношении субъектов пенитенциарной системы в один ряд по степени общественной опасности [7, с. 295]. Введение этих квалифицирующих признаков в уголовное законодательство в качестве оценочных понятий влечет повышенный риск судебной ошибки. В итоге, в настоящий период теоретические комментарии и судебная практика исходят из рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ.

Таким образом, для обеспечения нормального функционирования органов, в ведении которых находится изоляция отдельных лиц от общества, необходимо устранить некоторые недостатки ст. 321 УК РФ, касающиеся признаков объективной стороны преступления. И, как отмечают Б. В. Сидоров и А. А. Шамсунов, в отечественной юридической науке встречается немало заслуживающих внимания рекомендаций о совершенствовании российского уголовного законодательства об ответственности за посягательство на нормальное функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы [5, с. 88].

Литература:

1. Власов Ю. Проблемы конструкции и содержания статьи 321 УК РФ // Уголовное право. — 2006. — № 2. — С. 13–18.
2. Кузнецов А. П. Ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Пенитенциарная наука. — 2009. — № 8. — С. 12–16.
3. Легостаев с. В. К вопросу о предупреждении дезорганизации деятельности мест лишения свободы // Человек: преступление и наказание. — 2010. — № 1. — С. 103–106.
4. Саруханян А. Р., Уваров И. А. О недостатках конструкции ст. 321 уголовного кодекса Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2011. — № 5. — С. 139–142.
5. Сидоров Б. В., Шамсунов А. А. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: системный анализ и вопросы совершенствования уголовного законодательства // Вестник экономики, права и социологии. — 2008. — № 6. — С. 84–95.
6. Спасенников Б. А., Кондратовская С. Н., Мухтарова Е. А. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (доктринальное толкование) // Пенитенциарная наука. — 2016. — № 2. — С. 26–30.
7. Ускачева И. Б., Щербаков А. В. Отграничение дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, от смежных составов преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2015. — Выпуск 4. Часть 2 — С. 292–297.
8. Щербаков А. В. Дезорганизация деятельности исправительных учреждений и ее отражение в уголовном кодексе Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. — 2007. — № 1. — С. 88–90.
9. Щербаков А. В. Дезорганизация нормальной деятельности учреждений как один из видов пенитенциарных преступлений // Человек: преступление и наказание. — 2010. — № 4. — С. 35–37.

Проблемы реализации наследниками права на обязательную долю

Прокопьева Ирина Олеговна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы института обязательной доли при наследовании в Российской Федерации точки зрения прав и обязанностей наследников и наследодателя. Проводится анализ справедливости ограничения нормами закона свободы волеизъявления наследодателя с целью совершенствования института обязательной доли.

Ключевые слова: обязательная доля, наследственное право, завещание, наследодатель, наследник.

Правило об обязательной доле в наследстве проявляется в тех нормах закона, которые, несмотря на свободу завещания, запрещают лишать наследства тех лиц, которые оказались по состоянию здоровья или по возрасту нетрудоспособными [2].

Обязательная доля — традиционный институт наследственного права, обладающий социально-экономической и нравственной нагрузками. В силу прямого указания закона и вне зависимости от содержания завещания наиболее социально слабые лица, то есть обязательные наследники, круг которых четко определен Гражданским кодексом Российской Федерации, наследуют после смерти наследодателя не менее половины доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону. Анализируя законодательство о положении об обязательной доле, возникает вопрос: является ли обязательная доля наследственной долей или представляет собой только право требования обязательственного характера к остальным

наследникам? Большинство ученых придерживаются мнения, что завещатель не может лишить своих нетрудоспособных детей и других нетрудоспособных наследников той доли, которая причиталась бы им в силу прямого указания закона, то есть наследственная доля это и есть право на обязательную долю. Также в нотариальной практике часто встречается, что наследник имеет право не только на обязательную долю, но и на долю, причитающуюся ему по закону, соответственно обязательная доля наследника входит в состав наследуемой доли по закону, при условии, что обязательная доля не больше наследуемой доли по закону, и выдается нотариусом неразрывно.

Гражданский кодекс Российской Федерации рассматривает правило об обязательной доле в отдельной статье [1]. При этом расположение данной статьи находится в главе «Наследование по закону», однако анализ положений данной статьи позволяет сделать вывод, что обязательная доля имеет смысл лишь при наследовании

по завещанию. При наследовании по закону все наследники обязательной доли так будут призываться к наследованию как преемники первой очереди.

Следует отметить, что обязательная доля с точки зрения ограничения завещательной свободы наследодателя, законодательное закрепление положений об обязательной доле не препятствует завещателю распорядиться своим имуществом по личному усмотрению, в обязанности нотариуса входит разъяснение завещателю содержания статьи об обязательной доле, также в завещании делается отметка об этом разъяснении. Однако наследник, имеющий право на обязательную долю, в определенных случаях может отказаться от наследования, право наследовать может быть утрачено, и его доля может быть уменьшена. Таким образом, положение об обязательной доле ограничивает не свободу воли завещателя, а реализацию выраженной в завещании воли наследодателя.

Наиболее актуальные правовые задачи, могущие возникнуть при переходе доли обязательного наследника. Особенно этот вопрос актуален в современном обществе [3], медицина шагнула далеко вперед и теперь каждой семье доступна такая процедура, как экстракорпоральное оплодотворение, то есть ЭКО. В настоящее время отношения, регулирующие эту сферу законодательно подкреплены только — приказом Министерства здравоохранения РФ от 26 февраля 2003 г. № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия». Актуальность вопроса, заключается в том, что в Российской Федерации ЭКО не только доступно с финансовой стороны, ведь порой такая процедура предоставляется бесплатно, но и с нравственной и духовной точки зрения семейные пары при невозможности зачать естественным путем не брезгают и часто прибегают к такому способу оплодотворения. Метод экстракорпорального оплодотворения практикуется в мире уже около четырех десятилетий, за это время благодаря этой процедуре во всем мире родилось около пяти миллионов детей. Согласно статистике за 2017 и 2018 года процент детей рожденных по данной методике среди общей массы новорожденных детей Российской Федерации составил 0,7–1,5%.

Однако для наследования популярность ЭКО ведет к ряду правовых сложностей. Так, например, при использовании в ЭКО метода термальной обработки низкой температурой эмбрионы сохраняют жизнеспособность в течение долгих лет и впоследствии могут быть «разморожены» и перенесены в тело женщины. Все же совершенно очевидно, что за время заморозки родитель может умереть, и тут возникает вопрос: как защитить наследственные права его будущего ребенка, если, оплодотворение произошло после смерти родителя или после истечения срока для принятия наследства? Будет ли являться этот ребенок наследником? И все же при возможной практической сложности в части доказывания родственных отношений через суд, а также при трудностях в определении правового статуса такого ребенка как наследника,

все же это сделать возможно, и ребенок сможет получить наследство. Однако, не смотря на то, что в судебном порядке восстановить права такого ребенка возможно, это не упрощает процедуру для второго родителя, поэтому вопрос о юридическом положении лиц, рожденных с применением экстракорпорального оплодотворения требует немедленного законодательного разрешения в части внесения изменений в круг лиц, прозывающихся к наследованию.

Относительно правопреемства, возникающего в рамках правоотношения, связанного с реализацией права на обязательную долю, важно помнить, что главная особенность объекта вызвана спецификой выделения необходимой доли.

Таким образом, в счет обязательной доли наследник может получить любое имущество, в связи с тем, что при расчете обязательной доли во внимание принимается все наследственное имущество, как завещанное, так и не завещанное.

Согласно гражданскому законодательству особенность объекта обязательной доли заключается в том, что при наличии незавещанной части наследственного имущества право на обязательную долю удовлетворяется полностью из незавещанной части, и только если этой части недостаточно, нотариус высчитывает дефицитную часть обязательной доли из завещанного имущества. Любом случае, реализовавшееся право через получение обязательной доли наследник получает определенное наследственное имущество [4].

Также одним из актуальных вопросов о возможности наследодателем распорядиться на момент смерти тканями и органами своего организма. При если предположить, что законодатель включит части тела и органы человека в наследственную массу, то будет затруднительно оценить такое наследственное имущество, соответственно будет трудно вычислить обязательную долю.

В цивилистике существует мнение, согласно которому части тела, ткани и органы человека обладают необходимыми признаками, дающими основание причислить их к вещам. Некоторые российские ученые считают, что при отделении от организма органы становятся самостоятельными предметами материального мира, способными удовлетворять определенные потребности. В зарубежном законодательстве, а именно в Соединенных Штатах Америки, части тела, ткани и органы человека закреплены как объекты гражданско-правового оборота и переходят к ближайшим родственникам наследодателя как право на тело умершего.

В законодательной практике Франции есть возможность завещать свои части тела, ткани и органы, при этом составляющие человеческого организма не входят в состав наследств наследственной массы и, соответственно, наследники, в том числе обязательные наследники не могут претендовать на такое имущество.

Российское законодательство не регулирует этот вопрос и в каком направлении пойдет наследственная прак-

тика неизвестно, и все же несмотря на то что отделенные от организма ткани и органы человека отвечают признакам материальности, признать их вещью, в том числе наследственной массой, нецелесообразно, так как такое законодательное решение повлечет их необоснованное вовлечение в гражданский оборот. Однако можно предположить, что у наследодателя в Российской Федерации есть возможность распорядиться своими тканями и органами на момент смерти посредством института завещательного возложения, в силу общепольности целей. При этом в данном случае эти органы и ткани в наследство не вклю-

чаются, оценке не подлежат и, соответственно, не принимаются во внимание при расчете обязательной доли.

Таким образом, рассмотрение отдельных вопросов, связанных с наследованием обязательной доли, приводит к следующим выводам, современное российское законодательство закрепило обязательную долю в гражданском праве, наследники, имеющие право на обязательную долю защищены со всех сторон и их права законодательно не могут быть ущемлены, однако часть рассмотренных вопросов приводит к мнению, что усовершенствовать наследственное законодательство в России целесообразно.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. Блинков О. Е. Понятие, сущность и основания иждивения (наследственно-правовой аспект) / О. Е. Блинков // Наследственное право. — 2015. — № 4. — С. 44.
3. Лебедева А. В. Обязательная доля в наследстве: история и современность / А. В. Лебедева // Наследственное право. — 2014. — № 1. — С. 27.
4. Соловьева Г. В. Совершенствование правового регулирования обязательной доли в наследстве / Г. В. Соловьева // Нотариальный вестник. — 2013. — № 2. — С. 69.

Основные проблемы наследственного договора

Прокопьева Ирина Олеговна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В настоящей статье рассматривается правовая природа наследственного договора. Проводится анализ российского и зарубежного законодательства. Предприняты попытки вывести как отрицательные, так и положительные стороны наследственного договора.

Ключевые слова: законодательство, наследственный договор, наследодатель, наследник.

С первого июня 2019 года в российском законодательстве появились изменения, появилось и новое понятие для российского законодательства — наследственный договор, однако для зарубежного законодательства, такой договор не новый и существует уже более ста лет.

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации [1], наследственный договор заключается между наследодателем и любым лицом, которое может призваться к наследованию по закону или по завещанию, так как в российской законодательстве существует возможность завещать любым лицам, таким образом второй стороной договора может быть любое лицо или лица на усмотрение наследодателя.

Условия наследственного договора определяют круг наследников и переход наследственного имущества к живым наследникам после смерти наследодателя. Такой договор обязательно составляется в нотариальной форме и подписывается каждой из сторон участвующих в заключении наследственного договора, если стороны не возра-

жают, в обязанности нотариуса входит зафиксироваться с помощью видеоустройств процедуру заключения наследственного договора.

Если одна из сторон наследственного договора уклоняется от нотариального удостоверения такого договора, соответственно, сделка признается недействительной и у сторон нет права обратиться в течение года в суд и признать такую сделку действительной. Конечно же незнание закона не освобождает от ответственности и люди, которые не знают о таком нормативном положении могут столкнуться со всеми последствиями своего незнания, например этим может воспользоваться одна из сторон в корыстных целях и скорее всего это будет сторона наследодателя, что ставит вторую сторону в очень невыгодное положение. Однако, даже при заключении нотариального договора по правилам, то есть в нотариальной форме, не означает что вторая сторона полностью защищена при совершении данной сделки [2, с. 233].

На наследственный договор распространяется правило об обязательной доле, даже если обязательные на-

следники появились после заключения вышеуказанного договора. Например, наследник по договору исправно в течение многих лет исполнял свои обязательства по отношению к наследодателю, вкладывал материальные, физические и возможно духовные силы, надеялся на получение определенного имущества взамен, но появился наследник, имеющий право на обязательную долю и совершенно на законных основаниях ему переходит какая-то доля от имущества, являющегося предметом наследственного договора.

Зарубежное законодательство решило эту проблему [3, с. 8], например в Австрии установлена так называемая «свободная доля», то есть предметом наследственного договора может быть только три четвертые доли от наследственного имущества, а одна четвертая доля распределится обязательному наследнику.

В Швейцарии предусмотрено заключение договора между наследником по договору и обязательным наследником, если наследник, имеющий право на обязательную долю, откажется от своей доли, но тогда наследник по договору должен выплатить обязательному наследнику компенсацию либо предоставить другое имущество.

Таким образом, в российское законодательства конечно предлагает решение данной проблемы расторгнуть или изменить наследственный договор если обе стороны еще находятся в живых, либо через решение суда, однако если стороны даже не догадывались о наличии обязательного наследника, в силу своей правовой неграмотности либо легкомысленного отношения к этой ситуации, может та получиться, что ожидание наследников по договору будет не оправдано, и по факту получится, что плата по договору будет неравноценна полученному имуществу. Конечно же наследники по договору могут решить эту проблему через суд, однако, вместо того чтобы дополнить российское законодательство пунктом помогающим избежать подобной ситуации, огромное количество людей будет вынуждено обращаться в суды, тратя при этом деньги, силы и время.

Еще одной главной проблемой при заключении наследственного договора, является возможность наследодателя заключить несколько наследственных договоров с разными лицами [4, с. 127], предметом которого является одно и то же имущество наследодателя. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации в данной ситуации будет применяться самый первый наследственный договор, однако наследодатель так же может распорядиться своим имуществом после составления наследственного договора любым образом, например завещать его, продать или подарить.

Конечно же, наследники по наследственному договору могут оспорить заключенный наследственный договор через суд и при жизни наследодателя, и после смерти наследодателя. Однако это совершенно не означает, что потраченные убытки будут возмещены наследником по договору, так как для современного российского общества совершенно нормально избавляться от всего имущества,

переписывать недвижимое и движимое имущество на родственников и знакомых, не устраиваться официально на работу лишь бы не выплачивать долги, а даже если и будет возможность удерживать часть суммы с пенсии или официальной заработной платы, которая как правило не высокая, возмещение убытков может растянуться на долгие годы.

С той же самой проблемой наследники могут столкнуться, когда наследодатель отказывается от наследственного договора в одностороннем порядке. Уведомление об отказе является нотариальной сделкой, и нотариус обязан известить вторую сторону договора о вышеуказанном отказе, путем направления наследникам в течение трех дней копии уведомления об отказе.

Если предположить, что наследодатель недобросовестный, и по стечению обстоятельств уведомление об отказе от договора не дошло до наследников, в этом случае может возникнуть злоупотребление наследодателя по отношению к наследникам по договору с целью получить материальную и иную выгоду.

Однако, скорее всего, первой стороной, то есть наследодателем будут пожилые люди, нуждающиеся в материальной или физической помощи, и если наследодатель добросовестный и готов возмещать понесенные наследниками убытки, так как это его обязанность согласно Гражданскому Кодексу Российской Федерации, то как правило удержание из пенсии будет незначительным, а если наследственный договор исполнялся годами и сумма убытков значительная, в таком случае наследникам по наследственному договору придется долго ждать возвращения их денег.

Не только наследодатель может отказаться от наследственного договора в одностороннем порядке, если наследник один, для него в данном случае нет никаких затруднений и рисков, но, если наследников несколько уже возникает проблема.

Когда наследников по наследственному договору несколько и один из наследников отказался от исполнения наследственного договора, договор продолжит действовать в отношении прав и обязанностей других наследников, при условии, что права и обязанности отказавшегося наследника не включены в права и обязанности оставшихся наследников по договору. Но что же делать наследникам, когда права и обязанности отказавшегося наследника прочно связаны с правами и обязанностями остальных наследников по наследственному договору?

Таким образом, в попытке угнаться за зарубежным законодательством, в российское законодательство был введен наследственный договор, который при детальном анализе показывает существенные риски для сторон, и дня наследников по наследственному договору риски по значимости последствий на много перевешивают чем у стороны наследодателя. Наследники по наследственному договору должны понимать существующие риски, вытекающие из этого проблемы, а разъяснить наследникам эти нюансы должен именно нотариус при оформлении наследственного договора.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. Алексикова О. Е. Перспективы развития институтов наследственного договора и совместного завещания супругов в российском наследственном праве // Среднерусский вестник общественных наук. — 2017. — № 1. — С. 231–237.
3. Филиппова С. Ю. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. — 2015. — № 1. — С. 6–9.
4. Белоотченко Е. А. Наследственный договор в рамках реформирования российского наследственного права // Ленинградский юридический журнал. — 2017. — № 1. — С. 122–129.

Характеристика вины при совершении преступления, связанного с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена

Пряникова Ксения Константиновна, студент магистратуры
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

Одной из наиболее сложных проблем в уголовной доктрине являются вопросы понимания вины, которые остаются актуальными независимо от проводимых научных исследований в данной области, что порождает сложности, как при квалификации общественно-опасных деяний, так и при назначении наказания за совершенное противоправное деяние.

Согласно действующему уголовному законодательству Российской Федерации, вина представляет собой не только необходимый элемент для привлечения лица к уголовной ответственности, но и ее базовый принцип. Правильное понимание вины и ее содержания залог правильной квалификации преступного деяния.

На сегодняшний день в российском уголовном праве различаются две формы вины: умысел и неосторожность. При этом неосторожность в качестве самостоятельной формы вины впервые была выработана в средневековой итальянской науке, которая стала результатом выделения из понятия косвенного умысла такой совокупности психических факторов, при которых лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своего неосторожного поведения. В уголовной доктрине данное поведение также называют преступной самонадеянностью. При этом выработка данного вида вины в качестве самостоятельного стало прогрессивным в науке уголовного права, так как это способствовало усилению принципа субъективного вменения.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что история развития уголовного права свидетельствует о выделении самостоятельных видов вины, происходящих на основании материалов практики, а именно на уголовных делах, связанных с преступлениями против жизни и здо-

ровья человека. Непосредственно это происходило по средствам дифференциации в данных составах преступления умышленного и неумышленного убийства, что спровоцировано формулирование учения о неосторожной вине в целом, основы которого заложены и в квалификации преступления по ст. 263 УК РФ [3, с. 72].

Следует также обратить внимание, что состав преступления, предусматривающий ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена по конструкции объективной стороны является материальным. По мнению К. А. Волкова и И. В. Чурсиной, форма вины в материальных составах определяется исходя из отношения виновного к общественно опасным последствиям [4, с. 83]. Таким образом применительно к ст. 263 УК РФ отношение виновного будут устанавливаться к причинению тяжкого вреда здоровью человека, крупного ущерба либо смерти человека.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ, отмечается сложной структурой [1]. Сложность заключается в том, что форма вины по отношению к нарушениям правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена и вызванными этим последствиями могут не всегда совпадать.

Как пишет А. И. Коробеев, анализ судебной практики показывает, что правила безопасности и эксплуатации транспорта и метрополитена нарушаются, в основном, умышленно, а к последствиям этих нарушений субъект относится неосторожно [5, с. 29].

Эта сложность структуры психического отношения лица к совершенному им деянию и его последствиям, од-

нако, не имеет значение для квалификации, так как ст. 26 УК РФ не требует установления формы вины в отношении деяния в материальных составов неосторожных преступлений. Для квалификации следует учитывать лишь возможность осознания наступления общественно опасных последствий.

В отечественной уголовной науке, как правило, отрицается возможность совершения преступления, направленного на нарушение правил безопасного движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного и морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена, однако, неоднократно упоминается о его совершении с косвенным умыслом.

В то же время судебная практика идет по пути отрицания наличия умысла, как прямого, так и косвенного, обосновывая свою позицию тем, что нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного и морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена с прямым или косвенным умыслом является средством для причинения вреда иным общественным отношениям, охраняемым уголовным законом Российской Федерации. Следовательно, такие деяния лица должны быть квалифицированы не как транспортные преступления, а как иные преступления, ответственность за которые предусмотрена УК РФ.

Наличие такой проблемы в судебной практике привело к тому, что Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 9 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», давая толкование нормам о транспортных преступлениях, в пункте 15 постановления, указал, что если лицо, которое управляло транспортным средством, умышленно использовало его в целях причинения вреда здоровью потерпевшего, оно подлежит ответственности за преступления против личности [2].

Еще одна позиция, отрицающая возможность умысла в субъективной стороне транспортных преступлений, высказана В.И. Ткаченко, который указывает на то, что возможно возникновение в процессе движения и эксплуатации транспортных средств такой аварийной обстановки, в процессе которой лицо, управляющее транспортным средством и эксплуатирующее его, осознает, что нарушение, которое он допустил, формирует реальную угрозу для собственности и иных общественных благ, охраняемых уголовным законом России [6, с. 58]. Возможность оценить такое отношение в качестве зависимости от того, каким образом действовало лицо, управляющее или эксплуатирующее транспортное средство, в созданной им аварийной обстановке, то есть предотвратить последствия, допущенного им нарушения.

Определив форму вины лица, управляющего или эксплуатирующего транспортное средство, в качестве неосторожной, также следует определить ее вид. Так ст. 26 УК РФ к преступлениям, совершенным по неосторож-

ности, относит такие деяния, которые стали результатом легкомыслия или небрежности. При легкомыслии лицо предвидит возможность, в отличие от косвенного умысла, где речь идет о реальной возможности, в данном случае речь идет о возможности абстрактной, наступления общественно опасных последствий, однако, самонадеянно рассчитывает на их предотвращение, не имея к тому достаточных оснований. Небрежность же — единственный вид вины, где такое предвидение не имеет места.

Стоит проанализировать ситуацию, когда лицо, управляющее или эксплуатирующее транспортное средство, своевременно обнаруживает опасность, которая создана другим участником данных общественных отношений. Так как в подобных случаях деяния ответственного лица проявляется в форме бездействия, а само поведение виновного лица является вынужденным. То есть лицо, управляющее или эксплуатирующее транспортное средство, не предвидит, что нарушение, которое допустил другой участник общественных отношений, может породить вредные последствия. К этому моменту ответственное лицо пока не совершило нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, из чего следует, что на данном этапе нельзя пока рассуждать и о том, что он мог предвидеть какие-либо последствия своих действий. Оценивая ситуацию в качестве опасной и принимая ошибочное решение для того, чтобы предотвратить последствия нарушения другого участника общественных отношений, субъективно ответственное лицо считает свое решение правильным, то есть таким, которое исключает наступление общественно опасных последствий. Так, например, 18 апреля 2018 года в Новосибирской области столкнулись грузовой поезд и тепловоз, вследствие чего с рельсов сошли несколько вагонов. Причиной инцидента стало то, что тепловоз сошел с подъездных путей и столкнулся с грузовым поездом. Данную ситуацию с точки зрения машиниста грузового состава можно оценивать, как вынужденную, так как он не предвидел наступления общественно-опасных последствий, вследствие действий машиниста тепловоза [7].

Из этого следует, что и в этот момент предвидение наступления опасных последствий своего поведения у водителя отсутствует. Такая ситуация с необходимостью приводит к принятию неверного решения лицом, управляющим или эксплуатирующим транспортное средство, чем влияет на субъективную сторону совершенного преступления.

Ошибочная оценка ситуации в качестве неопасной, вследствие чего ответственным лицом своевременно не принимаются меры по предотвращению последствий нарушения правил движения и эксплуатации транспортного средства другим участником общественных отношений, не требует отдельного исследования, так как очевидно, что в условиях отсутствия осознания ответственным лицом опасности исключается и предвидение последствий своих действий. В случае, когда управляющее или эксплуатирующее транспортное средство лицо предвидит, что нару-

шение им предписанных правил может повлечь за собой наступление общественно опасных последствий, но самонадеянно рассчитывает на их предотвращение, следует говорить о том, что такое ответственное лицо полностью осознает ситуацию как опасную и умышленно нарушает правила управления или эксплуатации транспортного средства. Это не позволяет отнести транспортные престу-

пления, которые стали результатом деяния с легкомысленным видом вины, к числу совершенных в условиях провоцирующих ситуаций.

Таким образом, единственным видом вины, который может иметь место в транспортном преступлении, совершенном в условиях провоцирующей ситуации, является преступная небрежность.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. Закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. федер. законов от 02.08.2019 № 308-ФЗ, № 304-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (в ред. от 24.05.2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 2.
3. Годунов, В. С. Характеристика вины при нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Юридические науки: актуальные проблемы уголовного права и криминологии. — 2013. — № 10. — С. 71–75.
4. Волков К. А., Чурсина И. В. Ответственность за превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации. — М.: Юрист, 2019. — С. 83–84.
5. Коробеев, А. И. Транспортные преступления — Изд-во «Юридический центр Пресс». Спб. — 2003. — 540 с.
6. Рублев, А. Г. Неосторожная форма вины и ее альтернатива в нарушении правил дорожного движения // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2016. — № 4 (24). — С. 57–61.
7. В России столкнулись два поезда, есть пострадавшие // Режим доступа: <https://korrespondent.net/world/russia/3962724-v-rossyy-stolknulys-dva-poezda-est-postradavshye>

Проблемы осуществления прав несовершеннолетних

Романенкова Елизавета Александровна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Гражданская процессуальная правоспособность представляет собой один из институтов общих положений гражданского процессуального права, который достаточно сложно обойти вниманием при исследовании правового статуса участников гражданского судопроизводства. На первый взгляд данный институт кажется хорошо исследованным и не представляющим проблем для понимания. В то же время при пристальном его изучении возникает ряд вопросов, которые необходимо попытаться разрешить, в частности вопросы о наиболее соответствующей сущности гражданского судопроизводства дефиниции процессуальной правоспособности; о том, единое это понятие или возможно существование нескольких видов гражданской процессуальной правоспособности; о моменте и условиях ее возникновения.

Ключевые слова: несовершеннолетние, правоспособность, осуществление прав.

Гражданская процессуальная правоспособность представляет собой один из институтов общих положений гражданского процессуального права, который достаточно сложно обойти вниманием при исследовании правового статуса участников гражданского судопроизводства. На первый взгляд данный институт кажется хорошо исследованным и не представляющим проблем для понимания. В то же время при пристальном его изучении возникает ряд вопросов, которые необходимо попытаться разрешить, в частности вопросы о наиболее соответствующей сущности гражданского судопроизводства дефи-

ниции процессуальной правоспособности; о том, единое это понятие или возможно существование нескольких видов гражданской процессуальной правоспособности; о моменте и условиях ее возникновения.

Определение гражданской процессуальной правоспособности законодателем не дано и в нормативных документах отсутствует, что приводит к наличию отличных друг от друга точек зрения на это понятие.

Наиболее распространено в юридической науке понимание гражданской процессуальной правоспособности как способности (возможности) иметь гражданские про-

цессуальные права и нести гражданские процессуальные обязанности. Данное определение представляет собой перелицовку легальной дефиниции гражданской (материальной) правоспособности, содержащейся в ст. 17 Гражданского кодекса РФ, но несмотря на неоспоримую правильность содержания этого определения оно вряд ли может считаться достаточно полным и исчерпывающим.

Ряд авторов в попытке дать более полную дефиницию сужают сферу действия данного понятия и, не отрицая такие признаки гражданской процессуальной правоспособности, как право иметь гражданские процессуальные права и нести процессуальные обязанности, сводят понятие правоспособности к способности быть стороной в процессе. Такая точка зрения вызывает несколько вопросов.

Прежде всего возникает вопрос о том, можно ли свести понятие гражданского процессуального правоотношения исключительно к отношениям, существующим между сторонами. По всей видимости, нет. Гражданские процессуальные правоотношения представляют собой общественные отношения, возникающие между судом и участниками процесса при отправлении правосудия по гражданским делам, суд является обязательным участником этих правоотношений, и ни в коем случае нельзя свести их к отношениям исключительно между сторонами.

Далее следует ответить еще на один вопрос: может ли участник правоотношения не обладать правоспособностью? Ответ тоже должен быть отрицательным, ибо если допустить возможность положительного ответа, то как следует именовать способность вступать в гражданские процессуальные правоотношения, иметь гражданские процессуальные права и нести процессуальные обязанности, если не правоспособностью? Высказанное Н.А. Чечиной утверждение о том, что дефиниция «правоспособность» применима только к носителям имущественных прав и обязанностей, а в отношении участников гражданского процесса следует применять термин «правосубъектность», могло считаться верным для своего времени, поскольку в действовавшем в тот момент Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1923 года, в отличие от ГПК РФ, дефиниция «правоспособность» действительно отсутствовала, в связи с чем М.К. Треушников замечает, что ни действующее законодательство, ни практика разрешения гражданских дел не знают употребления термина «правосубъектность».

Вряд ли можно согласиться и с высказанным Д.А. Тумановым и С.А. Алехиной утверждением о возможности применения понятия гражданской процессуальной правоспособности исключительно к лицам, имеющим материально-правовую заинтересованность в исходе дела (истцам, ответчикам, третьим лицам).

В опровержение указанных точек зрения следует отметить, что кроме сторон и третьих лиц ГПК РФ называет целый ряд иных субъектов гражданского процесса, которые, вступая в гражданские процессуальные правоотношения, приобретают способность иметь граждан-

ские процессуальные права и нести гражданские процессуальные обязанности. Следовательно, они обладают гражданской процессуальной правоспособностью, объем и содержание которой не совпадают с объемом и содержанием правоспособности сторон и третьих лиц. Способность быть субъектом гражданских процессуальных правоотношений современной юридической наукой признается лишь за теми лицами, которые обладают процессуальной правоспособностью.

Исходя из изложенного, следует сформулировать понятие гражданской процессуальной правоспособности как способности (возможности) обладать гражданскими процессуальными правами, нести гражданские процессуальные обязанности и быть участником гражданских процессуальных правоотношений.

Существование различных групп участников гражданских процессуальных правоотношений (участников гражданского судопроизводства) с различным объемом процессуальных прав и обязанностей позволяет говорить о существовании в гражданском процессе нескольких видов правоспособности.

Процессуальную правоспособность лиц, участвующих в деле и имеющих материально-правовую заинтересованность в исходе спора, следует именовать общей. Для общей правоспособности характерно, что лица, ею обладающие, во-первых, имеют правоспособность материальную, которая является основой правоспособности в гражданском процессе; во-вторых, участвуют в гражданском судопроизводстве в отсутствие специального закона, допускающего этих лиц в процесс; в-третьих, могут занимать в процессе любое процессуальное положение (истца, ответчика и третьего лица) или даже, как в случае предъявления встречного иска, несколько процессуальных позиций (например, быть истцом по первоначальному иску и ответчиком по иску третьего лица с самостоятельными требованиями).

Кроме общей гражданской процессуальной правоспособности, по нашему мнению, необходимо выделить специальную гражданскую процессуальную правоспособность — способность участвовать в гражданском судопроизводстве для выполнения специальной процессуальной функции, т.е. выступать в процессе в качестве процессуального истца (ответчика) по специальному указанию закона (ч. 1 ст. 45 и ст. 46 ГПК РФ), либо лица, дающего заключение по делу на основании ч. 3 ст. 45 и ст. 47 ГПК РФ, либо в качестве лица, оказывающего содействие правосудию.

По нашему убеждению, сложно оспорить то обстоятельство, что даже лица, оказывающие содействие правосудию, несут связанные с исполнением своих функций процессуальные обязанности и имеют корреспондирующие с этими обязанностями права, тем более это справедливо для остальных вышеперечисленных лиц. Наличие либо отсутствие у таких лиц материальной правоспособности не влияет ни на возможность их привлечения в гражданский процесс, ни на объем их гражданских про-

цессуальных прав и обязанностей. Для государства в лице суда как специально созданного для осуществления судебной власти путем отправления правосудия органа [4] правовой статус этих лиц в материальном праве безразличен.

Таким образом, к участникам гражданского судопроизводства, обладающим специальной правоспособностью, следует отнести лиц, участвующих в деле и не имеющих материально-правовой заинтересованности в исходе спора (прокурора, органы государственной власти и местного самоуправления, организации, граждан, обращающихся в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц либо неопределенного круга лиц, а также государственные органы, органы местного самоуправления, участвующие в гражданском процессе для дачи заключения по делу), а также лиц, оказывающих содействие правосудию (экспертов, специалистов, переводчиков, свидетелей).

Для специальной правоспособности характерно, что лица, ею обладающие, во-первых, вступают в гражданский процесс вне зависимости от наличия либо отсутствия материальной (гражданской) правоспособности; во-вторых, участвуют в гражданском судопроизводстве на основании специального указания закона, допускающего (предписывающего) участие этих лиц в процессе; в-третьих, занимают в процессе только одно четко определенное законом процессуальное положение.

Так, процессуальное положение прокурора, участвующего в гражданском судопроизводстве, его правоспособность зависят от правового основания его участия в гражданском процессе, от формы его участия в деле. Прокурор, вступивший в процесс на основании ч. 1 ст. 45 ГПК РФ путем предъявления иска в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов. Прокурор, вступивший в процесс для дачи заключения на основании ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, обладает всей совокупностью прав и несет все обязанности лица, участвующего в деле, но не обладает процессуальными правами и не несет процессуальные обязанности истца, т.е. имеет иное правовое положение, иной объем прав и обязанностей. Это различие становится визуально заметно в ходе судебного разбирательства даже для неспециалиста, проявляясь особенно ярко в том, что прокурор, предъявивший иск, выступает в судебных прениях первым, а прокурор, вступивший в процесс для дачи заключения, в прениях не выступает. На фоне этих различий следует отметить сходство правового положения в гражданском процессе прокурора, предъявившего иск, с правовым положением в процессе государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан, обратившихся в суд за защитой

прав и законных интересов других лиц, а равно сходство правового положения прокурора, вступившего в процесс для дачи заключения, и положения дающих заключение государственных органов и органов местного самоуправления.

Поэтому мы считаем необходимым выделить из разряда лиц, обладающих специальной гражданской процессуальной правоспособностью, лиц с активной гражданской процессуальной правоспособностью. Правоспособностью данного вида обладает такая категория лиц, участвующих в деле, как лица, защищающие «чужой» интерес, к которым следует отнести прокурора, предъявляющего иск на основании ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, государственные органы, органы местного самоуправления, организации и граждан, обращающихся в суд за защитой прав и законных интересов других лиц на основании статей 46 и 281 ГПК РФ, статей 70, 73 и 80 Семейного кодекса РФ и других норм материального права, позволяющих им инициировать гражданские дела, быть активной стороной гражданских процессуальных правоотношений (истцом, заявителем).

Такие лица могут быть правоспособными либо не правоспособными в материальном праве, материально-правовая правоспособность для определения их правового положения в гражданском процессе значения не имеет, для допуска их в процесс в качестве активной стороны достаточно предоставленного им федеральным законом права на предъявление иска (ст. 4 ГПК РФ). Так, положения ст. 70 СК РФ предусматривают возможность рассмотрения дел о лишении родительских прав в том числе по заявлению комиссии по делам несовершеннолетних, которая, безусловно, не является юридическим лицом. Из вышеуказанных положений СК РФ логически следует, что эти комиссии наделяются гражданской процессуальной правоспособностью по делам о лишении родительских прав, несмотря на отсутствие у них статуса юридического лица. То есть, предъявив иск о лишении родительских прав, комиссия по делам несовершеннолетних получает способность обладать всеми гражданскими процессуальными правами истца, за исключением права на заключение мирового соглашения, и нести все гражданские процессуальные обязанности истца, кроме обязанности по уплате судебных расходов.

Гораздо более редкий случай — наделение организации, не имеющей статуса юридического лица, способностью быть в суде ответчиком, защищаемой стороной. Как следует из положений главы 61 Трудового кодекса РФ, надлежащим ответчиком по искам о признании забастовки незаконной является орган, возглавляющий забастовку. В качестве такого органа в большом количестве случаев выступает забастовочный комитет, который, так же как и комиссия по делам несовершеннолетних, не имеет статуса юридического лица, но наделен процессуальными правами и несет обязанности ответчика. На наш взгляд, такую разновидность специальной процессуальной правоспособности следует именовать пассивной

процессуальной правоспособностью, поскольку ее наличие не позволяет инициировать процесс, а позволяет ее обладателю участвовать в гражданском судопроизводстве только в качестве ответчика, т.е. пассивной стороны процесса.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что условием существования специальной правоспособности является наличие федерального закона, позволяющего соответствующему субъекту принимать участие в гражданском процессе, а возникает она при наличии у этого субъекта способности выполнять предначертанную для него функцию в процессе. Для комиссии по делам несовершеннолетних такая способность возникает из самого факта создания комиссии; для забастовочного комитета — после объявления им забастовки; для свидетеля такой способностью является обладание сведениями об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, и возможность сообщить их суду; для эксперта — наличие специальных познаний в науке, технике, ремесле либо искусстве.

Общая процессуальная правоспособность, как уже отмечалось выше, не требует специального закона, разрешающего участие лица, ею обладающего, в гражданском процессе. Согласно ст. 36 ГПК РФ способность иметь гражданские процессуальные права и обязанности (правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами и организациями, которые согласно российскому законодательству обладают правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов.

В юридической науке широко распространено мнение, что общая гражданская процессуальная правоспособность возникает у организаций в момент их государственной регистрации в качестве юридического лица [3], а у граждан — с момента рождения. Однако это не всегда так. Из содержания ст. 36 ГПК РФ логически следует, что гражданская процессуальная правоспособность не может возникнуть у лиц, не обладающих правом на судебную защиту. Безусловно, в современной России отсутствуют лишены и лица, лишённые прав состояния, — все физические лица, граждане, иностранные граждане и лица без гражданства обладают гражданской (материальной) правоспособностью. Но в рамках гражданского процесса рассматриваются дела по спорам, возникающим не только из гражданских, но и из семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений.

Если мы обратимся к такой категории дел, как дела, возникающие из трудовых правоотношений, то вопрос о моменте возникновения общей гражданской процессуальной правоспособности предстанет в другом виде. Способность иметь трудовые права, нести соответствующие обязанности и быть участником трудовых правоотношений (трудовая правоспособность) по общему правилу, установленному ст. 63 ТК РФ, возникает с 16 лет, а при соблюдении ряда условий, установленных этой же статьёй, и раньше этого возраста. Следовательно, лицо, не достигшее возраста, с которого оно может вступить в тру-

довые правоотношения, не может претендовать на судебную защиту своих трудовых прав. Как справедливо отмечает Л.А. Грось, процессуальной правоспособностью в качестве стороны или третьего лица в деле, возникшем из трудового правоотношения, граждане могут обладать по достижении возраста трудовой правоспособности [2].

Таким образом, момент возникновения общей процессуальной правоспособности по отдельным категориям дел, рассматриваемым в гражданском судопроизводстве, может определяться не моментом рождения физического лица, а моментом возникновения у него правоспособности в соответствующей отрасли материального права.

Таким образом, даже сознательно — из-за ограниченности объема настоящей работы — обойдя проблему определения процессуальной правоспособности суда как органа правосудия и не ввязываясь в дискуссию о том, относятся ли судебные представители к лицам, участвующим в деле, и обладают ли они вообще самостоятельной гражданской процессуальной правоспособностью, отличимой от правоспособности лиц, ими представляемых, мы можем выделить несколько видов гражданской процессуальной правоспособности — общую и специальную, из которой, в свою очередь, можно вычленим активную и пассивную специальную правоспособность. На наш взгляд, именно такой подход позволяет достаточно убедительно опровергнуть высказанное в науке гражданского процесса мнение о том, что ст. 36 ГПК РФ признает правоспособность лишь за теми субъектами, которые обращаются в суд за защитой, а «такие субъекты, как ответчик, третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований на предмет спора, лица, дающие заключение по делу (прокуратура), и другие субъекты процесса процессуальной правоспособностью не обладают».

В соответствии со ст. 56 Семейного кодекса РФ ребенок, как известно, имеет право на защиту своих прав и охраняемых законом интересов. Защита прав и охраняемых законом интересов ребенка осуществляется в предусмотренном законом порядке, то есть посредством применения надлежащей формы и способов защиты. Принято выделять две основные формы защиты прав: юрисдикционную и неюрисдикционную. Юрисдикционная форма защиты — это деятельность уполномоченных государством органов по защите нарушенных или оспариваемых прав (суд, прокуратура, орган опеки и попечительства, орган внутренних дел, орган загса и др.). В рамках юрисдикционной формы защиты, в свою очередь, выделяют общий (судебный) и специальный (административный) порядок защиты нарушенных прав.

Неюрисдикционная форма защиты — это действия граждан и негосударственных организаций по защите прав и охраняемых законом интересов, которые совершаются ими самостоятельно, без обращения за помощью к компетентным органам. Такие действия называют самозащитой прав.

Защита семейных прав согласно ст. 8 Семейного кодекса РФ [6] осуществляется в судебном порядке по

правилам гражданского судопроизводства, а в случаях, предусмотренных Семейным кодексом РФ, — государственными органами или органами опеки и попечительства. Возможность судебной защиты членами семьи своих семейных прав.

Литература:

1. Гражданский процесс: Учеб. / Под ред. М. К. Треушникова. М., 2014.
2. Грось Л. А. К вопросу о гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности сторон и третьих лиц // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. № 10. С. 2–11.
3. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2012.
4. Правоохранительные и судебные органы России: Учеб. / Под ред. Н. А. Петухова, А. С. Мамыкина. М., 2015.
5. Чечина Н. А. Гражданские процессуальные отношения. Л., 1962. С. 24.
6. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // «Собрание законодательства РФ», 01.01.1996, № 1, ст. 16.

За защитой своих прав дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а равно их законные представители, опекуны (попечители), органы опеки и попечительства и прокурор вправе обратиться в установленном порядке в соответствующие суды Российской Федерации.

Пути модернизации прокурорского надзора за предварительным следствием

Рудченко Егор Игоревич, студент магистратуры

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

Поиск эффективной системы прокурорского надзора неизменно сопровождал развитие науки уголовного процесса и смежных научных дисциплин в период всего существования прокуратуры с момента образования. В настоящее время состояние законности в уголовном судопроизводстве ставит перед научными и практическими работниками вопрос: эффективны ли деятельность прокурора и ее организация в досудебном производстве?

Упреки в адрес прокурора, представлявшего в себе уголовное преследование, процессуальное руководство, надзор за исполнением законов, поддержание государственного обвинения, что это противоречит принципу состязательности, привели к знаковым изменениям системы прокуратуры. Реформа 2007 года, связанная с отделением предварительного следствия, стала новой преимущественно в организационном плане, когда нововведенные требования закона предопределили необходимость построения соответствующих схем взаимодействия с профессиональными участниками уголовного судопроизводства. Однако время и практика расставили все по своим местам. Видоизменение следственного аппарата «привело лишь к простому переподчинению следователя от прокурора руководителю следственного органа, и каких-либо принципиальных изменений в части обеспечения самостоятельности следователя не произошло» [3].

И что самое важное многоступенчатый механизм прокурорского надзора и ведомственного контроля свел на нет оперативное устранение нарушений на стадии предварительного следствия.

С учетом сложившегося мнения многих прокуроров, ведомственный контроль представляет собой избирательность, заинтересованность руководителя следственного органа, так как сам руководитель несет ответственность за действия следователей.

Реалии таковы, что реформы досудебного производства продолжают и в настоящее время. Поспешность изменений, внесенных в УПК РФ в 2007 году, стали очевидны уже через несколько лет, когда запланированного взаимодействия не произошло (нет его в ряде субъектов Российской Федерации и по сей день). Следователи и их руководители использовали в своих целях пробелы законодательства, в связи с чем приходилось неоднократно вносить дополнения и изменения.

Если дать оценку природе и особенностям надзорных полномочий прокурора, виден ряд процессуальных парадоксов. Механизм их реализации во многом идентичен процессуальному контролю. Можно говорить об определенном дублировании. Кроме того, прокуроры, как показывает практика, применяют меры прокурорского реагирования, прямо в законе не закрепленные (представления, информационные письма и иные), компенсируя ведомственный контроль и изыскивая очередную возможность обеспечить законность в уголовном судопроизводстве.

Очевидно, что прокурор, как никто другой, заинтересован в качестве предварительного следствия, так как это упрощает государственное обвинение в суде. По-настоящему самостоятельность следователя возможна только при ликвидации руководителя следственного органа как участника со строго формализованным процессуальным

статусом и переводе его в категорию фигур с организационными функциями по аналогии с председателем суда. А пока контроль руководителя следственного органа за предварительным следствием не всегда может быть объективным: за нарушение, допущенное следователем, ответственность несет и руководитель; следователь полностью зависим от руководителя следственного органа, находится под его контролем при принятии решений, как требующих, так и не требующих согласия руководителя.

В перспективе для повышения эффективности прокурорского надзора правовая политика обоснованно может быть реализована в следующих направлениях.

Перспективными представляется вариант, когда процессуальное положение прокурора закрепляется в отдельной норме УПК РФ, не относящегося к сторонам уголовного судопроизводства. Давно назрели унификация и комплексное улучшение законодательного массива. Так, предмет прокурорского надзора, указанный в ч. 1 ст. 37 УПК РФ, не соотносится с предметом, указанным в законе о прокуратуре. Имеются сложности в уяснении понятий между органами дознания и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, осложняющие определения предмета и пределов прокурорского надзора [1]. Нельзя не упомянуть несовершенство поло-

жений УПК РФ. Наиболее яркий пример — соотношение ч. 4 ст. 21 и ч. 1 ст. 37 УПК РФ; отнесение требований законности, обоснованности и мотивированности не только к постановлениям прокурора (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), но и ко всем аспектам его процессуальной деятельности. Непонятно, почему законодатель в ч. 1 ст. 37 УПК РФ не упомянул о вышестоящих и нижестоящих прокурорах. До сих пор в федеральном законодательстве и практике его применения отсутствует четко закрепленный механизм привлечения к ответственности должностных лиц органов предварительного расследования за неисполнение законных требований прокурора, внесенных в рамках УПК РФ. Прокурор как носитель функции государственного обвинения и обладающий обязанностями уголовного преследования должен и вправе возбуждать и прекращать уголовные дела (уголовное преследование), лично принимать участие в ряде следственных и иных процессуальных действий [4], вносить меры реагирования, предусмотренные законом о прокуратуре, в целях пресечения, устранения и предупреждения правонарушений. Это полностью соотносится с функциями, возложенными на него законом и международными стандартами. Именно поэтому полномочие прокурора по участию в доказывании законодатель не убрал в ходе реформы.

Литература:

1. Бажанов С. В. Законодательная регламентация правового положения прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — 2014. — № 3 (41).
2. Винокуров А. Ю. Прокурорская деятельность: 25 лет эволюции // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — 2016. — № 5 (55).
3. Горюнов В. В. Процессуальная самостоятельность следователя в свете реформы следственного аппарата // Рос. следователь. — 2012. — № 19.
4. Смирнов Г. К. Проблемы совершенствования института участия прокурора в досудебном производстве // Рос. юстиция. — 2008. — № 11.

Оценка стоимости недвижимого имущества

Рузметов Сергей Атаханович, кандидат юридических наук, доцент;
Солодовникова Анжелика Юрьевна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Длительное время взимание имущественных налогов в РФ происходило по устаревшей схеме. Основу для расчетов составляла инвентаризационная стоимость недвижимости, которая не опиралась на рыночные механизмы ценообразования. Поэтому налоговые поступления в бюджет были не большими.

Развитие фискальной политики России потребовало внедрения для повышения собираемости налогов кадастровой стоимости недвижимости. Ее оценку стали выполнять в соответствии с ФЗ № 135 от 29.07.1998 «Об оценочной деятельности в РФ» [2].

Законодательство РФ регламентирует основные направления хозяйственной деятельности, акцентируя внимание проблемам грамотной оценки недвижимого имущества и особенно оценке земли. К этому подталкивает развивающийся свободный рынок недвижимости, который активно развиваться только при создании основополагающих правовых и экономических условий для проведения как кадастровой, так и рыночной оценки недвижимости.

Производство стоимостной оценки недвижимости является тяжелым процессом, состоящим в правильном

и грамотном определении стоимостной оценке объекта недвижимости.

Для определения стоимостной оценке недвижимости применяются ее следующие виды:

1. Оценка по рыночной стоимости объекта, которая может быть определена по цене недвижимости отчуждаемой на свободном рынке. Она является условной продажной рыночной ценой.

В этом случае на цену сделки не оказывают влияние различные обстоятельства. Она определяется исходя из анализа множества как непредсказуемых фактов, так и поведения участников рынка.

2. Оценка объекта по инвестиционной стоимости производится для конкретного лица при инвестициях в объект. Для установления инвестиционной стоимости не нужно учитывать ее возможности по отчуждению. Этим она отличается от рыночной стоимости. Инвестиционная стоимость служит измерителем эффективности применения самих инвестиций.

При определении инвестиционной стоимости, в отличие от определения рыночной стоимости, учёт возможности ее отчуждения по ней на открытом рынке не обязателен.

3. Оценка объекта по ликвидационной стоимости производится по цене, за которую его можно быстро продать. Она рассчитывается по вероятной цене, за которую объект можно отчуждать. При определении ликвидационной стоимости учитывается влияние чрезвычайных обстоятельств. Поэтому продавец вынужден продавать объект недвижимости не на рыночных условиях, а в основном по более низким ценам. Этим она отличается от рыночной стоимости и составляет обычно только 75–80% рыночной цены [11].

4. Оценка объекта кадастровой стоимости производится по сумме, устанавливаемой при проведении государственной кадастровой оценки службой кадастрового учета. Эта оценка осуществляется для целей налогообложения. В ходе ее осуществления учитывается много факторов. При этом кадастровая оценка проводится на объекты недвижимости, которые стоят на учете в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) [3].

Оценку кадастровой стоимости недвижимости проводят различные экспертные компании, или сама кадастровая палата [11].

Кадастровая оценка не проводится так часто, как это делается при определении рыночной стоимости. Нормативно нужно оценивать объект 1 раз в 5 лет, но не чаще чем 1 раз в 3 года. Чаще всего кадастровая стоимость недвижимости оказывается меньше ее рыночной стоимости [10].

Сейчас плановая кадастровая оценка имущества будет проводиться только с 2020, если в конкретном субъекте Федерации со дня последнего проведения кадастровой оценки будет зафиксировано 30-процентное снижение индекса рынка недвижимости [9].

Эту сферу деятельности затрагивает также Приказ № 74 Минэкономразвития РФ от 20.01.2017 «Об утверждении порядка формирования и предоставления перечня объектов недвижимости...» [7]. При этом оценку

зданий и различных построек проводится оценщиками страховых компаний и различные другие по балансовой стоимости, учитываемой в бюро технической инвентаризации и договорах.

Требования по оценке определяются соответствующими стандартами, имеющими силу нормативных актов [6].

Минэкономразвития Приказом от 25.09.2014 № 611 ввело в оборот Федеральный стандарт оценки «Оценка недвижимости (ФСО № 7)». Данный нормативный документ является обязательным при экспертизе недвижимости, но не подлежит применению при определении рыночной стоимости предприятия.

Как показывает зарубежный опыт, оценка стоимости недвижимости близка к реальной, определяемой рыночным способом. Для более полного и грамотного определения стоимости имущества применяются три метода оценки или подхода:

- 1) затратный подход;
- 2) доходный подход;
- 3) сравнительный подход.

1. Затратный подход, учитывающий расходы на воспроизводство объекта с учетом его износа и старения. Воспроизводственными являются затраты по созданию копии объекта с учетом применявшихся для этого различных материалов.

Основой подхода является принцип замещения, по которому определяется разницу между восстановительной стоимостью и стоимостью замещения. Первая определяется по величине издержек на создание объекта из аналогичных материалов. Вторая оценивается по размеру затрат для возведения объекта, но уже с использованием новых материалов.

Надежность затратного метода является его преимуществом при проведении оценки объекта и земли, на которой он находится. Недостатком этого метода является его сложность при проведении оценки износа старых строений. Однако затраты этого метода не равны его рыночной стоимости.

Суммарная стоимость недвижимости при затратном методе состоит из стоимости не изношенной недвижимости и земли. Однако при этой оценке появляется противоречие, которое выражается в том, что наиболее хороший природный ресурс получает по нему меньшую оценочную стоимость.

2. Доходный подход основывается на том, какие доходы ожидаются от использования недвижимости. Поэтому он применяется только к доходным объектам, так как его основу составляет только максимальный доход.

При оценке этим методом, определяемая величина доходов от объекта превращается в его стоимость, поэтому он стал сегодня самым применимым методом оценки недвижимости.

Однако, будущие прогнозируемые доходы от поступлений арендной платы и перепродажи недвижимости, имеют большую погрешность, зависящие от рыночной ее стоимости и их определение на длительную перспективу затруднительно. В этом недостаток затратного метода.

3. Сравнительный подход основан на сопоставлении стоимости объектов недвижимости со стоимостью аналогичную недвижимость, по которой есть данные о цене. Сравнимый похожий объект должен быть сходный по экономическим, техническим и другим параметрам с аналогом.

Простота и обоснованность являются главными преимуществами сравнительного метода, а также он учитывает инфляцию и изменения рынка финансов.

Однако, его зависимость от стабильности рынка относится к недостаткам этого подхода. Также, к негативным явлениям следует отнести сложность сбора информации о рыночных ценах.

Как показывает практика, метод сравнения дает неудовлетворительные результаты в условиях больших темпов инфляции и при резком изменении экономической обстановки.

Сравнительный подход, в современных условиях, практически не применяется из-за его приблизительного характера и может использоваться только при проверке результатов других подходов при оценке объектов строительства и земли.

Применение рассмотренных 3 методов дает понятие о стоимости объекта с разных сторон: как со стороны продавца, так и со стороны покупателя или инвестора. При наличии свободных рыночных отношений, оценки недвижимости всех специалистов сходятся в одной цене. В реальности, то есть фактически, каждый участник рынка сам определяет условия и вырабатывает свое представление о ходе событий. Поэтому все 3 подхода применяются редко и их результаты могут значительно различаться.

На практике, предприятия используют в основном один или редко два подхода для оценки недвижимости. Выбор метода зависит от стабильности получаемого предприятием дохода.

Таким образом, получаемые от различных методов оценки, стоимости объектов недвижимости не являются

идеальными, а они только являются предлагаемыми ценами продавца и покупателя или инвестора.

Это происходит в случаях, если есть резерв времени для установления цены, учитывающей стоимостные оценки всех подходов и выбор для любого участника рынка.

Однако, простое усреднение результатов оценки, полученной при расчетах различными методами, является ошибкой потому, что при этом происходит сложение несравнимых величин. Это затраты при создании объекта по затратной методике и стоимость будущих доходов при доходной методике. А также еще и цены рынка за аналогичные объекты при сравнительной методике.

Поэтому при оценке недвижимости специалисты моделируют действия покупателей и продавцов, определяя стоимость объектов как результат согласования подходов участников рынка.

Часто реально трудно определить грань между подходами, потому что в пределах одного подхода возможно применение элементов, относящихся к другим подходам.

Для нивелировки разницы различных подходов к оценке недвижимости, в конце 2018 года в ФЗ от 29.07.1998 № 135 «Об оценочной деятельности в РФ» были внесены изменения, предусматривающие применение методик, которые бы приблизили конечный результат ее оценки к фактической, то есть, рыночной стоимости [4]. Однако окончательное решение вопросов оценки стоимости недвижимого имущества законодательно перенесено на начало 2020 года [5].

Практически этими вопросами в Калининградской области занимается Министерство экономики области, которое учредило для этого государственное бюджетное учреждение «Центр кадастровой оценки и мониторинга недвижимости». Он проводит государственную кадастровую оценки недвижимости на территории Калининградской области.

Литература:

1. Налоговый кодекс РФ. //ФЗ от 31.07.1998. № 146 с изменениями ФЗ от 29.09.2019 № 325.
2. ФЗ от 29.07.1998 № 135 «Об оценочной деятельности в РФ». (В ред. от 28.11.2018)
3. ФЗ от 3.07.2016 № 237 «О государственной кадастровой оценке».
4. ФЗ от 28.11.2018 № 451 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».
5. ФЗ от 17.10.2019 № 343 «О внесении изменений в статью 21 ФЗ »О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».
6. Приказ Минэкономразвития РФ от 25.09.2014 № 611 «Федеральный стандарт оценки »Оценка недвижимости (ФСО № 7)».
7. Антонов И. «Кадастровая оценка объекта недвижимости в России». // Оценка недвижимости. 29.03.2019 <https://pravovdom.ru/ocenka>.
8. Иванова Е. «Как и кто проводит государственную кадастровую оценку объектов недвижимости». //Оценщик. Ру. 10.2019. www.vnogorode.ru.
9. Татьяна фон Адеркас. «В 2019 году кадастровую стоимость недвижимости установят в 65 регионах». // Рос ре-е-стр Федеральная кадастровая палата. 21.08.2019. <https://kadastr.ru>
10. Конева Т. «Кадастровая оценка объектов недвижимости: что это? Кто проводит». Недвижимость и закон. <https://prodatkvartiry.ru/dokumenty>.
11. Чемакин В. «Оценка недвижимости: как происходит и для чего нужна». // Этажи. 7.02.2019. <https://j.etagi.com/ps/ocenka-nedvizhimosti>.

Деятельность микрофинансовых организаций: особенности правового регулирования через призму законодательных нововведений и дальнейшие перспективы

Сенькина Анна Игоревна, студент;

Петровская Екатерина Александровна, студент;

Научный руководитель: Малыхина Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается правовое положение микрофинансовых организаций. Особое внимание уделено особенностям правового регулирования микрофинансовой деятельности Центральным Банком Российской Федерации. На основе анализа законодательных изменений делается вывод о дальнейших перспективах деятельности микрофинансовых организаций.

Ключевые слова: ЦБ РФ, займ, финансовый рынок, микрофинансовая деятельность, правовое регулирование.

Под микрофинансовой деятельностью, в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», понимается деятельность юридических лиц, имеющих статус микрофинансовой организации, а также иных юридических лиц, имеющих право на осуществление микрофинансовой деятельности по предоставлению микрозаймов (микрофинансирование) [1].

По данным статистики Банка России (далее — ЦБ), на вторую половину 2019 года количество зарегистрированных в реестре ЦБ микрофинансовых организаций составляет 1960 компаний. Рынок микрофинансирования с недавних пор значительно опережает по темпам своего развития иные секторы финансового рынка. Такой скачок в развитии обусловлен рядом причин: развитие рынка финансовых услуг, нарастающая конкуренция в области финансового обслуживания и пр. Безусловно, микрозаймы обладают рядом преимуществ, чем и привлекают клиента. Потому что в отличие от клиентов банков, заемщиками МФО являются люди, которые по той или иной причине не удовлетворяют требованиям банков [2]. В первую очередь, это доступность, ведь для получения микрозайма зачастую достаточно предоставить паспорт и в максимально короткие сроки заявка будет рассмотрена. Более того, ввиду активного развития информационных технологий и проникновения их в том числе на рынок финансовых услуг, сегодня можно оформить микрозайм, даже не выходя из дома. Согласно исследованию, достаточно лишь заполнить заявку и денежные средства будут переведены на карту. Возникает лишь вопрос, не является ли это схемой мошенников? Однако необходимо отметить, что сам ЦБ отмечает переход в онлайн пространство позитивной тенденцией [3]. Поскольку предполагает, что уменьшение числа стационарных пунктов выдачи микрозаймов в местах большого скопления людей поспособствует тому, что клиенты будут тщательнее обдумывать такое решение. Но для того, чтобы такая практика устоялась, необходимо решать вопросы касательно усиления контроля за выдачей микрозаймов в онлайн пространстве. Но, несмотря на преимуще-

ства, ряд недостатков у микрофинансовых организаций все же имеется. И основные из них — это сжатые сроки, небольшие суммы и значительные проценты. Действительно ли сегмент микрофинансирования является одним из наиболее развивающихся и являются ли микрозаймы альтернативой банковскому кредитованию?

Микрофинансовая организация — юридическое лицо, которое осуществляет микрофинансовую деятельность, и сведения о котором внесены в государственный реестр микрофинансовых организаций в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом [4]. Основной нормативной базой деятельности таких организаций являются Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» от 21.12.2013 N353-ФЗ, Федеральный закон от 02.07.2010 N151-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2019). Надзор за деятельностью микрофинансовых организаций осуществляют Роспотребнадзор и Роскомнадзор. Но необходимо отметить, что основной пласт полномочий по контролю и надзору за деятельностью таких организаций возлагается на ЦБ РФ. Особенность данной функции ЦБ РФ можно проследить через призму законодательных нововведений. Буквально недавно, с 01 ноября 2019 года вступили в силу изменения, касающиеся микрофинансовой деятельности. В первую очередь, отныне предельный долг по займу не может превышать более двух сумм займа. Сразу отметим, что в перспективе долг заемщиков, оформляющих ссуды сроком до 1 года, не будет превышать 1,5 сумм займа. Во-вторых, ЦБ РФ снизил максимальную процентную ставку по займам. Если ранее микрозаймы славилась «драконскими» процентами и доходили до 2,2% в день, то после вступления изменений ставка значительно снизилась до 1% в день. Далее, осуществляя контроль за деятельностью микрофинансовых организаций, ЦБ РФ ужесточил требования к лицу, осуществляющему функции главного бухгалтера. Теперь главный бухгалтер микрофинансовой компании должен иметь высшее образование, стаж работы, связанной с ведением бухгалтерского учета, составлением

бухгалтерской (финансовой) отчетности либо с аудиторской деятельностью, не менее трех лет из последних пяти календарных лет, а при отсутствии высшего образования в области бухгалтерского учета и аудита — не менее пяти лет из последних семи календарных лет [5]. И, наконец, появилась необходимость расчёта показателя долговой нагрузки заёмщиков. Теперь производить расчет нужно будет в том случае, если клиент запросит займ на сумму более 10 тысяч рублей. Таким образом, контрольная функция ЦБ РФ в отношении микрофинансовых организаций в большинстве своем направлена на стабилизацию положения МФО на рынке финансовых услуг. По показателям за 2 квартал 2019 года, количество микрозаймовых организаций снизилось на 160 единиц, займы «до зарплаты» сократились на 7%. Вводя строгие ограничения, ЦБ РФ был прежде всего заинтересован в том, чтобы оградить клиентов от «быстрых» неосознанных кредитов.

Ограничение предельной ставки негативно скажется на портфеле микрофинансовых организаций, который активно рос в последние годы. «Наименее платежеспособные и за кредитованные заемщики станут получать больше отказов, а доходность хороших для микрофинансовых организаций клиентов в новых условиях может сократиться вдвое», — говорит РБК аналитик «Эксперт РА» Иван Уклеин [6].

Рентабельность самых крупных и эффективных «игроков» заметно упадет, а небольшим выдержать ре-

гулятивные ограничения будет еще сложнее. По данным ЦБ РФ, порядка 900 компаний в сегменте «займов до зарплаты» станут убыточными во втором полугодии 2019 года и могут уйти с рынка в течение двух-трех лет.

По данным ЦБ РФ, многие крупные игроки рынка, специализировавшиеся на «займах до зарплаты», стали тестировать более долгосрочные займы еще в прошлом году. На крупнейшие 20 компаний приходится более половины активов: раньше они делили сегменты рынка более-менее равномерно, но сейчас наметилась тенденция на переход компаний в сегмент среднесрочных займов. Небольшие компании начали уходить с рынка еще после вступления в силу прошлых ужесточений.

Многие компании, работавшие в сегменте краткосрочных займов, уже начали диверсифицировать свою продуктовую линейку, переходя к выдаче длинных займов, что является перспективным направлением в данной области.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что микрозаймы на сегодня не следует рассматривать как альтернативу банковскому кредиту, так как они находятся на ином сегменте финансового рынка в отличие от банков и по масштабу деятельности несравнимо малы. Однако очень высокий темп развития МФО может поспособствовать формированию нового сегмента на рынке финансовых услуг.

Литература:

1. Закон Российской Федерации от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ (последняя редакция) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102112/ (дата обращения: 28.11.2019).
2. Банк России. «Обзор ключевых показателей микрофинансовых институтов за II квартал 2019 года» // ЦБР. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/83879/review_mfi_19Q2.pdf (дата обращения: 28.11.2019). Стр. 3.
3. Банк России. «Тенденции микрофинансового рынка за II квартал 2019 года» // ЦБР. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/82950/mmt_2019-q2.pdf (дата обращения: 24.11.2019). Стр. 9.
4. Закон Российской Федерации от 02.07.2010 N151-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2019). // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102112/ (дата обращения: 28.11.2019).
5. Обзор изменений Федерального закона от 02.07.2010 N151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=116084&fld=134&dst=100021,0&rnd=0.1297278832864195#01594728049215397> (дата обращения: 28.11.2019).
6. В России изменились правила выдачи микрокредитов. Эпоха займов до зарплаты подходит к концу // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/finances/01/07/2019/5d12084c9a7947cb31a24e28> (дата обращения: 28.11.2019).

Право несовершеннолетних на распоряжение своим имуществом путем составления завещания

Страшкова Надежда Викторовна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В течение всей жизни каждый человек становится участником различных правоотношений. Особо значимыми правоотношениями являются наследственные.

Мнения ученых относительно характера указанных правоотношений разделились. Одни из них считают, что наследственные правоотношения носят абсолютный ха-

рактёр и возникают между субъектами в момент смерти наследодателя. Абсолютный характер правоотношений означает, что праву наследника соответствуют обязанности неопределённого круга субъектов. Другие считают, что в случае наследования можно говорить о двух правоотношениях: первое возникает из самого события, то есть из открытия 162 162 54 наследства, а второе возникает по воле наследников в связи с принятием наследства.

Наследование является собой комплекс отношений, возникающих в связи со смертью физического лица. Для преемства в правах и обязанностях наследодателя мало наступления одного юридического факта — открытия наследства, необходима также система фактов, где совместно со смертью лица важное место занимает и такой юридический факт как волевое поведение людей — действия по принятию наследства.

Законодатель в статье 1110 Гражданского кодекса Российской Федерации обозначил сущность наследования — при наследовании имущество умершего переходит к другим лицам в порядке правопреемства [6]. Исходя из формулировки данной нормы, можно определить несколько основных положений:

1. наследование возможно только в случае смерти гражданина (или в случае объявления судом гражданина умершим). Смерть гражданина влечёт за собой два обязательных последствия — потерю гражданской правоспособности и одновременно начало процесса наследования;
2. в силу закона все имущество умершего (наследственным имуществом) переходит к другим лицам;
3. наследование есть универсальное правопреемство.

Право распоряжаться своим имуществом, в том числе и наследовать его гарантировано каждому человеку Конституцией Российской Федерации (ч. 4 ст. 35) [5]. Кроме того, право наследования также крепко связано и с гражданским законодательством, а именно с институтом частной собственности, поскольку в наследственная масса может состоять лишь из имущества, принадлежащего на праве частной собственности гражданам.

Отметим, что наследственное право оберегает интересы несовершеннолетних детей наследодателя и других нетрудоспособных наследников, способствует укреплению семьи.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о правах несовершеннолетних в наследственном праве. Если обратиться к нормам Гражданского кодекса Российской Федерации, то мы увидим, что несовершеннолетний имеет право наследовать имущество по закону и по завещанию. Наследование по закону в данном случае не вызывает никаких вопросов и особенностей, тогда как в порядке наследования по завещанию такие особенности имеет. В частности, речь идет о том, что законодатель не урегулировал вопрос о возможности несовершеннолетнего выступать наследодателем. Вероятно, такое положение вещей связано с тем, что несовершеннолетний ребенок лишен права самостоятельно распоряжаться своим имуществом до момента возникновения у него полной дееспособности.

С мнением законодателя нельзя не согласиться, однако, если проанализировать юридическую литературу относительно данного вопроса, то можно заметить, как многие ученые все больше ссылаются на необходимость урегулирования права несовершеннолетнего на составление завещания на законодательном уровне.

Так, Рабец А. М. считает, что в современных реалиях существует достаточно причин для того, чтобы ребенок, не достигший своего совершеннолетия, фактически и юридически имел право выступать в роли наследодателя [2, с. 112]. Действительно, в настоящее время все больше несовершеннолетних занимаются трудовой деятельностью и имеют свои определенные доходы от нее, также они имеют доходы от создания и использования результатов творчества. Для некоторых из них может быть далеко не безразлично, к кому перейдет их имущество в случае смерти.

Однако законодатель, как мы уже указали, дает несовершеннолетним возможность передачи своего имущества в случае смерти лишь по закону, что лишает несовершеннолетних всякого права на самостоятельное распоряжение своим имуществом.

Однако, как же поступить несовершеннолетнему, который, например, является успешным актером или художником и его работы пользуются большой популярностью, что приносит ему существенный доход, ведь ее секрет, что в современном мире все больше детей являются звездами телевидения, музыкальной или киноиндустрии. Предположим, что ребенок желает передать все свои доходы на случай внезапной смерти бабушке и дедушке (по различным причинам), тогда как бабушка и дедушка по действующему законодательству являются лишь наследниками второй очереди.

В п. 2 ст. 1118 ГК РФ установлено, что завещание может быть составлено только полностью дееспособным лицом [6]. То есть, несовершеннолетний не может завещать даже то имущество, которым по закону он может свободно распоряжаться в возрасте от 14 до 18 лет (например, своим заработком, стипендией и т.д.).

Как справедливо указывают в своих научных работах Ростовцева Н. В. и Сураева А. С. позиция законодателя в данном случае понятна и обоснована, ведь при составлении наследодатель должен присутствовать лично, составление завещание представителем не допускается [3, с. 14]. Таким образом, несовершеннолетний составит такое завещание лично, без участия своего представителя, то после его смерти завещание будет признано недействительным. Если же завещание будет составлено в присутствии законного представителя, например родителя, то такое завещание опять же будет являться недействительным, поскольку в данном случае будет нарушен принцип тайны завещания.

Более того, запрещается также при совершении завещания присутствие заинтересованного лица, в пользу которого составлено завещание или сделан завещательный отказ, а также его супруга (супруги), детей и родителей из-за возможного влияния на формирование воли заве-

шателя (п. 2 ст. 1124 ГК РФ) [6]. Исходя из данных условий и личного характера сделки, законодатель посчитал невозможным совершение завещания лицом, не полностью дееспособным.

Таким образом, видим, что Гражданский кодекс РФ не в полной мере соответствует современному положению дел. Для того, чтобы разобраться можно ли внести в спорный вопрос изменения и не нарушить основные принципы гражданского права и института наследования по завещанию, обратимся к нормам Гражданского кодекса Франции. В ст. 904 (Титул III, Книга 3) данного акта сказано, что несовершеннолетний, достигший 16 лет, может делать распоряжение лишь посредством завещания и не более как в отношении половины имущества, распоряжаться которым закон предоставляет право совершеннолетним [4].

Похожая позиция высказана и немецким законодателем. В Германском гражданском уложении установлено, что способность распоряжаться путем завещания (притом всем своим имуществом) возникает у несовершеннолетнего по достижении им 16 лет [1].

Тем самым можно сделать вывод, что российский законодатель не учел положения ГК РФ, которые могли бы позволить несовершеннолетнему лицу в возрасте от 14 до 18 лет тайно, лично и самостоятельно совершать завещание.

Прямое указание ст. 1118 ГК РФ на необходимость у завещателя дееспособности в полном объеме противоречит позиции законодателя, провозгласившего согласно п. 5 этой же статьи завещание односторонней сделкой и, в тот же момент, ограничивающую сделкоспособность несовершеннолетнего [6].

Таким образом, несовершеннолетний может распоряжаться своими доходами, завещав их, не нарушая при этом ни положения о дееспособности несовершеннолетних, ни природу завещания как личной и самостоятельной сделки по распоряжению лицом своим имуществом (его частью) на случай смерти. Исходя из этого, законом для несовершеннолетних, достигших 14 лет, должна быть предоставлена возможность завещать имущество, которым они вправе распоряжаться в силу п. 2 ст. 26 ГК РФ.

Литература:

1. Германское гражданское уложение (Burgetliches Gesetzbuch) от 08.08.1896 — [Электронный ресурс] — Режим доступа: [www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html].
2. Рабец А. М. Еще раз о наследственной правосубъектности несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «право». 2015. — № 1. — С. 112–116.
3. Ростовцева Н. В., Сураев А. С. Особенности правового регулирования участия несовершеннолетних в наследственных правоотношениях // Наследственное право. 2012. — № 4. — С. 12–16.
4. Гражданский кодекс Франции от 21.03.1804 — [Электронный ресурс] — Режим доступа: [www.lexinter.net/ENGLISH/civil code.htm].
5. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993: по сост. на 21 июля 2014 г. // Собрание законодательства РФ, 2014. — N31. — ст. 4398.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2001. — N49. — ст. 4552.

Рыночная оценка земельных участков: понятие, методы, этапы

Сулейманова Камила Рашидовна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В статье рассматривается понятие рыночной оценки земельных участков, а также методы и ее этапы.

Ключевые слова: земля, рыночная оценка, сравнение продаж, продажи.

Market evaluation of land plots: concept, methods, stages

The article discusses the concept of market valuation of land, as well as methods and its stages.

Keywords: land, market valuation, sales comparison, sales.

Земля как вид недвижимости привлекательна для инвесторов, ведь ее ценность сохраняется во все времена.

В настоящее время всё более востребованным направлением оценочной деятельности является оценка ры-

ночной стоимости земельного участка, что связано с развитием земельного рынка и ростом количества споров о пересмотре результатов определения кадастровой стоимости земельных участков.

Рыночная стоимость земельного участка — это цена, зависящая от изменений на рынке недвижимости в районе нахождения земельного участка и в момент продажи.

Необходимость определения рыночной стоимости земельных участков возникает в следующих случаях:

- при проведении сделок с земельными участками;
- при возникновении спора о стоимости объекта оценки;
- при установлении стартовых цен на конкурсах и аукционах по продаже участков;
- при привлечении инвестиций;
- при изъятии участка у собственника для государственных и муниципальных нужд в целях определения размера компенсаций;
- при внесении прав на землю в уставные фонды юридических лиц;
- при реорганизации и ликвидации предприятий;
- при оспаривании результатов государственной кадастровой оценки земель и в иных случаях.

Применяется чаще всего при купле-продаже земельного участка или недвижимости, находящейся на участке, возведенного по нормам, предусмотренным для капитальных строений.

В данном случае основными факторами, влияющими на стоимость, выступают категория земли, наличие спроса на участок, и его региональное местоположение.

Оценка земли совершается произвольно, по усмотрению владельца недвижимости, и во многом ее успешная продажа зависит от актуальности данного предложения на рынке.

Важно также помнить, что чрезмерное повышение цены на участок может повлечь за собой неудачи в совершении имущественных сделок, а ее уменьшение — привести к убыткам продавца.

Таким образом, рыночная стоимость, может часто и значительно варьироваться, в зависимости от изменений на рынке недвижимости и других факторов.

Процедура рыночной оценки земельного участка регулируется нормами Федерального закона от 29.07.1998 №135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [1], федеральными стандартами оценки (далее — ФСО) и иными нормативными актами.

Согласно действующему законодательству оценка земельного участка как часть оценки недвижимого имущества включает в себя следующие этапы:

- составление задания на оценку;
- заключение договора на проведение оценочных работ, включающего задание на оценку;
- сбор информации по оцениваемому земельному участку;
- анализ рынка земельных участков;
- выбор и обоснование использования/неиспользования подходов к оценке объекта;

— расчет стоимости оцениваемого участка с применением подходов к оценке, предусмотренных ФСО;

— согласование результатов оценки и составление отчета об оценке земельного участка.

Процедура оценки земельного участка должна базироваться на нормах, установленных ФСО № 1 [2], ФСО № 2 [3], ФСО № 3 [4] и ФСО № 7 [5]. Применение данных стандартов является обязательным условием при оценке стоимости земельного участка. Согласно ФСО № 7 рыночная стоимость земельного участка оценивается исходя из вида его фактического использования.

Методической основой рыночной оценки земельных участков являются рекомендации, утвержденные распоряжением Минимущества РФ от 07.03.2002 г. № 568-р [6].

Согласно методическим рекомендациям рыночная стоимость участка должна определяться исходя из его наиболее эффективного использования, т.е. наиболее вероятного использования участка, являющегося физически возможным, экономически оправданным, юридически разрешенным, финансово осуществимым и в результате которого стоимость участка будет максимальной. Рыночная оценка может проводиться различными методами: сравнения продаж; выделения; распределения; капитализации земельной ренты; остатка; предполагаемого использования. Кроме того, в рекомендациях Минимущества РФ отдельно рассмотрены особенности оценки рыночной стоимости земель сельскохозяйственного назначения.

Определение рыночной стоимости земли сложный процесс призванный дать верное суждение о ликвидности выбранного участка для этого используют такие методы:

- Метод сравнения продаж;
- Метод выделения;
- Метод распределения;
- Метод капитализации земельной ренты;
- Метод остатка;
- Метод предполагаемого использования.

Каждый из этих методов применяется как для застроенных, так и для пустых участков рассмотрим каждый более подробно.

1) Сравнение продаж — применяется для оценки застроенных и не застроенных земельных участков основывается на сравнении недавно проведенных сделках продажи в близи участка оценки.

Для использования данного метода потребуется информация о ценах сделок.

Недостатки данного метода: не всегда удается узнать точную сумму сделки в таких ситуациях можно воспользоваться ценой предложения рынка (стоимость продажи), не всегда возможно подобрать аналоги.

2) Метод выделения — применяется для оценки застроенных земельных участков.

Заключается: в вычитании стоимости улучшений из стоимости комплекса в целом.

Потребуется: информация о ценах сделок с аналогичными строениями (улучшениями).

Недостатки: подходит только для земельных участков с улучшениями соответствующими его наиболее эффективному использованию, а также достаточно трудоемок процесс определения стоимости зданий.

3) Метод распределения — применяется для застроенных земельных участков.

Заключается: в выделении доли стоимости земельного участка из стоимости комплекса (земля + улучшения).

Потребуется: информация о недавних сделках, сведения о наиболее вероятной доле земельного участка в стоимости комплекса.

Недостатки: недостоверность оценки доли земельного участка.

4) Метод капитализации земельной ренты — применяется для застроенных и не застроенных земельных участков.

Потребуется: возможность получения земельной ренты от оцениваемого участка.

Заключается: определении ренты на земельный участок и общей прибыли приносимым им от сдачи в аренду.

Недостатки: неточность при подборе объектов аналогов и определении ставки капитализации.

5) Метод остатка — применяется для застроенных и не застроенных земельных участков.

Потребуется: возможность возведения улучшений, приносящих доход на оцениваемом участке.

Заключается: определении дохода от единого объекта недвижимости минус доход от улучшений.

Недостатки: сложность прогнозирования изменений дохода от земельного участка, а также высокая трудоемкость расчета стоимости зданий (улучшений).

6) Метод предполагаемого использования — применяется для застроенных и не застроенных земельных участков.

Потребуется: возможность использовать участок для получения дохода.

Закключается: в расчете денежных потоков от прибыли и затрат от использования, продажи, сдачи аренду земельного участка.

Недостатки: большой срок проведения оценочных работ на фоне большого количества возможных вариантов использования участка.

Из выше представленных данных можно делать выводы о стоимости земельных участков.

На практике рыночная оценка земельных участков проводится преимущественно с применением метода сравнения продаж при условии развитости земельного рынка. Для грамотного проведения оценки необходимо иметь достоверную информацию по рынку объектов, аналогичных объекту оценки.

Таким образом, мы видим проблематику рыночной оценки земельных участков — объекты оцениваются по основным параметрам, однако многие факторы не учитываются в оценочном процессе. Так, например, один земельный участок под индивидуальное жилищное строительство с ровным грунтом и в целом удобной почвой для возведения постройки будет по стоимости идентичен другому участку с болотом, при условии, что основные характеристики, перечисленные выше у обоих участков аналогичны. В связи с этим фактическая стоимость второго участка будет для владельца выше, так как ему придется вложить средства на его облагораживание.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.07.1998 N135-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // «Российская газета», N148–149, 06.08.1998.
2. Приказ Минэкономразвития России от 20.05.2015 N297 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Общие понятия оценки, подходы и требования к проведению оценки (ФСО N1)» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Минэкономразвития России от 20.05.2015 N298 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Цель оценки и виды стоимости (ФСО N2)» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ Минэкономразвития России от 20.05.2015 N299 (ред. от 06.12.2016) «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Требования к отчету об оценке (ФСО N3)» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Приказ Минэкономразвития России от 25.09.2014 N611 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Оценка недвижимости (ФСО N7)» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Распоряжение Минимущества РФ от 06.03.2002 N568-р (ред. от 31.07.2002) «Об утверждении методических рекомендаций по определению рыночной стоимости земельных участков» // СПС «КонсультантПлюс».

Побои в административном законодательстве. Актуальные проблемы

Тараканова Елена Юрьевна, студент
Тюменский государственный университет

Изучение и анализ определений о возбуждении дел об административных правонарушениях и проведении административного расследования, возбуждаемых сотрудниками полиции по данной категории дел.

Поиск причин и условий, способствовавших освобождению лиц от административной ответственности по статье 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1], а также путей их разрешения.

Ключевые слова: побои, телесные повреждения, физическая боль, административное расследование, насильственные действия.

Совсем недавно появились значительные изменения в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации [далее — КоАП РФ], а именно в главе шесть «административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность» внесена статья 6.1.1 «побои». Данные изменения регламентированы ФЗ-326 от 03.07.2016 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [2, с. статья 1, пункт 4]. В связи с появлением новой статьи в административном праве, законодатель не исключил полностью статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации [далее — УК РФ] «побои» из уголовного закона. Статью 116 УК РФ упразднили, то есть в ней изменился ряд факультативных признаков субъективной стороны.

Для того, чтобы было понятно обывателю, который впервые столкнется с данным составом, я более конкретно опишу, в чем разница на данный момент между составами 6.1.1 КоАП РФ и 116 УК РФ. Статья 116 УК РФ звучит в следующей редакции: «Побои или насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 УК РФ, совершенные из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Как мы видим из содержания данной статьи, у нас образовался факультативный признак субъективной стороны, то есть обязательно должен присутствовать мотив, который прямо указан в диспозиции статьи, что в свою очередь образует уголовный состав преступления, предусмотренный статьей 116 УК РФ.

При изучении, более 500 административных материалов по статье 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, на территории города Тюмени Тюменской области, относящиеся к подведомственности УМВД России по г. Тюмени, мною были отмечены определенные недостатки при производстве и расследовании должностными лицами данной категории дел, что существенно влияет на рассмотрение дел в судах. На сегодняшний день главным недостатком при проведении административного расследования и впоследствии составления административного протокола, является низкий профессиональный уровень должностных

лиц, в производстве которых находятся административные дела. Одновременно с внесением новой статьи в КоАП РФ, появились изменения и в иных статьях Кодекса для введения в действие данной нормы административного права. Такие изменения коснулись статьи 28.7 КоАП РФ в части 1, то есть в случаях совершения административного правонарушения, предусмотренных статьями 6.1.1, проводится административное расследование. То есть, независимо от того, нужны ли какие-нибудь временные затраты на получение дополнительной информации, имеющее значение для правильного разрешения дела, в любом случае выносится определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования. Теперь возникает вопрос, к какой подведомственности и подсудности относится рассмотрение статьи 6.1.1 КоАП РФ? В соответствии с частью 2 статьи 28.7 КоАП РФ судьи районных судов рассматривают дела об административных правонарушениях, указанных в частях 1 и 2 статьи 23.1 КоАП РФ, в том случае, когда по делу проводилось административное расследование. Однако, по статье 6.1.1 КоАП РФ, всегда должно проводиться административное расследование и исходя из этой нормы, должностное лицо должно направить на рассмотрение в районный суд. Как показала практика 2017 года, федеральные судьи районных судов не принимали на рассмотрение дела данной категории, ссылаясь на постановление Пленума Верховного суда № 5 от 24 марта 2005 года «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [3, с. часть 3, пункт А, абзац 5]. В последствии этого все административные материалы, составленные должностными лицами по статье 6.1.1 КоАП РФ были возвращены районными судами города Тюмени в территориальные органы, ссылаясь на то, что фактически административное расследование не проводилось и было вынесено формально. При направлении вышеуказанных административных материалов в мировой суд, они также возвращались исполнителю обратно, с указанием на то, что они должны рассматриваться федеральными судьями районных судов. В связи с этим, в 2018 году на исполнении административных материалов у должностных лиц увеличилось в двое.

Итак, обратимся к статистике за период времени с января по октябрь 2019 года. По городу Тюмени сотрудниками полиции было возбуждено определений о проведении административного расследования — 3302, из них составлено протоколов 274, прекращено по различным причинам определений о проведении административного

расследования 666 и самое главное, из 274 протокола об административных правонарушениях, составленными сотрудниками полиции до исполнения доведено только 191 протокол и 12 дел прекращены по различным основаниям. На стадии проведения административного расследования находятся в производстве у сотрудников полиции 2362 административных материала.

При таких цифрах нельзя судить о качественной работе участковых уполномоченных полиции по вышеуказанным материалам. В 2019 году ситуация улучшается, по сравнению с предыдущими годами рассмотренных дел становится больше, но не настолько, чтобы говорить, о том, что данное нарушение проработано до его логического завершения. Да, с судами спустя долгих переговоров, рабочих встреч был определен порядок сбора административных материалов и конкретизированы требования к оформлению процессуальных документов, что поспособствовало к положительной динамике рассмотрения дел в суде. Однако, только 1/12 часть дел является рассмотренной от общего числа возбужденных административных расследований. То есть, большая часть людей уходит от административной ответственности, продолжая нарушать данную норму закона, так как остались безнаказанными и впоследствии уходят от уголовной ответственности, предусмотренной статьей 116.1 УК РФ.

А теперь мы более подробно разберем, какие требования к сбору административного материала по статье 6.1.1 КоАП РФ. Решение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования принимается должностным лицом, уполномоченным в соответствии со статьей 28.3 КоАП РФ составлять протокол об административном правонарушении, в виде определения немедленно после выявления факта совершения административного правонарушения. На основании приказа МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 07.11.2018) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» [4, с. раздел III, статья 23] при поступлении сообщения, заявления об административном правонарушении должностным лицом осуществляется его регистрация в книгу учета. Оперативным дежурным дежурной части отдела полиции отправляются сотрудники полиции на место происшествия для дачи правовой оценки произошедшего, обычно выезжают полицейские отдельного батальона патрульно-постовой службы полиции. По приезду на место происшествия, в лучшем случае отбираются объяснения участников произошедшего, в худшем пишется только рапорт сотрудника полиции. Даже при написании рапорта о происшествии сотрудник полиции не в состоянии изложить свои мысли в правильной правовой форме, а упор его письма направлен на шаблонную работу, которая не отражает действительности произошедшего. В связи с этим, на начальном этапе материал остается не

доработанным и в таком виде попадает в руки должностного лица, имеющего право проводить административное расследование по данной категории дел. В большинстве случаев, всех участников происшествия доставляют в дежурную часть территориального органа для дальнейшего разбирательства, о чем сотрудник полиции пишет соответствующий рапорт. На основании данных документов, должностное лицо, в соответствии со статьями 28.1 и 28.7 КоАП РФ, выносит определение о возбуждении дела об административном правонарушении, либо определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении. Поток вышеуказанных административных материалов достаточно велик и при получении материала проверки, состоящего из двух или трех рапортов и объяснения одного из участников происшествия, составленное с нарушениями, исключает возможность правильно квалифицировать нарушение. Все потому, что на начальном этапе по сбору материала и доказательств, отобраны не должным образом объяснения всех участников происшествия, отсутствия согласия или отказа на прохождение медицинского освидетельствования, некорректное составление рапорта сотрудника полиции. В дальнейшем все эти нарушения осложняют работу должностного лица, в последствии чего большая часть дел не доходит до суда.

Для возбуждения дела об административном правонарушении и проведении административного расследования, нужно убедиться в том, что данное нарушение является административным и имеет состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 6.1.1 КоАП РФ. Любой состав административного правонарушения делится на элементы: объективные (объект, объективная сторона); субъективные (субъект, субъективная сторона). При изучении любой статьи, еще в институте, говорили, что объект нарушения входит в состав название главы и многие этому придерживаются, приписывая побоям здоровье, как объект данного нарушения. Здоровье — это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма [5, статья 2]. Исходя из данного определения, мы можем предположить, что объектом административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 Кодекса Российской Федерации, никак не может быть здоровье. Хотя, это и прямо не указано в названии главы, статьи, я считаю, что непосредственным объектом данного административного нарушения является физическая, телесная неприкосновенность потерпевшего.

Объективная сторона состава административного правонарушения включает в себя непосредственно диспозицию данной статьи. То, есть к основному признаку объективной стороны относится: нанесение побоев; совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль.

Побои не наносят вреда здоровью, но, как правило, нарушают анатомическую целостность или физиологиче-

ские функции органов и тканей человеческого организма (в качестве следов остаются ссадины, кровоподтеки, синяки) либо причиняют физическую боль или недомогание. При квалификации действий по ст. 6.1.1 КоАП РФ учитывается только причинение физической боли. Психические и нравственные аспекты самостоятельного влияния на административно-правовую оценку не оказывают [6, с. 251].

Побои не составляют особого вида повреждений, они являются действиями, характеризующимися многократным нанесением ударов, в результате чего могут возникать телесные повреждения. Однако побои могут и не оставить после себя никаких объективно выявляемых повреждений. Если в результате многократного нанесения ударов возникает вред здоровью (тяжкий, средней тяжести или легкий), то такие действия не рассматриваются как побои, а оцениваются как причинение вреда здоровью соответствующей тяжести [7, с.п. 50.].

Исходя из моей практики, должностные лица, для упрощения своей работы, выносят определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, в связи с тем, что потерпевший не испытал физической боли при имеющихся зафиксированных ушибах в медицинских организациях. Данное решение, принятое должностным лицом, является необоснованным. Согласно определению, физическая боль — это боль от внешних воздействий, ее локализация — кожа и слизистые оболочки, при этом сохраняется полость периферического аппарата и функции центральных механизмов, модулирующих болевые ощущения [8]. Физическая боль возникает в момент восприятия ощущений болевыми рецепторами, она характеризуется небольшой продолжительностью и находится в прямой зависимости от силы и длительности повреждающего фактора. То, есть при имеющихся видимых телесных повреждениях, можно судить о том, что потерпевший испытал физическую боль независимо от его субъективного мнения. В случае, когда в отношении потерпевшего были совершены насильственные действия без видимых телесных повреждений, таких как: заламывание и выкручивание рук; сдавливание частей тела; щипание, защемление кожи; связывание; укусы, вырывание клока волос и т.п., то должностное лицо должно учитывать субъективное мнение потерпевшего о причинении ему физической боли. Но даже с учетом мнения должностного лица, оценку приведенным выше действиям, должен дать суд и на основе всех имеющихся в деле обстоятельств, сделать вывод о доказанности или недоказанности причинения потерпевшему физической боли от указанных действий.

Субъектом административного правонарушения является физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-го возраста. В КоАП РФ, помимо общего субъекта административного правонарушения, существует еще и особый субъект административного правонарушения. К особому субъекту будут относиться: военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы и лица, имеющие специ-

альные звания. Согласно ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, особый субъект данного административного правонарушения несет дисциплинарную ответственность. Хотелось бы, чтобы законодатель исключил возможность избегать, административной ответственности, а в дальнейшем и уголовной, особому субъекту. Потому, что имеются случаи причинения побоев или иных насильственных действий, потерпевшим, где субъектом являются военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы и лица, имеющие специальные звания.

Субъективная сторона административного правонарушения делится на два признака. Основным признаком субъективной стороны характеризуется прямым или косвенным умыслом. Факультативным признаком субъективной стороны административного правонарушения является мотив совершения правонарушения, то есть побуждение, которое толкает его на совершение правонарушения. В данном случае факультативный признак является главным разграничением между уголовным преступлением и административным правонарушением. Согласно ч. 1 ст. 2.2 КоАП РФ, административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий или сознательно их допускало, либо относилось к ним безразлично. При изучении данного вопроса мне стало очень интересно, а почему состав административного правонарушения, предусмотренный статьей 6.1.1 КоАП РФ, характеризуется только прямым или косвенным умыслом? Почему не предусматривается нанесение побоев или иных насильственных действий по неосторожности? Согласно административно-правовой норме КоАП РФ указание на умышленность совершенного противоправного проступка необходимо во всех случаях, когда лицо привлекается к ответственности за правонарушение, совершаемое только по умыслу, поэтому российское законодательство прямо указывает в отдельных составах административных правонарушений на умышленный характер вины. В статье 6.1.1 КоАП РФ законодатель прямо не указывает на умышленный характер вины, но вернемся к определению побоев. Побои по УК РФ — это нанесения потерпевшим многократных ударов, следствиями которых могут быть царапины, поверхностные ссадины на коже, небольшие раны, кровоподтеки. Они причиняют физическую боль, но не влекут последствия, указанного в статье 111, 112 или 115 УК РФ [9, с. 100—105]. То есть это действия лица, совершающего административное правонарушение, целенаправлены на нанесение ударов по телу потерпевшего, а значит данное лицо сознавало противоправный характер своего действия и предвидело его вредные последствия, а также желало наступления таких последствий.

Также, кроме определения состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ, я бы хотела затронуть ещё один момент, ко-

торый, к сожалению, не используется должностными лицами при возбуждении дела об административном правонарушении. КоАП РФ исключает производство по делу об административном правонарушении, в том случае, когда лицо, совершившее противоправное деяние, действовало в состоянии крайней необходимости. В соответствии со статьей 2.7 КоАП РФ не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращаемый вред.

После того, как должностное лицо убедились, что данное событие имеет все признаки административного правонарушения и отсутствуют обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении, то согласно части 1 статьи 28.7 КоАП РФ выносит определение об административном расследовании сроком на один месяц. Однако в некоторых случаях данного времени недостаточно для проведения определенных мероприятий и по письменному ходатайству должностного лица, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, срок может быть продлен решением руководителя органа, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, или его заместителем на срок не более одного месяца. Данное решение принимается в виде определения. На практике, в большинстве случаев случается так, что состав и событие административного правонарушения имеются, и все мероприятия по делу проведены, однако лицо, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, скрывается. Согласно ч. 6 ст. 28.7 КоАП РФ по окончании административного расследования должностное лицо, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, составляет протокол об административном правонарушении, либо выносит постановление о прекращении дела об административном правонарушении. Протокол об административном правонарушении должностное лицо не может составить, так как лицо, в отношении которого ведется производство по делу, скрывается, а в связи с тем, что санкция данной статьи предусматривает административный арест, то присутствие данного лица в суде обязательно. Прекратить административное расследование, должностное лицо, тоже не вправе, так как нет оснований для прекращения, предусмотренных ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ. И здесь, я считаю, имеется главный пробел в административном законодательстве. Почему? Да потому что один год и десять месяцев должностное лицо должно у себя хранить данное административное расследование, так как срок давности привлечения к административной ответственности по данному составу административного

правонарушения составляет два года. В нашей стране, к сожалению, мало добросовестных людей, которые готовы нести ответственность за свой противоправный проступок. В данном случае законодатель должен был внести в КоАП РФ в часть 6 статьи 28.7 КоАП РФ изменения, а именно, чтобы должностное лицо по окончании административного расследования выносило определение о приостановлении дела об административном правонарушении при невозможности составить протокол. А также ввела бы часть седьмую в статью 28.7 КоАП РФ, о том, что срок давности привлечения к административной ответственности приостанавливается с момента вынесения определения о приостановлении дела об административном правонарушении на срок до составления протокола по делу об административном правонарушении. До тех пор, пока в КоАП РФ не будет определен конкретный порядок действий должностных лиц при производстве дел об административных правонарушениях, соответственно не будет эффективной работы в данном направлении.

Основной этап — это составление протокола об административном правонарушении. Протокол — это главная часть всего труда, собранного должностными лицами, а именно отражение всего материала и всех доказательств. Обязательно, при составлении протокола об административном правонарушении в факте необходимо фиксировать дату, время, место совершения и событие административного правонарушения (ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ). При описании события административного правонарушения, должностное лицо, должно описывать только действия, которые доказаны при расследовании, а также дать правовую оценку каждому из них. То есть, при совершении таких действий, как нанесение одного удара, заламывание рук, царапин, ссадин и т.п., должностное лицо должно конкретизировать их принадлежность, а именно, что они относятся к насильственным действиям. А при нанесении двух ударов и более, — относятся к побоям. При этом обязательным будет конкретно описывать, сколько ударов было нанесено, чем и в какую область человеческого тела.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что данные изменения не были проработаны законодателем:

- во-первых, отсутствие на законодательном уровне методов, способствовавших разрешению дела, а именно: обязательным прохождением медицинского освидетельствования потерпевшего, розыск лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении;

- во-вторых, отсутствия профессионализма и юридических знаний у должностных лиц, осуществляющих административное расследование по ст. 6.1.1 КоАП РФ;

- в-третьих, из-за маленькой численности штата и многозадачности подразделения участковых уполномоченных полиции города Тюмени, становится невозможным проведение качественного административного расследования по административным материалам, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Я считаю, что такая статья, как «побои», должна существовать отдельно от административного права, все-таки здесь затронуты межличностные отношения, а не отношения личности и государства. Даже после устраи-

нения всех пробелов в административном законодательстве, данная статья не будет работать даже наполовину, потому что ее место в уголовном законодательстве и относящиеся к частному обвинению.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 12.11.2019).
2. Федеральный закон Российской Федерации. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // ФЗ. — 03.07.2016. — № 326. — с. статья 1, пункт 4.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Постановление Пленума Верховного Суда РФ. — 24.03.2005. — № 5. — с. часть 3, пункт А, абзац 5.
4. Приказ МВД России. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях // Приказ МВД России. — 29.08.2014. — № 736. — с. раздел III, статья 23.
5. Федеральный закон. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации // ФЗ. — 21.11.2011. — № 323. — с. статья 2.
6. Репьев А. Г., Кашкина Е. В. О некоторых проблемных аспектах производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 4. — С. 251.
7. Приказ Минздрава Российской Федерации. О введении в практику Правил производства судебно-медицинских экспертиз // Приказ Минздрава Российской Федерации. — 10.12.1996. — № 407. — с. п. 50.
8. Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы // forens. Судебно-медицинская библиотека. URL: <https://www.forens-med.ru> (дата обращения: 22.11.2019).
9. Михайлюк А. В. Понятие побоев и истязаний, их общие и отличительные признаки // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. XXIII междунар. науч.—практ. конф. № 6(22). — Новосибирск: СибАК, 2019. — С. 100–105.

Особенности развития рекламной деятельности в России

Тимакова Виктория Викторовна, студент магистратуры

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Можно с уверенностью сказать, что реклама появилась тогда, когда возникли первые товары и люди, которые хотели их продать. Историю мировой рекламы, в том числе и Российской, многие академики и ученые подразделяют на три этапа [8]. К первому этапу относят период с доисторических времен до 17 века, вторым этапом считают период с начала 18 века до 90-х годов 20 века и третий этап — это современный. Развитие рекламы как социального и политико-правового явления начинается с момента установления товарного производства и возникновения такой экономической категории, как «товар».

Первый этап развития рекламной деятельности характеризуется своей примитивностью и изначально инфор-

мация и реклама передавались устным путем — обмена мнениями и выкриками торговцев. Также присутствовала некая стратегия по определению информации о товаре, а именно, что нужно было донести потребителю. Не всегда доносимая информация была правдивой и могла исказить достоинство товара. Также надо отметить, что на протяжении столетий отечественная реклама была направлена на эмоциональную сферу человека и методы внушения менялись согласно историческому и социальному развитию государства. Но такая информация могла передаваться только на определенную аудиторию и не могла быть распространена на большую аудиторию, что имело некую эффективность на тот период времени, но со временем этого стало недостаточно.

Так возникает второй этап развития рекламной деятельности, который сопровождается возникновением и развитием средств массовой информации и средств массовых коммуникаций. С появлением печатной продукции — газет и их широкого распространения реклама и информация стали более общедоступными и носили в каком-то смысле национальный характер, со временем расширяя свою аудиторию читателей. С появлением радиостанций информация начинает распространяться быстрее и носит уже более глобальный характер передачи информации. Развитие технологий непосредственно повышает уровень развития передачи информации и рекламы. Таким образом реклама начинает обрабатываться специалистами, которые ведут исследования аудитории, и реклама и информация становятся более специализированными, а именно направленными на определенную аудиторию. В связи с чем возникают специализированные издания, радиостанции и телепрограммы, которые рекламируют товар или услугу для конкретных людей и не направлены на общую массу. Данный принцип действует и в настоящее время. Но наравне с новыми методами распространения рекламы и информации остается «сарафанное радио», которое, как и раньше, искажает информацию и может носить ложный характер. В конце 1870-х годов в России появляются первые рекламные агентства, основной задачей которых было создание или поддержание того или иного уровня государственных приоритетов и формирование идеологического контроля над массами, а также освещение политических новостей. Рекламная деятельность становится направленной на сознание потребителя. Первый теоретик в области рекламы — А. Вергин полагал, что решение о покупке товара возникает на основе соотношения внутренних и внешних затрат, необходимых для приобретения товара, и зависит от следующих факторов:

- степень необходимости товара в данный момент для потребления,
- величины заработка потребителя,
- состава семьи и тех отношений, которые царят в данной семье,
- времени года,
- настроения потребителя.

После Октябрьской революции в 1917 году цели и задачи рекламной деятельности в России меняются и происходит монополизация рекламной деятельности. В данный период предприниматели не имеют возможности рекламирования своих товаров и услуг посредством печатной и иной продукции, содержание рекламы стала исключительным правом советского правительства. Начиная с конца 40-х годов 20 века главной площадкой рекламы становится телевидение. В данный период люди безоговорочно верят тому, что говорят по телевидению. Коммерческая реклама не была популярна, рекламные ролики по телевидению транслировали информацию об идеологии и долге коммунистической партии и преданности ей народа. В 60–70-е г.г. 20 века происходит дальнейшее раз-

витие организационных форм и технических средств рекламы. Возникают специализированные организации: «Внешторгреклама» (1964 г.), «Союзторгреклама» при Министерстве торговли СССР (1965 г.), «Росторггреклама» при Министерстве торговли РСФСР, «Главкоопторгреклама» при Центросоюзе СССР, рекламные организации «Аэрофлота», Министерства культуры и др. Для координации рекламной деятельности в масштабах страны учреждается Межведомственный совет по рекламе при Минторгвля СССР. С 1971 г. начинается издание журнала «Реклама». Позже начинают выходить журналы «Коммерческий вестник», «Панорама», «Новые товары» и др. [7]. Также происходит налаживание производства рекламных фильмов.

Третий этап развития рекламной деятельности характеризуется возникновением и широким распространением интерактивных систем. Таким образом, покупатель получает возможность не только воспринимать информацию, но и в некой степени управлять ею, что порождает рекламную коммуникацию. «Рекламная коммуникация — это своего рода процесс передачи информации. Благодаря такой коммуникации удастся не только лишь познакомиться с различными видами товаров, но еще и сформировать общественные стереотипы, ценности и стандарты. Другими словами — это инструмент для социокультурных преобразований» [6].

Несмотря на развитие рекламной деятельности отсутствовал механизм регулирования информации в рекламе. Так в рекламных роликах содержалась недобросовестная реклама, которая вводила в заблуждение потребителей относительно товара, которая подразделяется на недостоверную, неэтичную, заведомо ложную и скрытую рекламу. Таким образом, развитие рекламной деятельности привело к тому, что появилась необходимость регулирования рекламной деятельности на законодательном уровне. Правовое регулирование рекламной деятельности было также необходимо для устранения негативного влияния на рыночные отношения. В связи с чем требовалось принятие единого нормативно-правового акта, который бы регулировал отношения в сфере рекламной деятельности и устанавливал ответственность за нарушение рекламного законодательства. Первой попыткой регулирования рекламной деятельности началось в 1991 году с принятия Закона РСФСР от 22 марта 1991 года № 948–1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», в котором говорилось: «некорректное сравнение хозяйствующим субъектом в процессе его рекламной деятельности производимых или реализуемых им товаров с товарами других хозяйствующих субъектов» [5, ст. 10], что было расценено как одна из форм недобросовестной конкуренции. Также ст. 10 данного Закона предусматривала недопущение недобросовестной конкуренции, в том числе:

- за распространение ложных, неточных или искаженных сведений, способных причинить убытки другому хозяйствующему субъекту либо нанести ущерб его деловой репутации,

— за введение потребителей в заблуждение относительно характера, способа и места изготовления, потребительских свойств, качества товара. Данное положение было изъято из новой редакции Закона, которая была принята в мае 1995 году.

— за самовольное использование товарного знака, фирменного наименования или маркировки товара, а также копирование формы, упаковки, внешнего оформления товара другого хозяйствующего субъекта;

— за получение, использование, разглашение научно-технической, производственной или торговой информации, в том числе коммерческой тайны, без согласия ее владельца [5, ст. 10].

После принятия Закона РСФСР от 22 марта 1991 года № 948—1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», принимается еще ряд законов, таких как Закон РФ от 27 декабря 1991 года № 2124—1 «О средствах массовой информации» и Закон РФ от 10 июня 1993 года № 5151—1 «О сертификации продукции и услуг». Данными Законами устанавливались требования к информации о товарах, услугах, работах, которая должна доводиться до потребителей, была введена ответственность за нарушение прав потребителей на информацию, что послужило способом защиты от недобросовестности продавцов. Также устанавливался запрет на рекламу продукции, которая подлежит сертификации, но не имеет сертификата соответствия. «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 22 июля 1993 года № 5487—1 было реализовано право граждан на информацию о факторах, влияющих на здоровье граждан, где устанавливалось, что запрещается реклама в средствах массовой информации алкогольных напитков и табачных изделий, в интересах охраны здоровья граждан [4, ст. 19], а также пропаганду не прошедших проверочных испытаний в установленном законом порядке методов профилактики, диагностики, лечения и лекарственных средств [4, ст. 43].

Данные Законы содержали в себе запреты, но в то же время отсутствовал правовой механизм применения данных запретов, а также не было создано государственной системы контроля за рекламной деятельностью и механизма принуждения исполнения и соблюдения установленных правовых норм. Впоследствии Судебная палата, после распространения средствами массовой информации рекламы опасной для жизни и здоровья людей сделала обобщение рекламного законодательства и практики его реализации. Но нормы законодательства игнорировались на что было обращено внимание Судебной палаты и было отмечена целесообразность скорейшей подготовки закона о рекламе. Рекомендации Судебной палаты оказали положительное влияние на оживление в нормотворчестве в сфере рекламной деятельности. В 1995 году был подписан Указ Президента РФ от 17 февраля 1995 года № 161 «О гарантиях права граждан на охрану здоровья при распространении рекламы», а также

Конституция Российской Федерации гарантировала свободу массовой информации, однако запрещалась цензура, пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду; социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства [1, ст. 29] и не допускала экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию [1, ст. 34] данные положения сохраняются и в настоящее время.

В 1994 году начинают формировать основы рекламной деятельности, что было связано с изданием Указа Президента РФ от 10 июня 1994 года № 1183 «О защите потребителей от недобросовестной рекламы» и Указа Президента РФ от 11 июня 1994 года № 1233 «О защите интересов инвесторов». Издание данных Указов было спровоцировано ситуацией, которая сложилась в стране на тот период. В 1994 году произошел ряд банкротств финансовых организаций. Люди видели рекламу, в которой говорилось о высоких процентах по банковским вкладам и дивидендам по акциям, но при этом отсутствовали какие — либо гарантии возврата денежных средств. Граждане верили рекламе и делали вклады в финансовые организации, но в последствии не получали никаких выплат и не могли вернуть свои вложенные денежные средства, в связи с чем оказалось большое количество пострадавших. Пострадавшие лица винили государство, в том, что отсутствовало специальное законодательство, которое бы регулировало рекламу в финансовой сфере. Данные Указы содержали в себе жесткие ограничения на рекламу, в целях защиты интересов юридических и физических лиц и развития свободы конкуренции. «При опубликовании и ином обнародовании рекламы банки, финансовые, страховые и инвестиционные предприятия, учреждения и организации, а также иные юридические лица, привлекающие средства граждан и юридических лиц либо реализующие товары и услуги обязаны: не допускать объявления гарантий, обещаний или предположений о будущей эффективности (доходности) своей деятельности; не допускать сравнения между рекламируемыми и другими юридическими лицами, их услугами (товарами), если данное сравнение невозможно подтвердить данными статистической отчетности или бухгалтерского баланса, заверенного аудиторами» [3]. За неоднократное нарушение Указа [3] уполномоченные органы исполнительной власти имели право приостановить действие лицензии либо досрочно ее аннулировать.

Около полутора лет шли дискуссии о принятии специального нормативного акта, который бы регулировал рекламную деятельность в России. Так в 1995 году был принят Федеральный закон от 18 июля 1995 года № 108-ФЗ «О рекламе». Государственный контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о рекламе был возложен на Федеральный антимонопольный орган (его территориальные органы) в пределах своей компетенции [2, ст. 26], а также определялись

права органов саморегулирования в области рекламы [2, ст. 28], определялась ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о рекламе [2, ст. 31] и другие положения.

В данный период времени появляются новые способы и формы распространения рекламы, такие как факс, электронная почта и интернет-сайты. Рынок товаров и услуг стал перенасыщен рекламой на тот период времени и многообразнее, что позволяло рекламодателям обходить запреты и ограничения, установленные законодательством. В связи с данными обстоятельствами был принят Федеральный закон от 13 марта 2006 года

№ 38-ФЗ «О рекламе», а Федеральный закон от 18 июля 1995 года № 108-ФЗ «О рекламе» утратил силу при принятии нового Федерального закона. По настоящее время рекламная деятельность регулируется Федеральным законом от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе».

Становление и развитие рекламной деятельности прошло длительный путь как в социальной, так и в правовой сфере. Реклама стала неотъемлемой частью жизни общества, стала более многогранной. В настоящее время законодательство о рекламе все также требует улучшения в своей области, в связи с появлением новых способов, форм и источников рекламы.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 21.07.2014 N11-ФКЗ)
2. Федеральный закон от 18 июля 1995 года № 108-ФЗ «О рекламе»
3. Указ Президента РФ от 10 июня 1994 года № 1183 «О защите потребителей от недобросовестной рекламы», п. 1
4. «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (утв. ВС РФ 22.07.1993 N5487-1)
5. Закон РСФСР от 22.03.1991 N948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»
6. <https://www.reklama-expo.ru/ru/articles/reklamnaya-kommunikaciya/>
7. Каневский Е. М. Эффект рекламы. М.: Экономика, 1980. С. 16.
8. История российской рекламы. Современный период / В. А. Евстафьев, Е. Э. Пасютина. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. История российской рекламы. Современный период / В. А. Евстафьев, Е. Э. Пасютина. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. С. 5

Оценка достоверности заключения и показаний эксперта

Францифоров Юрий Викторович, доктор юридических наук, профессор;

Майков Артём Николаевич, студент

Саратовская государственная юридическая академия

В представленной статье рассматриваются вопросы допустимости заключения эксперта по уголовным делам. Формулируются основные требования, предъявляемые к заключению эксперта при оценке его допустимости. Кроме этого, выведено несколько сторон по оценке допустимости заключения эксперта, которые могут привести к судебным ошибкам. Автором проанализированы положительные стороны проведения допроса эксперта по данному им заключению по уголовному делу, что позволяет избежать неточностей в толковании определенных значений, указанных в экспертном заключении. Сделан вывод относительно соблюдения процессуальной формы производства экспертиз, что является необходимым условием допустимости экспертного заключения, как судебного доказательства. Выявлена необходимость соблюдения формальных правил, указанных в законе, при проведении экспертом экспертиз по уголовному делу.

Ключевые слова: юридические свойства; доказательства; допустимость доказательств; заключение эксперта; эксперт, специалист; допрос эксперта.

Действующий уголовно-процессуальный закон, несмотря на всю противоречивость отдельных положений, для решения ряда проблем внес множество новшеств, которые бесспорно относятся к положительным

моментам по вопросу использования технических средств и знаний в уголовном процессе. Так в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации значительное внимание уделено применению и использованию специ-

альных знаний, чем в остальных нормативно-правовых актах, что свидетельствует о повышенном внимании законодателя к проблемам использования технических средств и специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

Несмотря на закрепленные законодателем способов оценки допустимости таких доказательств, как показания и заключение эксперта, остается много вопросов о том, как и по каким признакам, оценивать данные доказательства.

В данной статье уделено большое внимание характерным признакам, которые отличают показания эксперта и его заключение, от других доказательств в уголовном судопроизводстве, предлагается новая формулировка закона в части, которая определяет содержание такого вида доказательства, как допрос эксперта.

Сейчас в научных статьях и публикациях много внимания уделено данному виду доказательств, учитывая внесенные изменения в законодательство и различные мнения процессуалистов, разные трактования закона, размыли грань между такими видами доказательств как заключение эксперта и показания эксперта, поэтому нам представляется важным определить процессуальное положение эксперта и специалиста.

В УПК РФ под заключением эксперта понимаются содержание исследования и выводы, представленные в письменном виде по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами.

Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» содержит следующее определение заключения эксперта — это письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом [2].

Для проведения всестороннего и объективного исследования и принятия законного решения, в советское время, как и в нынешнее экспертиза назначается, при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве, когда необходимы специальные познания и получения заключений. На основании произведенных исследований и экспертиз, в соответствии со специальными знаниями эксперта, выносятся законные решения по уголовному делу.

Существует множество видов доказательств, достоверность которых как формируется, так и проверяется по-разному.

Если при формировании таких видов доказательств, как показания потерпевших, свидетелей, обвиняемых, сведения закрепляются, прежде всего, в памяти людей в результате свойства отражения и запечатления отдельных моментов или полной картины преступления, в момент его совершения, которые в последующем будут отражены в протоколах допросов вышеуказанных лиц, то ход исследования и выводы, которое проводил эксперт, носят исключительно опосредованный характер, несмотря на то, что также как и все виды доказательств, впоследствии закрепляется на бумажном носителе.

Несмотря на это нельзя отрицать специфику экспертного заключения, как доказательства, хотя на практике данный вид доказательства не имеет особых преимуществ перед другими видами, также как и остальные доказательства в уголовном судопроизводстве подлежат проверке и оценке на общих основаниях.

Экспертное заключение, так как и остальные виды доказательств имеют свои критерии закрепления на бумажном носителе, в виде заключения эксперта, в котором должны быть указаны обязательные реквизиты, такие как номер уголовного дела, по которому производится исследование, на основании чего оно производится, зачастую инициатором является лицо ведущее расследование, также указываются методические материалы, которые были использованы при проведении экспертом исследования, на основании, которого были сделаны выводы и предоставлены ответы на поставленные перед экспертом вопросы.

Однако специфика данного вида доказательства предоставляет возможность использовать в качестве доказательства по делу не только экспертное заключение, как документ, но и показания эксперта. Но показания эксперта не являются самостоятельным доказательством, а являются производным от экспертного заключения.

Как и заключение эксперта, так и его показания оформляются в соответствии с процессуальными нормами и имеют свои особенности, например как то, что эксперт несет ответственность, предусмотренную УК РФ, за данные им показания.

Заключение эксперта и его показания должны быть получены лицом правомочным проводить данные процессуальные действия, должно быть получено с соблюдением всех процессуальных правил проведения данного действия, в ходе которого оно добыть (вынесения постановления, ознакомление потерпевшего и подозреваемого и его защитника с постановлением о назначении экспертизы), должны быть зафиксированы с соблюдением всех требований закона, которые касаются фиксации результата, а также хода проведения действия.

Для экспертного заключения, как для доказательства в уголовном судопроизводстве, характерны следующие черты:

1. появляется в расследуемом деле в результате проведенного экспертом исследования;
2. исходит от лица, которое обладает специальными познаниями в определенной сфере, без знания, которых решение поставленных вопросов было невозможно;
3. производится в соответствии и с соблюдением процессуального законодательства;
4. в качестве исходного объекта исследования использует ранее собранные доказательства.

Достоверность заключения эксперта, зависит от объектов, представленных на исследование, корректности и правильности вопросов, поставленных перед экспертом, то есть от допустимости всех объектов представленных эксперту, как доказательств по уголовному делу.

Если хоть один из объектов, представленных на экспертизу, будет являться недопустимым или недостоверным доказательством, та и проведенное исследование окажется не допустимым доказательством по уголовному делу.

Строгое соблюдение процессуальной формы проведения экспертизы, является необходимым условием допустимости экспертного заключения, как доказательства в уголовном судопроизводстве.

Следует отметить, что позиция законодателя соответствует сути и духу российского уголовного процесса, поскольку очевидно, что полная и безошибочная оценка доказательств, осуществляется судом, с точки зрения относимости и достоверности только при вынесении итогового судебного решения, когда собранные самим судом доказательства и представленные сторонами исследованы полно, всесторонне и объективно.

Дело в том, что заключение эксперта как новый вид доказательства уникален и незаменим в том, что в нем содержатся выводы новые знания, полученные (выведенное) путем проведения исследований экспертом с использованием своих специальных знаний.

Доказательственное значение в экспертном заключении имеют сведения о фактах, которые установлены в ходе проведения им исследования, также вытекающие из данных фактов выводы. Заключение, дающееся экспертом, должно основываться на всей совокупности фактов, которые выявлены в ходе расследования уголовного дела, независимо от того, каким путем они получены, в ходе проведения исследования, либо получены из материалов уголовного дела, предоставленных на экспертизу.

Однако заключение эксперта по некоторым уголовным делам может являться единственным доказательством, объясняющим механизмы преступления с разных точек зрения: науки, физики, математики, которые также могут идти вразрез с показаниями лиц участвующих в деле.

Однако, эксперт изначально не знает, будет ли новая информация, полученная в результате проведенного исследования носить обвинительный или оправдательный характер. В связи с этим после получения экспертного за-

ключения в случае возникновения дополнительных вопросов или неполучения ответа на поставленный вопрос, производится допрос эксперта, который проводил экспертизу, для разъяснения противоречивых ситуаций и правильного толкования терминов, использовавшихся при составлении экспертного заключения.

И.Л. Петрухин, переводя дискуссию из плоскости применения рассматриваемой классификации к самим фактам, в плоскость применения ее к сведениям о фактах, подчеркивает, что «производное доказательство иногда называют посредственным, потому что между ним как источником сведений о факте и самим фактом существует связующее звено в виде первоначального источника сведений о факте». «Экспертное исследование не может быть слепком, копией какого-либо другого доказательства. Между заключением эксперта и фактическими данными, составляющими его содержание (выводами эксперта) нет каких-либо связующих звеньев в виде других процессуальных источников доказательств. Заключение эксперта может основываться на фактических данных, установленных другими процессуальными средствами. Однако доказательственную ценность в заключении эксперта имеют не эти данные, а выводы экспертов, то есть новые данные, полученные в результате экспертного исследования» [5].

Требования допустимости доказательства означает его пригодность, с точки зрения законодательства, способов закрепления сведений и их получения, которые имеют значение для хода уголовного дела.

Таким образом, можно сделать вывод, что некоторые критерии оценки заключения эксперта и его показаний закреплены на законодательном уровне, но другие являются следствием пробелов, которые присутствуют в законодательстве. Необходимо понимать различия, которые являются ключевыми, между заключением эксперта и показаниями эксперта, что обусловлено потребностями практики, так как именно отсутствие понимания в оценке данных доказательств, также как и отсутствие четкой законодательной регламентации ведет к ошибкам различного рода, в том числе и процессуальным.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.) // СЗ РФ. 2001 г. № 52 (ч. I). Ст. 4921; 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4800.
2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 8 марта 2015 г.) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291; 2015. № 10. Ст. 1393
3. Воробьев П. Процессуальный статус специалиста: нужны разъяснения Пленума Верховного Суда // Законность, 2005. № 11. С. 34.
4. Овсянников И. В. Рассмотрение сообщений о преступлениях // Процессуальные и криминалистические проблемы: научно-практическое и учебное пособие. М. Юрлитинформ, 2010. С. 10.
5. Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964. С. 56.
6. Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность, 2005. № 7. С. 21
7. Виноцкий Л., Ревенко Я. Содержание заключения специалиста в уголовном процессе // Законность, 2011. № 11. С. 45.

Признаки корпорации по современному российскому законодательству

Хохлов Максим Александрович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Сегодня обоснованность мнения, согласно которому юридическое лицо, создаваемое в форме корпорации, рассматривается в качестве чрезвычайно важного компонента гражданского оборота, достаточно очевидно. В последнее время отечественное гражданское законодательство претерпело ряд перемен, следуя за динамикой социально-экономической сферы. В частности, это реализовалось в виде кодификации законодательства. Многие ключевые вопросы гражданского права длительное время игнорировались, вследствие чего их важность как бы потеряла свое значение. Однако преобразования, осуществляющиеся в сфере экономики, обусловили необходимость решения многих задач сугубо прагматического характера. В такой ситуации на передний план вышли практические аспекты гражданского законодательства.

Ключевые слова: корпоративное право, корпорация, правовое регулирование корпораций, корпоративные отношения.

В последние годы становится очевидно, что следует пересмотреть законодательные нормы, касающиеся официально зарегистрированных организаций. Это подразумевает, в частности, необходимость улучшения данных норм. Законодательные новеллы 2014 года позволяют считать корпоративное право составной частью гражданского права, что следует из анализа п. 1 ст. 2 ГК РФ. Юридические лица подразделяются на корпоративные и унитарные.

Интерес ученых-цивилистов к проблемам, связанным с определением понятия и признаков юридического лица, прослеживается не один десяток лет. Единообразное применение правовых норм о юридическом лице требует осмысления на теоретическом уровне основополагающего признака организационного единства, применительно к корпоративным юридическим лицам. Это подразумевает исследование современных тенденций развития корпоративного права, поиск новых направлений в регулировании основополагающих вопросов деятельности корпораций.

Юридическое лицо — искусственный субъект гражданского права, который образован, по мнению некоторых ученых, в большей степени для того, чтобы нести в первую очередь гражданско-правовую ответственность. Из понятия юридического лица вытекают его основополагающие признаки, которые общепризнанно делятся на две группы. К основным критериям, в данной ситуации, можно отнести:

- обособленная ответственность в сфере собственности;
- индивидуализированное участие в обороте;
- отдельная собственность;
- общность с точки зрения организации.

Во вторую группу признаков входят индивидуализирующие, такие как регистрация юридического лица, наименование и местонахождения, организационно-правовая форма, учредительные документы, органы управления, наличие баланса. Только при наличии всех этих признаков в совокупности коллективное образование можно назвать юридическим лицом.

И. А. Еремичев и Е. А. Павлов полагают, что «юридическое лицо» и «корпорация», как понятия, синонимичны. Думается, такая точка зрения вполне обоснована. При этом данные авторы предлагают такие критерии корпорации как:

- единство решаемых задач;
- единство организации, регулирование отношений членов организации;
- индивидуализированное владение собственностью;
- индивидуализированное участие в обороте;
- наличие собственной ответственности [3, с. 55].

Каждая организация, выступающая в качестве юридического лица, неизбежно сталкивается с необходимостью внутренней структуризации и администрирования. В этом случае, объединение должно состоять из дифференцированных отделов, в то же время образующих централизованное организационное единство. Функциональность такой организации должна давать возможность достигать определенных целей социального плана [2].

В США централизованность управленческого аппарата считается атрибутом исключительно обществ корпоративного характера. Отечественное законодательство предписывает такой принцип для каждого юридического лица. Думается, что управление с единым центром и общность организации все-таки не тождественны. По этой причине, имеются различия РФ и США в данной области [6].

Корпорация, рассмотренная в качестве правосубъекта, может действовать исключительно при наличии общности с организационной точки зрения. Если же данное условие не выполняется, то участие в такой организации станет проблематичным.

Структура общества при этом подразделяется на отделы, реализующие управляющую функцию. В эту структуру могут входить и более специализированные подразделения. Подобная форма организации характерна для акционерных обществ [5].

Юридическое лицо реализует свою правосубъектность через специально создаваемые органы. Наивысшей компетенцией обладает общее собрание участников. В кор-

поративном праве, как ранее и в гражданском, ведется дискуссия по вопросу определения самостоятельного статуса органов юридического лица. По нашему мнению, следует согласиться с позицией П. С. Настина, полагающего, что «признание органов юридического лица участниками корпоративных правоотношений идет вразрез с таким признаком юридического лица, как организационное единство, предполагающим наличие его четкой структуры, волеобразующих и волеизъявляющих органов с определенной компетенцией и выступление юридического лица в гражданском обороте как целого. О невозможности признать за органами юридического лица статус субъектов гражданского права говорит и отсутствие упоминания о них в подразд. 2 разд. 1 части первой Гражданского кодекса РФ» [4, с. 176].

При этом прослеживается некоторая непоследовательность законодателя по этому вопросу, в частности, действия органов юридического лица значимы для организаций (п. 1 ст. 53 Гражданского кодекса), заключения, сделанные подразделениями организации, могут быть пересмотрены в судебном порядке (п. 1 ст. 65.2 Гражданского кодекса) и пр.

Таким образом, признак организационного единства в деятельности корпораций имеет основополагающее значение для правильного понимания самой законодательной дефиниции «корпорация», сущности корпоративных отношений, внутренней структуры.

В рамках организации корпоративного характера основная функция отводится общему собранию. Такое положение вещей закреплено на уровне отечественного законодательства. Иногда функционирование таких органов осуществляется в виде совещаний, съездов и т.п., что находит отражение в регламентирующих документах. Это происходит обычно при условии, что количественный состав не превышает сотню участников.

В процессе работы таких органов внимание уделяется:

- установлению базовых тенденций в работе юридического лица;
- обсуждению вопросов касательно использования собственности;
- принятию и коррекции регламентирующей документации;
- установлению принципов членства, ликвидации членства (при условии отсутствия противоречий с действующими законами);
- формированию прочих отделов или прекращению их деятельности;
- рассмотрению документации, отражающей финансовую сторону дел за прошедший период (при условии, что это не входит, с законодательной точки зрения, в область юрисдикции иных органов);
- вопросам формирования иных организаций, филиалов, вопросам деловых связей с иными юридическими лицами;
- вопросам прекращения деятельности юридического лица, составу органа, который бы занимался вопросами

ликвидации деятельности и прочими делами, связанными с такой ситуацией;

- созданию проверочной комиссии, определению аудиторов.

Набор возможностей организации может увеличиваться при наличии соответствующих изменений на уровне законодательства. До некоторого времени в данной области положение дел регламентировал закон Федерального уровня «Об акционерных обществах». Помимо всего прочего, рассматриваемый тип организации имеет руководство в виде отдельного лица, занимающего пост председателя, гендиректора и т.п. Прочие формы руководства (при условии, что необходимость наличие таковых отмечено либо в законе, либо в документах конкретного юридического лица) являются нижестоящими по отношению верховному правлению. В практике корпораций нередки случаи, когда для надзора за деятельностью подобных органов создаются отдельные подразделения.

Документация организации может предоставлять исполнители возможности сразу нескольким лицам. Может возникнуть ситуация, когда действуют несколько представителей исполнительных отделов, причем их деятельность независима друг от друга. Это может быть отдельное лицо, или коллектив. Все сказанное способствует тому обстоятельству, что внутри объединения формируются специфические формы отношений, именуемых корпоративными. Ст. 2 Гражданского кодекса в новом виде создала условия для появления корпораций. Именно такого мнения придерживаются некоторые специалисты [1]. Фигуранты какой — либо официально оформленной организации обретают данный статус согласно регламенту, изложенному в п. 2 ст. 65.1 ГК. Такому статусу соответствует свой набор прав и обязательств.

Все возможные исключения отмечены в упомянутом выше Кодексе. Такой правовой комплекс подразумевает:

- внесение своего вклада в управленческую деятельность (здесь не учитываются такие организации как хозяйственные объединения по той причине, что применительно к ним существует свой специфический набор правил);
- доступ к документации, отражающей финансовое состояние организации, доступ к иным сведениям, характеризующим данное объединение; такой доступ не выходит за границы, очерченные собственными документами организации и государственным законодательством;
- пересмотр заключений подразделений организации;
- возможность действий в качестве представителя организации;
- возможность пересмотра контрактов (в рамках закона).

Если это предполагается на уровне законодательства или собственных документов организации, то возможно наделение членов дополнительными полномочиями.

Разумеется, наличие прав подразумевает и определенные обязательства:

- хранение служебной тайны;

— участие в формировании собственности
— деятельность стратегического плана;
— отсутствие возможностей осуществлять деятельность, которая наносит вред данному юридическому лицу. Набор обязательств может меняться в зависимости от предписаний законодательства и документов организации.

Можно констатировать, что занимаемая ниша в общем экономическом контексте устанавливает правовой статус в рассматриваемой ситуации.

Таким образом, представляется возможным сделать следующие заключения:

1) Юридические конфликты, возникающие в ходе корпоративной работы, могут разрешаться в арбитражном порядке. Данную возможность обуславливает ФЗ N409-ФЗ от 29.12.2015;

2) Следует отметить на уровне законодательных норм возможность использования соглашения, осуществленного в арбитражном порядке, в отношении недавних фигурантов юридического лица, исключительно при условии, что новые члены организации осведомлены о содержании этого соглашения;

3) Стоит так же отметить на уровне законодательства возможность доступа к данным о ходе разрешения юридического конфликта для его фигурантов;

4) Обозначить на уровне закона осуществимость регулирования в порядке арбитража исключительно тех случаев, которые отмечает арбитражное соглашение;

5) Внести соответствующие поправки в законодательство, регулирующее налоговую сферу. Стоит указать, в частности, объемы сборов в ходе разбирательства

Литература:

1. Андреев, В.К. Корпоративное право современной России / В.К. Андреев, В.А. Лаптев. — М.: Проспект, 2017. — 240 с.
2. Гришаев С.П. Эволюция законодательства о юридических лицах [Электронный ресурс]. СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ESU; n=7361>(дата обращения: 18.10.2019)
3. Корпоративное право: Учебное пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. 030501 «Юриспруденция» / Под ред. И.А. Еремичева, Е.А. Павлова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 55.
4. Настин П.С. Субъекты корпоративных правоотношений // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 176—180.
5. Суханов Е.А. Юридические лица как участники гражданских правоотношений // Гражданское право: Учебник: В 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2017. Т. I.
6. Фомина О.Н. Правовое положение предпринимательской корпорации в США и акционерного общества в Российской Федерации: Сравнительно-правовой анализ: монография. М.: Статут, 2016.
7. <http://izron.ru/articles/sovremennaya-yurisprudent...>

Субъект преступления: пути решения спорных вопросов

Цеона Александр Сергеевич, студент

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье затрагиваются дискуссионные вопросы о субъекте преступления: снижение минимального возраста, с которого наступает уголовная ответственность, и уголовная ответственность юридических лиц. Предлагается изменить уголовное законодательство с учетом позиций ученых-правоведов и законодателей.

Ключевые слова: классификация преступлений, субъект преступления, привлечение к уголовной ответственности, общие признаки субъекта преступления, специальные признаки субъекта преступления, минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности, цель наказания, уголовная ответственность юридических лиц, «квазиуголовная» ответственность юридических лиц, индивидуализация уголовной ответственности.

Анализ юридической литературы показал возможность одним из оснований классификации преступлений считать субъект преступления. В связи с наличием в ряде статей УК РФ специального субъекта посягательства, можно говорить о классификации по общему и специальному субъекту,

и об отдельной классификации деяний с участием специального субъекта: преступления, совершаемые лицами мужского (ст. 131 УК РФ) или женского (ст. 106 УК РФ) пола, только совершеннолетними (ст. 150 УК РФ), лицами определенной профессии (ст. 203 УК РФ) и т.д.

Особенность классификации преступлений по субъекту состоит в обязательности наличия общих признаков, а по отдельным составам — специальных признаков субъекта для привлечения к уголовной ответственности.

По мнению автора настоящей статьи, нерешенными проблемами классификации по субъекту посягательства являются нижний предел возраста субъекта преступления, который не всем кажется достаточно справедливым, и невозможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц.

Вопрос возраста субъекта преступления — одного из общих обязательных его признаков — является в научной литературе предметом оживленных дискуссий. Единое понимание возраста индивида, как справедливо отмечает М. А. Тюмнева, как в социологии и психологии, так и в юриспруденции, отсутствует. Комплексное учение о возрасте данными науками до сих пор не выработано [7, с. 134]. А. В. Щербаков называет возраст субъекта преступления «своего рода социальным статусом, обозначающим признанную законом способность человека выступать в роли активного участника правоотношений в обществе» [9, с. 102].

Установленный уголовным законом возраст привлечения лица к уголовной ответственности определен по признаку уровня сознания данного лица, его способности осознавать происходящее и в соответствии с этим осмысленно действовать. Презюмируется способность лица, достигшего установленного УК РФ возраста уголовной ответственности, правильно воспринять уголовное наказание, которое только в этом случае, как отмечает М. А. Тюмнева, может достигнуть своей цели [7, с. 135].

В зарубежном законодательстве отсутствует единство по вопросу определения минимального возрастного порога уголовной ответственности. А. В. Щербаков отмечает, что в зависимости от традиций в сфере права, политики и социальных институтов конкретного государства границы данного возраста составляют от пяти до семнадцати лет [9, с. 102].

Тема снижения минимального возраста уголовной ответственности в Российской Федерации давно обсуждается и часто становится предметом публикаций и видео в СМИ, как правило, в связи с получившими широкую огласку тяжкими преступлениями. Сторонниками такого снижения являются многие современные исследователи и правоведы, в частности, С. В. Максимов [4, с. 154], Н. Г. Андрюхин [1, с. 20].

Такую новеллу предлагали и законодатели. Например, 02.12.2009 известным политиком В. В. Жириновским в Государственную Думу был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (по вопросу установления уголовной ответственности несовершеннолетних с двенадцатилетнего возраста) [5].

Данный законопроект не был поддержан законодателем. Объяснялось это отсутствием в пояснительной за-

писке к нему сведений о достижении в настоящее время несовершеннолетними уровня степени эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости, позволяющего снизить возраст уголовной ответственности с четырнадцати до двенадцати лет, а также закреплением в нем подхода к уровню развития лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, отличный от подхода, закрепленного в действующем законодательстве Российской Федерации [5].

Автор настоящей статьи не поддерживает идею снижения возраста уголовной ответственности, так как это, во-первых, не отвечает общей концепции гуманизации уголовной политики нашего государства, а во-вторых, не решит проблему вовлечения малолетних в совершение преступлений. Понижение минимального возраста уголовной ответственности сможет достичь цели наказания, если считать таковой возмездие за содеянное, как предлагали сторонники абсолютной теории целей уголовного наказания (Кант, Гегель и их последователи). Если же считать целью наказания общую и частную превенцию, то общество, прежде всего, должно не наказывать, а воспитывать несовершеннолетних в духе гуманизма и правопослушания.

Тем не менее, противоправные деяния малолетних преступников не должны оставаться безнаказанными.

В связи с чем считаем целесообразным внести в УК РФ положения, согласно которым для малолетних преступников, совершивших умышленные деяния, предусмотренные уголовным законом, наступают негативные последствия в виде учета этих деяний в качестве отягчающего наказание обстоятельства при назначении наказания в дальнейшем, если указанные лица не сделали для себя правильных выводов и встали на преступный путь.

В целях реализации указанного предложения считаем необходимым пункт «а» части 1 статьи 63 УК РФ дополнить словами «, а также совершение умышленного деяния, за которое настоящим кодексом предусмотрено наказание, до достижения лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность».

Еще одной нерешенной проблемой уголовного законодательства остается невозможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, в интересах которых совершаются преступления. В законодательстве зарубежных стран по вопросу уголовной ответственности юридических лиц, как отмечает В. А. Богдановская, имеется три позиции: полное непринятие уголовной ответственности юридических лиц (страны Восточной Европы — Болгария, Венгрия, Польша, Югославия), полное признание уголовной ответственности юридического лица (Франция, КНР, Литва, Молдова, Эстония, Исландия, Норвегия), отсутствие прямого привлечения к уголовной ответственности юридических лиц и воздействие на них в случаях правонарушающей деятельности иными способами, например, штрафами (Германия, Австрия и т. д.) [3, с. 78].

Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин предложил ввести такую ответственность и в Российской Федерации [8]. Законопроект был внесен 23.03.2015 депутатом Государственной Думы А. А. Ремезковым и членом Совета Федерации О. Ф. Ковитиди [6]. Проектом закона предусматривалось дополнить законодательство Российской Федерации положениями, определяющими основания уголовной ответственности юридических лиц, круг подлежащих уголовной ответственности организаций, виды наказаний, применяющихся в отношении виновных организаций, основания освобождения их от наказаний, правовые последствия осуждения юридических лиц, а также уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные механизмы реализации соответствующих уголовно-правовых норм.

Законодатель не поддержал эту идею, так как в данном случае юридическое лицо будет претерпевать негативные последствия уголовно-правового характера за действия другого (физического) лица, что не согласуется с принципом личной уголовной ответственности. Предложенная законопроектом принудительная ликвидация юридического лица может привести к увольнению работников организации, вина которых в совершении преступления отсутствует, и негативно повлиять на участников юридического лица, установление вины которых законопроектом не предполагается [6].

Автор настоящей статьи разделяет мнение Правительства Российской Федерации, выраженное им в заклю-

чении к указанному законопроекту, о нарушении введением уголовной ответственности юридических лиц одного из основополагающих уголовно-правовых принципов — индивидуальной виновной ответственности за преступление. Вместе с тем, считаем нелишним взять на вооружение опыт зарубежных стран с так называемой «квазиуголовной» ответственностью юридических лиц и применении к ним мер уголовно-правового характера в связи с причастностью к преступлению, совершенному физическим лицом.

В целях реализации указанного предложения необходимо статью 19 УК РФ изложить в новой редакции:

«Статья 19. Общие условия уголовной ответственности

Уголовной ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом.

Основанием применения к юридическому лицу предусмотренных настоящей главой мер уголовно-правового воздействия является совершение физическим лицом (лицами), выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим фактическое руководство, деяния (деяний), запрещенного Особенной частью УК РФ, с использованием либо посредством этого юридического лица или в его интересах»..

Считаем, что предложенные в настоящей статье изменения уголовного законодательства будут способствовать решению проблем классификации преступлений по субъекту посягательства.

Литература:

1. Андрюхин, Н. Г. Минимальный возрастной признак субъекта преступления нуждается в уточнении / Н. Г. Андрюхин // Вопросы ювенальной юстиции. — 2001. — № 2. — С. 20–22.
2. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. — М.: Мегатрон XXI, 2000. — 2-е изд. доп. — 334 с.
3. Богдановская, В. А. Анализ правового регулирования уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных странах / В. А. Богдановская // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2010. — № 2. — С. 73–80.
4. Максимов, С. В. Вопросы гносеологии общей превенции преступлений / С. В. Максимов // Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступностью. — М., 1992. — 451 с.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: паспорт проекта Федерального закона № 293093–5 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. — Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/bill/293093–5>–20.09.2019.
6. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц: паспорт законопроекта № 750443–6 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. — Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/750443–6>–20.09.2019.
7. Тюмнева, М. А. Снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет / М. А. Тюмнева // «Colloquium-journal». — 2019. № 14(38). С. 134–137.
8. Удар в юрлицо. Александр Бастрыкин: криминальные фирмы надо судить по Уголовному кодексу // Российская газета. — 2011. — № 5436.
9. Щербаков, А. В. Проблемы определения субъекта преступления в современном уголовном праве / А. В. Щербаков // Пробелы в российском законодательстве. — 2013. — № 2. — С. 100–106.

Современное состояние правового регулирования компенсации стоимости проезда к месту отдыха и обратно лицам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностях

Шарина Анжела Андреевна, студент магистратуры
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В статье проведен анализ нормативно-правовой базы компенсации проезда неработающим пенсионерам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, к месту отдыха и обратно на территории Российской Федерации. Рассмотрены проблемы, встречающиеся в правоприменительной практике, анализ которых ведет к предложенным путям устранения правовых пробелов по данному вопросу.

Ключевые слова: правовая природа, компенсация расходов на оплату стоимости проезда, неработающие пенсионеры, районы Крайнего Севера, местности, приравненные к районам Крайнего Севера, пробелы в праве.

Legal regulation of compensation of expenditure on travel for unemployed retiree, indwelling in area of the far north

Sharina Angela, Student
North-Eastern Federal University

travel allowances' of persons working and living in areas of the far north and similar areas legal framework was analyzed. It addressed the problems in enforcement practices. Ways of legal gaps eliminating were proposed.

Key words: legal nature, compensation of expenditure on travel, unemployed retiree, area of the far north, travel allowances

В настоящее время к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям относятся территории, которые входят в состав 24 субъектов Российской Федерации. Всецело к районам Крайнего Севера перечислены лишь семь из них, а именно Мурманская и Магаданская области, Камчатский край, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, Республика Саха (Якутия).

Стоит также определить субъекты, территории которых полностью включены в перечень районов Крайнего Севера или местностей, приравненных к ним. К ним относятся следующие субъекты: семь названных выше, а также Республика Карелия, Коми, Тыва, Архангельская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. Общая численность этих регионов составляет 7,9 млн человек.

Помимо этого, к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностей относятся отдельно взятые города и районы следующих субъектов: Республики Бурятия, Алтай, Забайкальского, Краснодарского, Пермского, Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Иркутской, Томской, а также Тюменской областей. Общая численность этих регионов составляет 2,2 млн человек.

Таким образом, районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности занимают приблизительно 2/3 территории страны. Плотность населения в названных регионах составляет менее 1 человек/км².

В районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях проживает свыше 11,7 млн человек, свыше 200 из которых — представители коренных малочисленных народов Севера.

Ханты-Мансийский автономный округ, Архангельская область, Республика Саха (Якутия) выступают крупнейшими из субъектов Крайнего Севера.

Жители Крайнего Севера объединены общими условиями, характеризующими качество их жизни: неблагоприятные климатические условия, наличие вечной мерзлоты, большая удаленность от основных центров экономики и культуры, повышенная себестоимость товаров, работ и услуг, высокая стоимость жизни и транспортных расходов. На Севере организм человека испытывает воздействие многих факторов, среди них природные, экологические факторы, такие как долговременные низкие температуры воздуха, контрастная динамика продолжительности светового дня, напряженный аэродинамический режим с резкими перепадами барометрического давления. Названные условия создают острую необходимость в повышенной охране здоровья и труда граждан. Но наравне с перечисленными факторами, на районах Крайнего Севера расположены большие запасы богатых природных ресурсов, которые имеют огромное значение для экономики страны и должны быть направлены на улучшение социально-экономического положения северных территорий, для чего требуется особое внимание государства.

Государство имеет обязательства в отношении лиц, проживающих в суровых климатических условиях, и как следствие, на законодательном уровне предусмотрен ряд льгот, гарантий и компенсаций. Официальная политика Российской Федерации в части правового и социального признания особого положения жителей северных местностей, направлена на развитие районов Крайнего Севера и реализацию лицами, проживающими на этих местностях, своих прав, свобод и законных интересов.

Вопросы жизнеобеспечения и проблемы развития северян в разное время привлекали внимание научной общественности. Так, доктор юридических наук, профессор М. М. Рассолов в своей научной статье под названием «Особенности возникновения и развития права народов Крайнего Севера» писал: «правовая особенность жителей Крайнего Севера связана с так называемыми коммуникативными (социально-психическими и социокультурными) условиями их жизни».

Ключевые шаги конституционно-правовых исследований стали делаться с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. Именно в данный период активно проводились исследования в отношении прав, законных интересов и гарантий северян. В целом исследования касались вопросов становления и развития правового статуса и правовых гарантий лиц, проживающих на северных территориях России. При этом объектом исследований и анализа выступали основы конституционно-правовой защищенности северян, анализ соответствующего законодательства на различных этапах, а также международно-правовых норм, локальных актов.

Системный обзор и анализ проведенных научных и доктринальных исследований проблем правового регулирования предоставления компенсаций жителям Крайнего Севера в части транспортных расходов показывает, что имеется определенная неоднозначность и неточность в правовом регулировании. В результате этого жители северных районов России испытывают затруднения в получении установленных законом гарантий и компенсаций. Нами был проведен анализ на предмет эффективности основополагающих нормативно-правовых актов Российской Федерации, Закона РФ от 19.02.1993 № 4520—1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», Постановления Правительства РФ от 01.04.2005 N176 (ред. от 08.12.2016) «Об утверждении Правил компенсации расходов на оплату стоимости проезда пенсионерам, являющимся получателями страховых пенсий по старости и по инвалидности и проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, к месту отдыха на территории Российской Федерации и обратно, в результате которого пришли к мнению, что имеется достаточное основание для внесения поправок в названные нормативно-правовые акты.

Как показывает анализ базовых нормативно-правовых актов в рассматриваемой сфере, лица, которые рабо-

тают и проживают в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, сейчас выступают субъектами права, а ведь до 1993 г. они являлись лишь «объектом государственной заботы». Несомненно, это является достижением современного российского права. Обретая статус «субъекта права» жители северных регионов получают возможность реализации своих прав, свобод и законных интересов, а также могут воспользоваться государственной защитой своих нарушенных прав.

Согласно статье 2 Закона Российской Федерации от 19.02.1993 N4520—1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (далее по тексту — Закон о Северах): «перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей для целей предоставления гарантий и компенсаций устанавливается Правительством Российской Федерации». Таким документом выступает Постановление Совета Министров СССР от 03.01.1983 № 12.

Система социальных гарантий и компенсаций жителям Крайнего Севера формируется в целях обеспечения благоприятных условий жизни, поддержания высокой производительности труда работающих граждан, предотвращения возможного переезда из северных регионов.

Льготы по компенсации стоимости проезда к месту отдыха, так называемые транспортные льготы, являются одной из самых востребованных и наиболее обсуждаемых льгот северян. Названные льготы являются также наибольшими в суммарном денежном выражении, что создает дополнительный интерес с точки зрения их научного изучения и анализа.

Предоставление выплаты на транспортные расходы до места отдыха и обратно является довольно распространенной во всем мире практикой. Сам правовой механизм предоставления компенсации стоимости проезда к месту отдыха установлен Законом РФ от 19.02.1993 № 4520—1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» (далее — Закон о Северах).

Законодательством Российской Федерации компенсация расходов стоимости проезда к месту отдыха предусмотрена для работников и пенсионеров. Названные виды компенсации имеют свои особенности и регулируются по отдельным условиям и правилам, устанавливаемым Законом о Северах и специально принятыми Постановлениями Правительства, закрепляющим правила предоставления компенсаций отдельным видам лиц. По определению законодателя, правом на компенсацию проезда к месту отдыха обладают как лица, работающие в организациях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, так и неработающие пенсионеры. Таким образом, рассматриваемая гарантия предоставляется жителям Крайнего Севера без возрастных ограничений. Законодатель, понимая необходимость в предоставлении данной льготы, принимая во

внимание острую потребность лиц всех возрастов в отдыхе один раз в два года в благоприятных климатических и социально-культурных условиях, предоставляет компенсацию как работникам и членам их семей (неработающие супруги, несовершеннолетние дети), так и пенсионерам.

Под правовой природой компенсации стоимости проезда следует понимать ее сущность, предназначение. Рассмотрим явления, без которых компенсация проезда невозможна. Во-первых, компенсация проезда к месту отдыха, предоставляемая государством для лиц, проживающих в северных регионах, раскрывается в категориях правовой и социальной защиты. Названный признак является объединяющим для всех установленных льгот, гарантий и компенсаций жителям районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей.

Попытаемся определить основополагающие, ключевые признаки анализируемой нами компенсации. С этой целью обратимся к определению понятия компенсационных выплат. Под ними понимаются «денежные выплаты, адресованные лицам, имеющим необходимость социальной помощи по происшествии, никак не зависящим от воли получателя». В некоторых случаях законодатель прямо называет их таковыми, а в некоторых применяет иные термины, но предусматривает их компенсационный характер. Таким образом, встречаются термины «компенсационные выплаты», «денежные компенсации», «компенсация расходов». Компенсация не выступает само по себе «благом» для лиц, проживающих на северных территориях, а является условием, которое помогает достичь этих благ. Компенсации выступают условием реализации социального и правового статуса жителей северных местностей. Иначе говоря, анализируемые компенсации обеспечивают реализацию прав, свобод и законных интересов лиц, которые проживают в регионах, относящихся к Крайнему Северу. Было бы ошибочно утверждать, что компенсация стоимости проезда к месту отдыха (отпуска) способствует реализации только правового статуса. Предполагается, что компенсация проезда наравне с этим, способствует реализации социального статуса лиц, живущих в районах Крайнего Севера. По мнению многих ученых, компенсация стоимости проезда к месту отдыха является в большей степени мерой социальной поддержки и защиты.

Следует подчеркнуть, что социальный статус лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера порождает их особый правовой статус. Трудовая деятельность лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним районах, имеет свои особенности

в связи с характером и условиями труда, а также проживанием в экстремальных природно-климатических условиях Севера. В связи с чем, трудовая деятельность указанной категории работников регулируется главой 50 Трудового кодекса Российской Федерации, Законом РФ от 19.02.1993 N4520–1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях». Государство принимает меры по судебной защите и реализации прав и законных интересов граждан, которые проживают на северных местностях.

Нормативно-правовыми актами, регулирующими общественные отношения, связанные с компенсацией проезда к месту отдыха и обратно на территории Российской Федерации, лицам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним районах, выступают наравне с Трудовым кодексом Российской Федерации, Законом № 4520–1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», также Конституция Российской Федерации, Постановление Правительства № 176, Инструкция о порядке предоставления социальных гарантий и компенсаций лицам, работающим в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, в соответствии с действующими нормативными актами, утвержденная Приказом Минтруда РСФСР от 22.11.1990 N2 (в ред. Приказа Минтруда РСФСР от 11.07.91 N77, с изм., внесенными решением Верховного Суда РФ от 05.11.1999 N ГКПИ 99–832, Определением Верховного Суда РФ от 23.12.2004 N КАС04–596, решениями Верховного Суда РФ от 07.06.2006 N ГКПИ06–526, от 03.08.2006 N ГКПИ06–823, от 10.06.2009 N ГКПИ09–536, от 12.04.2012 N АКПИ12–357), а также разъяснения Конституционного Суда РФ, содержащимися в Постановлении Конституционного Суда РФ от 09.02.2012 N2-П. нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации, локальные нормативные акты, коллективные договоры и соглашения, которые устанавливают дополнительные гарантии и компенсации для рассматриваемой категории лиц и определяют порядок предоставления компенсаций и льгот.

Исходя из огромных территорий, на которых расположены районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, можно с уверенностью утверждать, что роль и значение северных окраин для экономической, политической, социальной и правовой сфер государства будет только возрастать. А потому необходимо более детальное исследование и понимание рассматриваемого вопроса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. Голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФК, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. № 31. — Ст. 4398.

2. Закон РФ от 19.02.1993 № 4520—1 (ред. от 16.10.2017) «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» // Российская газета N73. — 1993.
3. Федеральный закон от 28.12.2013 N400-ФЗ (ред. от 19.12.2016) «О страховых пенсиях» // Российская газета N6. — 2014.
4. Федеральный закон от 15.12.2001 N166-ФЗ (в ред. от 01.07.2017) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации N51, ст. 4831. — 2001.
5. Постановление Правительства РФ от 01.04.2005 N176 (в ред. от 08.12.2006) «Об утверждении Правил компенсации расходов на оплату стоимости проезда пенсионерам, являющимся получателями страховых пенсий по старости и по инвалидности и проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, к месту отдыха на территории Российской Федерации и обратно» // Российская газета N70. — 2005.
6. Приказ Минтруда РСФСР от 22.11.1990 N2 (ред. от 11.07.1991, с изм. 01.12.2005) «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления социальных гарантий и компенсаций лицам, работающим в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, в соответствии с действующими нормативными актами» // Официальный сайт Консультант Плюс — <http://www.consultant.ru>
7. Гинцбург Л. Я. Льготы работающим на Севере. — М., 1990. — С. 16.

Исследование доказательств в арбитражном процессе

Шкробка Полина Игоревна, студент;

Миллер Виталия Игоревна, студент;

Научный руководитель: Пушкарев Игорь Петрович, кандидат юридических наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Исследование доказательств — это непосредственное восприятие и изучение составом суда в судебном заседании информации о фактических данных, предоставленной лицами, участвующими в деле, при помощи предусмотренных законом способов доказывания на основе принципов устности и непосредственности. Исследование доказательств строго регламентировано законом и согласно ст. 162 АПК РФ является основным содержанием процесса рассмотрения дела по существу. Так, согласно рассматриваемой норме: при рассмотрении дела арбитражный суд должен непосредственно исследовать доказательства по делу: ознакомиться с письменными доказательствами, осмотреть вещественные доказательства, заслушать объяснения лиц, участвующих в деле, показания свидетелей, заключения экспертов, консультации специалистов, а также огласить такие объяснения, показания, заключения, консультации, представленные в письменной форме [1].

М.К. Треушников писал: «если рассматривать сущность данного элемента судебного доказывания, то можно сделать вывод о том, что в нем переплетаются логические, эмпирические и процессуальные операции, потому что исследование доказательств состоит в восприятии судом фактических данных, выяснении условий сохранения информации, факторов, влияющих на достоверность доказательств, в сопоставлении, сравнении отдельных доказательств, ликвидации между ними противоречий» [2]. Только при исследовании доказательств суд может сделать в дальнейшей оценке вывод об их достоверности, допустимости, достоверности и достаточности.

Несмотря на то, что основные доказательства уже были собраны, на этапе исследования также могут собираться какие-либо недостающие доказательства. Часто по своему внутреннему убеждению судья сам понимает, что для правильного разрешения дела не хватает какого-либо доказательства.

Согласно ч. 1 ст. 78 АПК РФ суд вправе произвести осмотр и исследование письменных и вещественных доказательств по месту их нахождения в случае невозможности осмотра или затруднительности доставки их в суд. В этом случае судом выносится определение о назначении осмотра вещественных доказательств, назначается дата и время его проведения. Так в практике был случай, когда вещественными доказательствами выступал корабль, и с учетом трудности при доставке данных доказательств, их осмотр производился по месту нахождения. Осмотр и исследование вещественных доказательств в месте их нахождения в пределах территории субъекта РФ и расположения арбитражного суда, рассматривающего дело, производится этим судом. Непосредственно в процессе осмотра и исследования письменных и вещественных доказательств по месту их нахождения арбитражным судом составляется протокол в порядке, установленном статьей 155 АПК РФ. К протоколу прилагаются составленные или проверенные при осмотре документы, сделанные фотоснимки, аудио- и видеозаписи. Таким образом, осмотр находит собой воплощение в вещественных и письменных доказательствах, а средства фиксации способствуют признание протокола достоверным и допустимым.

Также АПК РФ предусматривают случаи, когда доказательством является объекты, подвергающиеся быстрой порче, согласно ст. 79 АПК РФ, они подлежат немедленному осмотру и исследованию арбитражным судом по месту их нахождения. После осмотра они подлежат реализации в установленном порядке. Речь идет в первую очередь, конечно, о продуктах питания, но не стоит забывать, что существует и множество других объектов материального мира. Таким образом, АПК РФ направлен на максимальное получение существенных, важных для дела доказательств, для дальнейшего правильного разрешения дела.

С развитием технологий, особенно в последние несколько десятилетий, многие юридические лица используют в своей деятельности электронный документооборот. При этом, остро стоит вопрос о сохранности подлинности документов, поскольку с использованием средств электронной связи и передачи информации есть возможность изменить содержание письменного доказательства. В то же время, дополнительная трудность создает то, что простым визуальным исследованием видоизменений в доказательстве суд установить не сможет, для этого необходимо прибегнуть к помощи специалиста.

Данные обстоятельства обусловлены тем, что для электронных доказательств отсутствуют четкие требования, которые регламентируют порядок их предоставления и исследования. Данная проблема возникает по причине отсутствия отражения ее в законодательстве. Это зачастую вызывает ситуации, когда данные доказательства не рассматриваются судом как прямые. Особенно в случае, если их просто невозможно исследовать, по причине техническо-материальной неподготовленности суда.

Таким образом, в ходе исследования доказательств суд и лица, участвующие в деле, в установленном законом порядке получают сведения и необходимые характеристики представленных доказательств. Исследование доказательств является крайне сложным этапом судебного доказывания, который ошибочно многие считают элементарным, на практике же случаются множественные казусы, преграждающие путь полноценной оценке. Кроме того, отсутствие соответствующих навыков и умений в сфере информационных технологий может вызвать затруднения в доступе к исследованию электронных доказательств и их оценке. Только при извлечении фактических данных из доказательств можно вынести законное, обоснованное и мотивированное решение суда.

Литература:

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N95-ФЗ (ред. от 12.11.2019) // Российская газета, N137, 27.07.2002.
2. Арбитражный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М. К. Треушников. — М.: Издательский дом «Городец», 2017. — 736 с.
3. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // Российская газета, N220, 20.11.2002.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» // опубликован не был.

Конфликты в трудовом законодательстве. Проблема переработки и ненормированного рабочего дня

Яценко Анастасия Олеговна, кандидат юридических наук, доцент;
Салюкова Екатерина Владимировна, студент
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

Разграничение времени, отведённого для осуществления рабочих функций, от времени, отведённого для отдыха, является одним из основополагающих принципов трудовых прав человека, закрепленных в том числе в Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 03 сентября 1953 г. Так, запрет принудительного труда, а также право на труд и отдых регламентирован статьей 4 указанной Конвенции, что подтверждает безусловную значимость как для индивидуума, позволяя распоряжаться собственным временем, так и для экономической стабильности государства в целом.

Однако ряд неотъемлемых факторов, характерных, в частности, для Российской Федерации, не позволяет говорить о возможности надлежащей защиты права человека на режим рабочего времени. Так, нехватка компетентных кадров, отсутствие возможности надлежащего материального обеспечения работников, правовой нигилизм собственно работников, который выражается в незнании механизма защиты собственных прав приводит к постоянному использованию труда работников за пределами установленного рабочего времени без применения

компенсационных составляющих в виде дополнительной оплаты или предоставления дополнительного отпуска [1].

В Трудовом кодексе Российской Федерации ненормированный рабочий день определен как особый порядок распределения рабочего времени в пределах рабочего дня и (или) рабочей недели. Такой порядок согласовывается между работодателем и работником с помощью договора, соглашения или иного нормативного акта, установленного трудовым законодательством. Работнику, который работает в условиях ненормированного рабочего дня, рабочее время устанавливается, только если соглашением сторон трудового договора установлена неполная рабочая неделя, но с полным рабочим днем (сменой).

Законом предусмотрено рабочее время, в течение которого работник выполняет свои трудовые обязанности, указанные в трудовом договоре, а также предусмотренные правилами внутреннего трудового распорядка. Превышение указанных норм априори является недопустимым в тех случаях, когда предварительно между работником и работодателем не было достигнуто соглашение о сверхурочной работе, и/или выполнение трудовой функции работника не осуществляется по ненормированному рабочему графику. Так, статьей 91 Трудового кодекса Российской Федерации установлено, что в совокупности рабочее время не должно превышать 40 часов в неделю, поэтому можно сказать, что специфика ненормированного рабочего дня заключается в том, что работник в большинстве случаев подчинен общему режиму работы организации.

Однако выполнение трудовой функции в строго определенных часы, установленные трудовым законодательством, в некоторых случаях представляется невозможным, в частности, при возникновении обстоятельств, при которых работнику объективно необходимо задержаться на работе для выполнения своих трудовых функций сверх установленной продолжительности рабочего дня (смены), либо являться на работу до начала работы (смены), такой распорядок подразумевает переработку, то есть работу за пределами продолжительности рабочего времени, установленной для данного работника в соответствии с Трудового кодекса РФ, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором.

Из содержания статьи 97 Трудового кодекса РФ следует, что такая переработка по своей природе совпадает со сверхурочной работой, однако у работников с ненормированным рабочим днем сверхурочной работой она не является. В отличие от сверхурочных работ оплата переработки при ненормированном рабочем дне ТК РФ не предусмотрена, как и обязанность работодателя вести учет времени такой переработки.

Стоит отметить, что трудовое законодательство четко дает определение сверхурочной работе и указывает, что она не должна превышать некоторое количество часов в определенный промежуток времени. Работодатель

обязан обеспечить точный учет продолжительности сверхурочной работы каждого работника. Сверхурочная работа также должна быть оплачена.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что большой проблемой в сфере трудовых отношений, трудового законодательства стал тот факт, что работодатели часто подменяют понятия ненормированный рабочий день, переработка и сверхурочная работа, вследствие чего, как правило, оплата сверхурочных часов выполнения трудовых обязанностей работника не происходит.

Стоит отметить, что статья 153 Трудового кодекса Российской Федерации не предполагает, что работа, которая выполняется работниками в выходной или нерабочий праздничный день, а также сама система оплаты труда, которая включает в себя выплату компенсационных и стимулирующих выплат будет оплачиваться исключительно из одной составляющей заработной платы, т.е. оклада (должностного оклада). Следовательно, такие работники, при оплате выполненной ими работы в выходной или нерабочий праздничный день лишаются законного права на выплату им соответствующих вышеуказанных дополнительных выплат. Такая позиция ведет к уменьшению положенного им вознаграждения за труд, в отличие от оплаты аналогичной работы, которую работники будут выполнять в рабочий день.

Итак, исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что в ином понимании вышеуказанной нормы было бы утрачено реальное содержание гарантии повышенной оплаты труда, исходя из условий работы, которые отклоняются от нормальных, и, соответственно приводят к нарушению конституционного права получения вознаграждения за труд, без дискриминации права работника на справедливую оплату труда.

Стоит отметить, что конституционный принцип равенства, который в отношении сферы труда устанавливает не только обязательное обеспечение равной оплаты за труд равной ценности, но и недопустимость одних и тех же правил к работникам, которые находятся в разном положении, работники, которые выполняют свою работу в выходной или нерабочий праздничный день (что является условиями, отклоняющимися от нормальных), оказывались бы в более худшем положении в отличие от тех, кто выполнял эту же работу в обычный рабочий день (в нормальных условиях), при этом, те работники, система оплаты труда которых не ограничивается установлением исключительно тарифной части заработной платы (оклада, должностного оклада), при выполнении работы в выходной или нерабочий праздничный день фактически равнялись бы со стороны оплаты их труда к лицам, чей труд оплачивается исключительно путем выплаты фиксированного оклада (должностного оклада) [2].

Исходя из вышеизложенного, можно подвести итог, что главной чертой ненормированного рабочего дня является то, что работодатель вправе требовать от своего работника задерживаться в конце рабочего дня для выполнения особо важной и срочной работы, при этом пе-

риодичность и продолжительность таких работ законодательством не устанавливаются [3].

Одним из особых отличий ненормированного рабочего дня от сверхурочной работы заключается в следующем: привлечение работников не требует получения их письменного согласия, а также, как уже было указано ранее, а также такая работа должна быть оплачена в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации.

Основной особенностью режима ненормированного рабочего дня является то, что работа сверх установленной для работника продолжительности рабочего дня производится без дополнительной оплаты. Единственной формой компенсации при этом является предоставление дополнительного оплачиваемого отпуска [3].

Отдельно стоит отметить, что, исходя из анализа судебной практики, процент судебных актов, результатом которых является защита права работников при вынужденном осуществлении рабочей функции сверхурочно, является незначительным [1]. Наибольшим препятствием в части доказывания наличия переработки является отсутствие зафиксированных фактов вынужденного выполнения трудовой функции за пределами установленного рабочего времени.

Так, решением Октябрьского районного суда г. Ставрополя № 2–704/2017 2–704/2017~М-256/2017 М-256/2017 от 30 мая 2017 г. по делу № 2–704/2017 судом было отказано в удовлетворении исковых требований Иванова к АО «Минудобрения» о признании незаконным увольнения, отмене приказа об увольнении, восстановлении в должности, выплате среднемесячной зарплаты с момента увольнения до момента восстановления, компенсации морального вреда, выплате денежной компенсации за привлечение к сверхурочной работе, привлечении к административной ответственности и применении наказания по ч.ч. 1, 4 ст. 5.27 КоАП РФ [4].

В указанном решении Иванов ссылается на то, что работодателем были нарушены требования ст. 152 ТК РФ, коллективного договора АО «Минудобрения» на 2016–2018 год, п. 5.2 Правил внутреннего трудового распо-

рядка АО «Минудобрения» о прямых обязанностях генерального директора по учету времени. Ивановым указан тот факт, что работниками предприятия с ненормированным рабочим днем систематически были выявлены нарушения в отношении переработок. Иванов также имел ежемесячные переработки, которые в свою очередь носили систематический характер. Согласно ст. 101 ТК РФ ненормированный рабочий день в случае необходимости обязывает сотрудника эпизодически выполнять данную работу за пределами рабочего дня. Повышенная нагрузка должна быть компенсирована материально или предоставлением дополнительного времени на отдых (отгул). При злоупотреблении работодателем правом на систематическое привлечение к работе в рамках ненормированного рабочего дня сотрудник может обратиться в инспекцию по труду или суд. Исходя из этого Иванов в своем исковом заявлении просит признать его работу сверхурочной и обязать работодателя выплатить компенсацию.

Однако судом в исковом заявлении было отказано. В части переработки и ненормированного рабочего дня был не доказан тот факт, что Иванов действительно находился на рабочем месте больше установленного времени.

Наиболее оптимальным решением подобной проблемы является введение в трудовое законодательство норм, которые, с одной стороны, обяжут работодателя уведомлять Роструд о наличии в штатном расписании должностей, подразумевающих осуществление трудовой функции в рамках ненормированного графика рабочего времени; с другой стороны указанные нормы должны фиксировать максимальное количество часов переработки в условиях ненормированного графика.

Легитимизация указанных норм позволит зафиксировать количество и число переработок, и, кроме того, позволят достоверно точно установить, осуществлял ли работник свою функцию в рамках допустимого рабочего времени, что, без сомнения, будет являться определяющим фактором в том числе при несчастных случаях на производстве.

Литература:

1. Согомонян А.И. Эксперты предлагают отменить режим ненормированного рабочего дня / СПС «Гарант». Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1183076/> Дата обращения к ресурсу: 12.11.2019 г.
2. Белицкая И. Я. Сверхурочная работа // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2016. № 1. С. 23–26.
3. Приложение № 2 к приказу Министра обороны РФ от 23 апреля 2014 г. № 255 «О мерах по реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации постановления Правительства Российской Федерации от 5 августа 2008 г. № 583» Положение о системе оплаты труда гражданского персонала воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации;
4. Решение Октябрьского районного суда г. Ставрополя № 2–704/2017 2–704/2017~М-256/2017 М-256/2017 от 30 мая 2017 г. по делу № 2–704/2017 / СПС «КонсультантПлюс».

ИСТОРИЯ

Взаимодействие королевской власти и парламента во времена правления Эдуарда I

Ряков Евгений Евгеньевич, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

Парламентская монархия — то, с чем ассоциируется Англия в настоящее время, существовала не всегда. Процесс возникновения парламента напрямую связан с королем Эдуардом I Плантагенетом. В Англии распространен миф, одним из авторов которого стал деятель английской буржуазной революции Роберт Коттон [1] о том, что во времена Эдуарда существовал симбиоз королевской и парламентской власти, позволявший стране жить в относительном мире и гармонии. В СССР преобладало мнение о том, что «парламент, как и всякое средневековое сословно-представительное собрание, стоял всецело на службе класса феодалов и отчасти городской верхушки и ничего общего не имел с »народоправством«. Однако как орган государственного управления парламент существует в большинстве стран современного мира, в том числе и в России. Почему же эта форма управления государством настолько распространена? Для того чтобы получить ответ на данный вопрос, нужно погрузиться к самым истокам возникновения парламента на его родине — Англии, и изучить его начальную историю, в которой король Эдуард сыграл наиболее существенную роль. Изучим мотивы создания парламента, проанализируем его отношения с королем, рассмотрим функции средневекового парламента, и охарактеризуем сословное представительство.

Начать стоит с первого соприкосновения короля с парламентом. В 1265 г., во время Второй баронской войны мятежный лорд Симон де Монфор впервые апробировал созыв Парламента. Тот парламент был скорее не органом управления, а собранием союзников де Монфора. Выступая против королевской власти, де Монфор добился немалых успехов, но именно Эдуард нанес ему окончательное поражение. В 1265 году, при Ившеме мятежники были разбиты и большинство из них погибло, в том числе Симон де Монфор. Роялистскими войсками командовал будущий король Эдуард. Отец принца, Генрих III ненавидел де Монфора, в том числе и его «Парламент», поэтому остаток правления короля проходил инертно и без особых государственных преобразований. Эдуард же

думал более прогрессивно. Он понимал, что Англия после Баронских войн нуждалась в преобразованиях.

Эдуард I был умен, и по словам Артура Брайанта «представлял идеал средневекового короля» [2]. Он почитал отца, плохого правителем, и не пытался его сместить (что нетипично для династии Плантагенетов. Самый хрестоматийный пример отношений внутри этой семьи — взаимная ненависть Генриха II и Ричарда Львиное Сердце). Короля отличала еще одна черта — он являлся знатоком гражданского права, и даже пытался создать новую систему правоотношений в государстве. Кроме этого, Эдуард I был одним из лучших полководцев своего времени, что неоднократно доказал (Битва при Ившеме 1265 год, Битва при Фолкирке, 1298).

Эдуард не смог унаследовать власть сразу после смерти отца — он находился в Святой земле, и немалое время возвращался в Англию, по пути побывав во многих европейских государствах. Вернувшись в Великобританию, он пропутешествовал по Англии около 4 месяцев, выслушивая жалобы своих подданных. Впоследствии именно эти жалобы стали катализатором созыва парламента.

Причин к созыву парламента было несколько. Мы постараемся их перечислить:

1) Дефицит бюджета, связанный с неэффективной налоговой системой. Казна во времена начала правления Эдуарда была практически пуста, а бесконечные кредиты Генриха III и молодого короля во время нахождения в Святой земле ухудшали ситуацию.

2) Попытка наладить управление на местах. Создание управленческого органа, который сам мог принимать жалобы и карать чиновничий произвол во время отсутствия короля в Англии.

3) Непроработанная система законов, приведшая к огромному количеству указов, которые не выполнялись.

Эдуард собирал парламент 13 раз [3]. Самым большим мифом является представление о парламенте его времени как статичной организации с устоявшейся структурой, что в корне не верно. Есть прямые противоречия этому. Первое — в ранних парламентах лишь крупные

магнаты участвовали в обсуждениях, но это было исправлено в 1295 году, когда была почти полностью перенята система де Монфора [4]. Второе, даже более странное — король, находясь на войне, иногда приказывал созывать парламент без него самого, тем самым лишая парламент главного действующего лица.

Структура парламента при Эдуарде, выглядела примерно так:

1) два архиепископа (Кентерберийский и Йоркский), епископы и архидьяконы, приоры капитулов, по одному представителю от каждого капитула, по два представителя от духовенства каждого диоцеза, 67 аббатов, приор госпитальеров и магистры двух монашеских орденов;

2) семь графов и сорок один барон;

3) по два рыцаря от каждого графства и по два горожанина от каждого города, имевшего на это права [3].

Парламенты Эдуарда можно условно разделить на два типа:

1) Военные — такие собрания были связаны с войнами короля и занимались, по сути, одним — вытяжкой денег из всех сословий Англии, посредством фиксированных (не всегда) налогообложений.

2) Внутренние (в мирное время) — были направлены на кодификацию законов, издание биллей и указов, установление и обсуждение размеров налогов. Были более длительными, и на них всегда присутствовал король.

Из вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что основная функция парламента при Эдуарде — налоговая, ибо в основном, король воевал. При нем произошло завоевание Уэльса (ок. 1283) и подчинение Шотландии (1296), что подразумевало бесконечные военные походы. Даже после завоевания этих земель, король был вынужден постоянно воевать для усмирения восстаний, часто происходивших там. Тем не менее, кодификация законов также тесно связана с парламентом. Из-за косности высшего дворянства, король уже не мог без помощи вспомогательного органа создать эффективную систему законов. Примером тут выступает знаменитый случай, произошедший во времена отца Эдуарда:

— «Мы не желаем, чтобы законы Англии менялись» — ответили бароны Генриха III на Мертонском совете на заявление епископа Гросстеста о более гуманном отношении к детям, родившимся вне законного брака [2].

Этот принцип распространялся почти на все. Король уже видел Баронские войны, и понимал, что Англия не готова к еще одной. Поэтому, парламент выступал не только как законодательный и налоговый орган, он прежде всего позволял крупным магнатам влиять на политику короля гуманными путями. К несчастью, работало это только при сильном короле, так как при слабом монархе крупные магнаты с помощью парламента стали предпринимать попытки доминировать над государем. Таким образом, королевский указ (ордонанс), одобренный парламентом и монархом становился главной формой издания законов, тем не менее, король мог издавать указы без ведома парламента.

Также парламент осуществлял высшие судебные функции. Впрочем, он мог это делать только вместе с королем. Именно парламент производит существенные преобразования в судебном делопроизводстве Англии. Кроме этого, через него происходит некое лавирование между феодальными слоями общества. Так король в третьем Вестминстерском статуте пытается увеличить количество мелких лордов, присягнувших лично ему [5]. Интересным представляются взаимоотношения парламента с Королем и духовенства (как феодальной структуры). В одних статутах монарх с помощью парламента ограничивает духовенство (статут о Мертвой руке [5]), в других, наоборот, выгоняет всех евреев из страны, тем самым показывая свой яро христианский настрой. Впрочем, попытки заставить духовенство платить налоги лишь иногда заканчивались успехом, так как большинство войн Эдуарда было все же против Христиан (валлийцев и шотландцев).

Парламент во времена Эдуарда начинает демонстрировать определенные признаки политической самостоятельности. Так, на войну с Шотландией и Уэльсом деньги добывались без особых проблем, но на войну за наследственный фьеф Плантагенетов — Гасконь, захваченную французским королем Филиппом Красивым, средства собирались с трудом. Англичане не хотели спонсировать далекий поход короля, понимая, что для них выгоды в нем не будет.

Принято особо выделять парламент 1307 года, якобы говоря о его политическом успехе, заставившем Эдуарда I подтвердить Великую Хартию Вольностей. Однако, король еще в 1275 году подтвердил право на существования как Хартии, так и не менее радикальных Оксфордских провизий. Действительно, в 1307 году король осуществлял налоговую политику без парламента. Но не потому, что он разочаровался в представительном органе, а потому что умирал и торопился успеть воплотить в жизнь свое последнее и очень важное дело — усмирить бунт Роберта Брюса в Шотландии [4]. Поэтому, несколько опрометчиво говорить о победе парламента над королем в этой схватке — король и не думал о борьбе.

Правление Эдуарда можно условно поделить на две части:

1) 1275–1290-е — Коллективное управление Англией монархом и парламентом.

2) 1290-е — 1307 — начало деспотического правления Эдуарда.

В Шотландии и Уэльсе Эдуарда ненавидели из-за целой серии завоевательных войн, которые он начал. Если в начале правления короля, он действительно пытался утвердить справедливый налог для подданных, то после смерти жены и потери Гаскони Эдуард начинает вести себя как настоящий представитель династии Плантагенетов, которые по легенде, вели происхождение от дьявола. Ему нужно было много денег, и он пытался добыть их у парламента, который в тот период не был способен создать достаточно сильную оппозицию, дабы ограничить его политическую волю. Поэтому как самостоятельный политический орган во время Эдуарда парламент так и не вы-

делился, оставшись важным вспомогательным орудием короля.

В целом, мы сумели рассмотреть парламент Эдуарда I и можем вынести определенные выводы:

1) Средневековый парламент Англии времен Эдуарда имеет очень мало общего с сегодняшней общеизвестной демократической системой. Во времена Эдуарда, он был органом привилегированным, но, несмотря на это, все же представительным;

2) На самом деле, уже в XIII веке мы видим начало противостояния (пока заочное, не прямое) только созданного парламента и королевской власти, что в дальнейшем

будет приводить к серьезным социальным потрясениям в стране;

3) Парламент мог осуществлять правление без короля, что на самом деле так же увеличило накал страстей в дальнейшем;

4) Во времена зарождения парламента, главным в нем все же был король. Мы можем сказать, что Эдуард I, стремясь улучшить управление своей страной, действительно справился с своей задачей, но ценой ограничения власти монарха парламентом, произвольно создав противостояние между двумя высшими органами власти — королем и парламентом.

Литература:

1. Гизо. Ф. История английской революции. В 2 томах. Т. 1. — Ростов-на-Дону.: «Феникс», 1996. — С. 130.
2. Брайант, А. Эпоха рыцарства. [Электронный ресурс] Библиотека Якова Кротова. — URL: http://krotov.info/libr_min/02_b/ra/yant_3.html. (дата обращения: 20.11.2016).
3. Смирнов Е. Р. О структурировании Английского парламента. [Электронный ресурс]. — URL: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990195_West_pravo_2001_13\)/30.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990195_West_pravo_2001_13)/30.pdf). (дата обращения: 20.11.2016)
4. Encyclopædia Britannica. 1911. URL: https://en.wikisource.org/wiki/1911_Encyclop%C3%A6dia_Britannica/Parliament#Endnotes
5. Третий Вестминстерский статут. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1200dok/1290ed1.php> (Дата обращения 22.11.2016).
6. A. F. Pallard The evolution of Parliament. Longmans, Green And Co. 1920. P 62—63

ПОЛИТОЛОГИЯ

Тенденции передового мирового опыта в развитии коммуникаций парламента с обществом

Рахманов Дмитрий Каландарович, начальник отдела;

Кабилова Мафтуна, главный научный сотрудник

Институт проблем законодательства и парламентских исследований при Олий Мажлисе Республики Узбекистан (г. Ташкент)

Стратегией действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах в качестве одного из приоритетных направлений совершенствования системы государственного и общественного строительства предусмотрено совершенствование системы общественного управления, в частности, широкое внедрение эффективных механизмов диалога с народом.

В ходе изучения мирового опыта, в целом можно констатировать, что принципиальной разницы в основных механизмах коммуникаций парламента с обществом в нашей стране и за рубежом не наблюдается.

Взаимодействие Олий Мажлиса с обществом осуществляется посредством так называемых коммуникативных каналов, использующих установленные законодательством средства или способы такого взаимодействия. Исходя из положений действующего законодательства одним из основных каналов коммуникаций парламента с обществом является **рассмотрение обращений граждан**. Следует отметить, что порядок подачи обращений граждан в государственные органы регламентируется отдельным законом. Такой порядок присущ правовым системам бывшего союзного государства (Россия, Казахстан, Украина, Киргизия, Азербайджан и др.), при этом, особенности рассмотрения обращений парламентом дополнительно определяются и регламентами парламента, что приводит к дублированию норм в этих странах.

За рубежом процедура рассмотрения обращений граждан, поступающих в парламент, в основном, закреплена в регламентах парламента (Германия, Австралия, Франция, и других европейских странах). Закрепление механизма рассмотрения обращений граждан, поступающих в парламент в рамках отдельного нормативно-правового акта, практикуется лишь в некоторых странах Европы (Великобритания, Финляндия). В Германии принят отдельный закон, регламентирующий работу Комитета по петициям Бундестага.

Механизм рассмотрения обращений граждан парламентом: определение формы и вида обращений, порядок

регистрации и контроля за своевременным реагированием на обращения существует во многих странах.

В тоже время, за рубежом активно возникают и развиваются другие каналы коммуникаций парламента с обществом.

Так, в системе парламента многих стран (Австрия, Бельгия, Чехия, Голландия, Великобритания, Германия), действуют **специальные парламентские комитеты**, основной задачей которых является получение, оформление, распределение, рассмотрение, разрешение, поступающих в парламент обращений, а также осуществление информационно-аналитической работы по обращениям (мониторинг, обобщение и анализ).

В отдельных странах (Дания, Италия, Португалия, Швейцария, Сербия), в дополнение к комитетам действуют специально организованные для рассмотрения обращений граждан рабочие группы или отдельные формирования (отделы) работающие на улучшение коммуникаций парламента с обществом.

В организации коммуникации с обществом практикуется **создание отдельных фондов по стимулированию деятельности местных представительных органов**. Каждый избранник из своего округа имеет доступ к фонду, и, на основании изучения актуальных потребностей своего округа (благоустройство, коммуникации, образование, здравоохранение) принимает решение о выделении, либо не выделении, из фонда необходимой суммы на решение того или иного вопроса.

Большинство парламента пытается улучшить связь с обществом путем проведения дней «открытых дверей» и организации различных культурно-массовых мероприятий. Эти мероприятия продвигают идею того, что, чтобы заинтересовать людей в действенности парламента, нет ничего лучше, чем прямой, физический доступ. В Германии, Франции, и некоторых других странах активно развивается деятельность парламентских пресс-центров, призванных освещать, популяризировать и привлекать внимание общественности к активному участию в деятельности парламента. *Трансляция парламентских за-*

седаний как на своих собственных каналах, так и в сотрудничестве с другими телеканалами по радио и телевидению заметно расширяет круг заинтересованной аудитории [1].

В деятельности парламентов широко распространено движение по формированию и развитию **организаций мониторинга парламентской деятельности**.

В настоящее время в мире существует более ста девяносто одной подобной организации, наблюдающих за деятельностью более восьмидесяти национальных парламентов [1]. Их широкое распространение свидетельствует о том, что деятельность организаций-посредников, которые «ретранслируют» информацию в народ понятным и доступным для восприятия языком, по ходу обобщая и оценивая деятельность их политических представителей, находит широкую поддержку среди общественности.

Как справедливо отмечает Грег Пауэр, директор социального фонда «Глобальные партнеры и союзники»: «Эта тенденция к большей открытости, прозрачности и независимой внешней оценке идет вразрез со многими традиционными идеями политического представительства. Многие политики с недоверием относятся к таким новшествам, особенно к роли публичного комментатора, которую берут на себя организации мониторинга. Без сомнения, подобные институты представляют собой вызов политикам, но, в тоже время, предлагают парламентам возможность осознать, насколько они способны заинтересовать аудиторию в своей деятельности» [1].

Социологические опросы по всему миру свидетельствуют о склонности избирателей судить о парламентариях, скорее, по их способности решать проблемы на местном уровне, чем по законодательной деятельности или осуществлению парламентского надзора.

Таким образом, не вызывает сомнений необходимость улучшения коммуникационных связей между парламентом и обществом, разработка в этой связи лучших стратегических планов по укреплению продуктивного взаимодействия с электоратом. Задача парламентских систем ведущих стран мирового сообщества заключается не только в расширении и улучшении коммуникативных связей с обществом, но и в улучшении качества удовлетворения запросов электората. В этой связи необходимо усовершенствовать существующую в нашей стране систему удовлетворения обращений и запросов граждан соблюдая следующие концептуальные положения:

1) осуществление поиска и определения политических решений для общих проблем, не ограничиваясь решением частных вопросов: движение от специфического к стратегическому;

2) осуществление поиска решений, которые будут выгодны определенным категориям, группам людей, а не

только отдельным лицам: движение от индивидуального к коллективному;

3) определение оптимальных способов для системного использования опыта по удовлетворению интересов электората, как в парламентской (законотворческой), так и в политической деятельности: движение от локального к национальному.

Как отметил Глава нашего государства: «...актуальные проблемы, какой бы сферы или отрасли они ни касались, открыто обсуждаются и решаются с участием населения. Все решения принимаются с учетом мнений, запросов и обращений нашего народа» [2]. Активное участие в достижении большего народного участия в законотворческом и политических процессах наблюдается во многих парламентах мира, частично из-за понимания возрастающего желания народа обладать большим влиянием на ключевые политические вопросы, а также благодаря осознанию парламентариями и политиками значимости вовлечения общественного мнения в законодательный процесс и процесс общественного контроля.

Обеспечение участия общественности в правотворческом процессе имеет важное значение как для развития гражданского общества и построения правового государства в целом, так и для фактической реализации гражданами своих законных интересов. Открытость парламента и прозрачность процедур всех сторон его деятельности позволит продемонстрировать реализацию, не на словах, а на деле, намеченных реформ, установить подлинную атмосферу взаимного доверия между парламентом и обществом, повысить ответственность органов публичной власти за результаты своей деятельности.

Расширение каналов коммуникаций и качественное улучшение их функционирования послужит раскрытию потенциала возможностей для граждан и их объединений в оказании прямого влияния на содержание управленческих публично-властных решений, обеспечивающих результативность государственного и общественного строительства.

Участие граждан, общественных объединений и иных негосударственных организаций в правотворческом процессе обеспечивает установление баланса между государственными и общественными интересами, что, безусловно, является необходимым условием стабильного функционирования любого государства.

Следовательно, изучение деятельности парламентов зарубежных стран и имплементация передового зарубежного опыта в сфере развития коммуникативных связей парламента с обществом в свете осуществляемых в нашей стране широкомасштабных реформ имеет первостепенное значение.

Литература:

1. Глобальный парламентский отчет / Изменяющийся характер парламентского представительства — Ташкент: Baktria press, 2012. — 124 с.

2. Доклад Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на видеоселекторном совещании, посвященном анализу деятельности палат парламента и политических партий в Законодательной палате Олий Мажлиса Республики Узбекистан 12 июля 2017 года. /<http://uza.uz/ru/politics/parlament-nashey-strany-dolzhen-stat-shkoloy-istinnoy-demokr-13-07-2017>

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 48 (286) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 11.12.2019. Дата выхода в свет: 18.12.2019.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.